

Анатолий Подольский

Не переступить черту

Повесть, рассказы

Йошкар-Ола 2021

Издательский дом

«Марийское книжное издательство»

УДК 821.161.1

серия

ББК 84 (2=411.)6-44

НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

П 44

Книга издана по государственной программе Республики Марий Эл «Государственная национальная политика Республики Марий Эл

Подольский, Анатолий Анатольевич.

Не переступить черту: повесть, рассказы /А.А.Подольский. – Йошкар-Ола: Издательский дом «Марийское книжное издательство», 2021. – 311 с.

ISBN 978-5-7590-1312-9

Знак информационной продукции 12+

У Анатолия Подольского это вторая книга прозы, куда вошла повесть и несколько новых рассказов. Повесть рассказывает о непростых судьбах героев с семидесятых годов прошлого века до наших дней и на каждом этапе у них - был выбор... Рассказы автора знакомы читателю по публикациям в литературных журналах и на сайтах ведущих литературных изданий страны. Все повествования – увлекательны, драматичны, с долей иронии. В центре сюжетов – разные люди в необычных ситуациях, которые вынуждены для себя ответить на вечные вопросы человечества: что важнее... Легкий стиль изложения увлекает читателя и заряжает оптимизмом.

УДК 821.161.1

ББК 84 (2=411.)6-44

ISBN 978-5-7590-1312-9

© Подольский А.А., 2021

© Бакулевский А.С., рисунки, 2021

О ЖИЗНИ ТАКОЙ...

Читая прозу Анатолия Подольского, нельзя не вспомнить о весьма популярных в прошлом веке "народных книгах", героями которых были люди с обыкновенными и необыкновенными для своего времени судьбами, проблемами и надеждами. Выходившие самыми массовыми тиражами такие произведения, как "Ивушка неплакучая" Михаила Алексева или "Тени исчезают в полдень" Анатолия Иванова предназначались для широкого круга читателей. Ведь даже и "Тихий Дон" Михаила Шолохова, увенчанный Нобелевской премией в те годы, когда её удостоивались лишь самые выдающиеся авторы, тоже был весьма и весьма популярным в народе. И в пору моей юности в нашем сельском клубе самыми предпочтительными оказывались театральные постановки сцен именно из этого воистину эпического романа.

Смею предположить, что причиной нынешнего падения книжных тиражей стало в значительной мере то, что произведения, рассказывающие читателю о людях, в которых читатели узнавали бы самих себя, и о жизни такой, какая она есть на самом деле, напрочь исчезли из книжной торговли, поскольку коммерческими издательствами с начала 90-х годов, в массе своей ориентирующимися на литературу «новую», стали полностью игнорироваться.

И вовсе не случайно еще в начале прошлого века английский писатель Гилберт Кит Честертон предостерегал, что большая часть человечества останется верной своим *"потрепанным книжкам"*, написанным с верой в то, что *"отвага — это высшая добродетель, что верность — удел благородных и сильных духом, что спасти женщину — долг каждого мужчины и что поверженного врага не убивают"*, а *"эти простые истины не по плечу литературным снобам"*.

А что для читателей, *"снобами"* не являющихся, может быть интересней, чем, например, герои повести Анатолия Подольского, сформировавшиеся как разного рода человеческие типы и характеры в далекие советские времена, а потом, каждый по-

своему, кто трагически, а кто и успешно пережившие и перестройку, и "шоковую терапию", и ныне уже приближающиеся к пенсионному возрасту?

Автор не идеализирует ни прошлое, ни настоящее, он всего лишь правдиво о нашем времени и о нашем в нём человеческом бытовании рассказывает. Вполне узнаваемым является главный герой повести "Не переступить черту" Алексей - эдакий мечтатель и романтик, остро переживающий не столько по поводу того, что ему, нечаянно отставшему от автобуса, увозившего его с однокурсниками с сельхозработ, пришлось добираться до города на случайных попутках, сколько из-за того, что *"не понимал, почему при таких очевидных обстоятельствах за ним не вернулись"*, и что *"группа их – не коллектив вовсе, а «каждый сам за себя»"*.

События в повести вытекают одно из другого. Появился у студента Алексея побочный заработок, значит и в ресторан стал он с однокурсниками иногда захаживать. А красивая жизнь приманчива. Однажды Алексей подобрал кем-то оброненный кошелек с большими деньгами, и друзья принялись уговаривать его не заявлять о находке. Но едва Алексей увидел опечаленного мужчину, явно ищущего этот кошелек, сразу свою находку ему возвратил.

"Деньги идут к тем, кто их собирает, а не к тем, кто раздает. Ты сделал неправильный поступок – отказался от денег, а деньги имеют память. Раз они тебе не нужны, зачем они к тебе придут?" - разочарованно поучает Алексея его однокурсник Галанин. И опять же, если Алексей не торопится вступить в партию, пытается понять, не покривит ли он при этом душой, то Галанин не колеблется и своего сомневающегося однокурсника уверенно наставляет: *"Через год по распределению могут заслать туда, где «Макар коров не гонял», а я хочу в городе остаться. Мать похлопочет, а с партийными корочками результат скорее получится. И в армии, если заберут, партийных «старики» и «дембеля» не прессингуют. Сечешь?"*

Так в повести бытовая правда обретает правду историческую - со всеми её причинно-следственными связями. И читателю уже нетрудно будет самому догадаться, что именно такие партийцы, как Галанин, оказавшиеся у руля государства, первыми "просекли", что советский проект общественного развития для них будет выгоднее свернуть.

Опять же, как и должно быть в настоящей русской прозе, в повести и в рассказах Анатолия Подольского весьма важной остается тайна простого человеческого счастья. И хотя счастье - это еще и семья как сбывшаяся мечта о настоящей любви, герои Анатолия Подольского, как это чаще всего бывает, одинаково доверяются и своим изменчивым настроениям, и вроде бы всегда более чем убедительной общей житейской логике. Но не всегда их выбор оказывается верным. А по прочтении книги Анатолия Подольского с особой остротой понимаешь, что и счастливая любовь, и то нравственное чувство, которое только и может не позволить нам "не переступить черту", должны оставаться высшей ценностью даже и в наш "потребительский" век.

Но не бывает у нас двух жизней - одной, чтобы понять, как надо жить, а другой, чтобы уже ни в чём не ошибиться.

Но - настоящая литература тем и отличается от модифицированной и "креативной", что в ней для будущего времени век от века концентрируется нравственный и духовный опыт сбережения высоких смыслов и того человеческого образа, который не оскорбляет наших представлений о нашем человеческом достоинстве. Как писал выдающийся русский мыслитель М.М. Бахтин, настоящими творцами *"отменяется всякое представление ...о каком-то прямолинейном движении вперед"*. Они утверждают, *"что всякий действительно существенный шаг вперед сопровождается возвратом к началу... к обновлению начала. Идти вперед может только память, а не забвение"*.

А если всякая новая книга - это уже память о прожитом, и каждый её новый читатель относительно её героев - принадлежит времени будущему, то значит, будущее наше зависит также и от того, какие книги мы сегодня читаем.

Николай Дорошенко,
заместитель председателя
Союза писателей России

Не переступить черту

Повесть

Часть 1. Всё ещё впереди

День рождения у шестнадцатилетнего Алексея прошёл шумно и весело. Мать Алексея накрыла праздничный стол и ушла вместе с мужем на нефтебазу, где тому предстояло суточное дежурство. Сделала она это, чтобы не смущать молодёжь своим присутствием. В конце 70-х годов XX века нравы маленького городка Низольска были не столь консервативны, как в 50-е и 60-е годы. Молодёжь вечерами танцевала в парке под музыку местного ансамбля, а парочки спокойно разгуливали по парку и в самом городе, причём девушкам надо было всё время следить, чтобы их высокие каблочки не попали в щели деревянных тротуаров. В единственном городском ресторане почти каждый вечер столики были заняты, а на улице, перед входом, иногда даже образовывалась очередь. Конечно, пересуды, сплетни и разговоры о расшалившейся и распустившейся молодёжи уже набрали силу и ходили по дворам, да так, что это явление до сих пор, уже в годы нынешнего XXI столетия, осталось неизменным. А может, оно всегда было, со времён Римской империи или ещё раньше.

Одним словом, родители разрешили Алексею отпраздновать день рождения в кругу своих друзей и знакомых девчонок у себя дома. На праздник пришли и два взрослых парня, соседи Алексея, жившие рядом, которым было уже по восемнадцать-девятнадцать лет.

Родители, учитывая знаковое событие для сына, кроме лимонада, поставили на стол бутылку вина, оговорив при этом, чтобы девушкам вино не наливали. Только благими намерениями вымощена дорога в ад. Алексей заранее, не сказав родителям, купил бутылку вина и бутылку водки. Взрослые ребята тоже пришли с водкой. Когда все бутылки были поставлены на стол, присутствующие стали шутить по поводу того, кто это всё выпьет. Многие из них уже пробовали алкоголь, но это были совсем маленькие дозы. А тут — батарея бутылок. Сначала все чинно и даже как-то стесняясь поздравляли именинника, но потом старшие ребята объявили, что «пора вам, молодёжь, взрослеть уже», налили всем вино. И все выпили. Видимо, никто не хотел показаться маленьким, несозревшим. Алексей включил магнитофон, и начались танцы. Немного погодя кто-то сказал: «Лёха, к тебе ещё гости». В ограду дома вошла девчонка-подросток.

— Это Миля, она иногда заходит к нам. Просто так. Увидит, что у нас тут гулянка, и уйдёт, — ответил Алексей. Он вышел в сени и открыл наружную дверь. Перед ним стояла Миля в нарядном сиреновом платье, в её руках был небольшой букет полевых цветов. Она протянула его Алексею со словами:

— Поздравляю с днём рождения! Желаю счастья и успехов в учёбе.

— Спасибо.

Алексей немного растерялся. Миле было всего четырнадцать лет, и приглашать её в их компанию было не очень удобно, но, чуть замешкав, Алексей проговорил:

— Заходи, раз пришла — вся такая из себя.

Он усадил Милю за стол, поставил перед ней какой-то салат и бутылку лимонада, а сам снова вернулся в круг весёлых парней и девчонок. Миля наблюдала, как собравшиеся гости «зажигали», танцуя, под громкую музыку, а потом незаметно ушла. Настоящее имя Мили было Людмила, но так её никто не называл. Все звали Миля.

На другой день Алексей проснулся поздно. Болела голова. Вчера первый раз в жизни он выпил водки. Оказывается, это такая гадость. Нет, он никогда больше не будет пить, по крайней мере, водку. С трудом повернул голову и увидел сидящую на кровати Милю.

— Ты чего здесь? — спросил Алексей удивлённо.

— Зашла с утра проверить. А тебе плохо. Ты стонал во сне, и тебя вырвало даже. Правда, я всё вытерла, но надо ещё в доме прибраться. У тебя здесь — словно Мамай прошёл. Родители к вечеру вернутся, а тут такое. Иди, умывайся, и будем прибираться.

Но уборку делала Миля, а Алексей лишь выносил мусор и говорил, куда, что положить из разбросанных вещей. Когда родители вернулись, то даже удивились, что в доме такой порядок. На их вопросы пришлось рассказать, что помогла прибраться Миля Карачёва.

— Ты её тоже приглашал? — спросила мать.

— Нет, она сама вчера заходила поздравить. А утром сегодня просто зашла.

— Как прошёл вечер?

— Похоже, классно. Давай потом.

Алексей данное себе слово держал: водку больше не пробовал. Даже на выпускном вечере после окончания школы, когда ребята-одноклассники позвали его на высокий берег реки, что сразу за школьным парком, у старой церкви, где они спрятали две бутылки водки, он не стал пить. Директор разрешил выпускникам налить шампанского за столом, родители могли выпить что и покрепче, и, наверное, кое-кто из взрослых догадывался, для чего ребята отлучаются в парк, но отнёсся к этому снисходительно.

Ведущая объявила, что сейчас прозвучит вальс, и дамы приглашают кавалеров. Алексей с удивлением смотрел, как его родители легко кружатся в вальсе под звуки ритмичной, немного сентиментальной, но, как казалось ему, совсем не современной музыки. Он даже не подозревал, что они умеют так хорошо танцевать. Оказывается, они ещё совсем не старые. Сам Алексей вальс танцевать не умел, но с удовольствием принимал участие в быстрых танцах.

Зазвучала плавная музыка для «медляка», и Алексей пригласил Анну Васильевну, своего классного руководителя. Это была стройная девушка невысокого роста, с белыми волнистыми волосами и широко распахнутыми глазами. Анна Васильевна, молодая выпускница пединститута, стала классным руководителем Алексея и его одноклассников в девятом классе, и два года класс души в ней не чаял. Алексею же она нравилась не только как учительница, но и как очень привлекательная девушка. Он, конечно, никому не рассказывал об этом, но сама Анна Васильевна догадывалась, правда, виду тоже не подавала. И вот десятилетка позади — выпускной!

— Куда, Горностаев, поступать будешь? — спросила Анна Васильевна.

— В политехнический институт в Градосеверске.

— Ты уверен, что технарём хочешь быть? У тебя же склонности к гуманитарным наукам. Я даже в характеристике твоей это отметила. Думала, журналистом или историком хочешь стать. Только ты очень впечатлительный.

— Документы хочу на инженерно-экономический факультет подавать, так что серединка на половинку. А можно, я Вас спрошу о другом?

— Спроси.

— Вы тоже собираетесь вернуться в Градосеверск?

— Откуда ты это взял?

— Нет, правда, скажите.

— Даже если так, тебе зачем?

— Я Вас там найду.

— Послушай, Горностаев, я тоже буду скучать по всем вам. Но в школе будут встречи выпускников, меня, надеюсь, будете приглашать, вот там и увидимся.

— Я о другом. Могут же люди встретиться как бы случайно.

— И я «о другом». Тебе к вступительным экзаменам не мешкая готовиться надо. Конкурс на экономический — запредельный.

Когда уже под утро все стали прощаться друг с другом, многие одноклассницы плакали. Все были в полной уверенности, что будут встречаться ежегодно. Алексей подошёл к Анне Васильевне, она подала ему руку. Он хотел ещё раз сказать, что обязательно встретит её, но Анна Васильевна неожиданно приставила ладошку к его губам и, приподнявшись на цыпочки, тихо сказала:

— Прощай, милый Горностаев.

Домой Алексей возвращался в смятении. Слово «милый», произнесённое молодой женщиной, не давало ему покоя. А ещё — она ведь положила пальцы ему на губы. Молодой человек был переполнен впечатлениями, в большей степени, возможно, рождёнными его фантазиями. Он вспоминал некоторые эпизоды его школьной жизни, связанные с его любимой учительницей. Как-то раз, осенью, их выпускной десятый класс направили на картошку. Школьников иногда привлекали к различным сельхозработам в пригородных колхозах, это называлось «поехать на картошку». Когда день уже заканчивался, Алексей с Анной Васильевной последними возвращались из овощехранилища к школьному автобусу. Они задержались, потому что учительница ещё раз сверяла свои записи в тетради, сколько тонн капусты её школьники разложили по мешкам и потом загрузили эти мешки в прибывающие за овощами грузовики, Алексей под благовидным предлогом не оставил её одну. Когда выходили, уже смеркалось. Анна Васильевна в резиновых сапожках чуть не поскользнулась на одной из замёрзших луж в поле.

— Может, возьмёшь даму под руку, кавалер? Или нет, давай лучше я за тебя подержусь, — и сама взяла Алексея под руку. Они шли так по полю недолго, но у Алексея перехватило дух, он даже плохо слышал, как Анна Васильевна рассказывала, что, будучи студенткой, сама ездила с однокурсниками на картошку. Так они подошли к центральной усадьбе колхоза, где их ждал автобус, Анна Васильевна аккуратно убрала руку из-под локтя Алексея и шутливо сказала:

— Ты выполнил благородную миссию. Спас даму от возможного падения, а может, и травмы, благодарю.

— Будь готов! Всегда готов! — шутливо ответил Алексей.

Вспомнил он и совсем недавний случай перед выпускными экзаменами. Классный руководитель задержала его в классе.

— Давай поговорим об экзаменах. На медаль ты не дотягиваешь, да это, возможно, и не надо, но, боюсь, твоя самоуверенность может сыграть плохую шутку. Ты знаешь, что за сочинение ставится единая оценка по русскому языку и литературе. За стиль изложения я не беспокоюсь, твои сочинения — лучшие в школе. Но если ты нагромозишь массу сложносочинённых и сложноподчинённых предложений, не мудрено сделать ошибки. Думаю, на экзамене не стоит увлекаться хитросплетёнными фразами, это не тот случай, что надо всех превзойти. Просто надо написать грамотно, без ошибок, пусть и краткими лаконичными предложениями. Ты меня понял? — И положила свою ладонь на его руку, лежавшую на парте. Она смотрела прямо в его глаза спокойно, но как-то слишком заботливо, даже нежно.

Алексей не шевелился, пусть ещё чуть-чуть её рука касается его руки...

Теперь, гуляя по уснувшему городку, наполненному запахами деревьев, кустов и цветов, он снова и снова вспоминал все эти разговоры и мимолётные прикосновения.

«У любви свои законы, но законы эти определяет сама любовь» — всплыла вдруг фраза в голове, когда он подошёл к своему дому. Но так и не вспомнил, то ли он это где-то вычитал, то ли сам придумал прямо сейчас.

Уснул Алексей только засветло.

Документы в институт он решил отвезти сам, а не высылать по почте. Поездка требовала подготовки. От Низольска до Градосеверска без малого пятьсот километров. Дорога — одно название, рейсовые автобусы не ходят. Надо или на попутном грузовике ехать (а они тоже не всегда бывают), или добираться до железнодорожной станции, она ближе — за двести километров. Затем уже поездом до Москвы, там пересадка, и снова поездом до Градосеверска. На второй вариант уходило не менее двух суток. Но он выбрал именно этот, через Москву. Он бывал в областном центре и знал, где находится политехнический институт. В приёмной комиссии у него взяли документы, сказали, когда приехать на первый вступительный экзамен, и предложили пройти в общежитие, к коменданту, если на время экзаменов ему нужно место в общежитии. Комендант, женщина средних лет, с интеллигентной внешностью, разрешила ему переночевать, так как уезжать Алексей должен был на другой день, вечером.

Завершив все дела, молодой человек вернулся домой в Низольск. Этот небольшой городок хоть и получил статус города ещё во времена Екатерины II, но так и не вырос до уровня современных больших городов. Да и как он вырастет, если даже асфальтовой дороги до него нет. Большинство домов в Низольске были бревенчатые, частные, с огородами и палисадниками. Многие горожане в те годы даже скот домашний держали. Но были и двух-, и трёхэтажные дома с благоустроенными квартирами.

Дом Горностаевых находился недалеко от центра, у них был свой небольшой огород, веранда, баня и сарай. Две старшие сестры Алексея, окончив школу, уехали в разные города, но приезжали навестить родителей и младшего брата. Если для матери Алексей был любимчиком, то отец, не желая, чтобы сын вырос «белоручкой», иногда брал его с собой на нефтебазу, где поручал самую разную работу: от ремонта забора до очистки изнутри огромных цистерн, из которых слили топливо. После такой работы одежда Алексея не отстирывалась от масляных пятен, мать ругала отца, но тот спустя какое-то время снова брал сына «на производство». Правда, были в этом и положительные моменты: мальчишка с детства наблюдал работу трактористов, сварщиков, слесарей. Сидел в кабинах больших бензовозов, во время навигации наблюдал, как речные танкеры причаливают к берегу реки, рядом с нефтебазой и затем по огромным шлангам перекачивают из своих трюмных баков горючее в цистерны. Отец его даже косить научил: территория нефтебазы должна быть в идеальном порядке, поэтому вся трава регулярно скашивалась.

К моменту окончания школы Алексей был парнем среднего роста, русоволосым и очень подвижным. Он был худощавым, но жилистым и мог постоять за себя, что в те годы ценилось среди сверстников. Его любимой спортивной игрой был футбол, а главным увлечением — книги. Зимой Алексей ходил на лыжах, участвовал во всех школьных соревнованиях, а летом ездил в деревню, к бабушке, но ненадолго. В Низольске жили друзья, и ему с ними было интереснее.

Теперь его ждала новая жизнь. Только надо хорошо подготовиться к вступительным экзаменам. Днём он сидел за учебниками, а вечером иногда гулял с друзьями. В один из таких летних убаюкивающих вечеров, вызывающих необъяснимую грусть и томление, он возвращался с дискотеки, что проходила в парке культуры. На скамеечке у его дома сидела Миля.

— Ты чего здесь? — спросил Алексей и присел рядом.

— Привет! Да мы с девчонками гуляли, я их проводила и просто решила посидеть.

— Но ведь поздно уже, родители не ругают?

— За мной подружки заходили, родители сами разрешили пойти с ними, а теперь уже спят. Ты скоро уедешь?

— Да, вступительные начинаются.

— А правда, что ты жениться собрался на учительнице?

— Ты чего мелешь? Белены объелась?

— Я слышала, как твои одноклассницы обсуждали, что ты запал на училку и больше никого не видишь кроме неё.

— Это у них кризис переходного возраста повлиял на восприятие окружающего мира. Учиться мне предстоит пять лет, а не жениться. Плюс после института год армии, так что минимум шесть лет, а то и больше до какой-то женитьбы.

— Здорово! Значит, у меня есть шесть лет в запасе. Только это слишком много.

— Ты о чём? — спросил Алексей и повернулся к Миле. Их лица оказались совсем рядом. Большие, источавшие чистоту и наивность глаза Мили смотрели на Алексея, без слов объясняя её девичью тайну. Алексей не стал читать ей нотации, хотя и надо было, а по-дружески обнял девочку одной рукой за плечи.

— Поцелуй меня, — сказала Миля. Алексей улыбнулся и поцеловал её в щёку.

— Нет не так, по-настоящему, в губы, — прошептала Миля.

— Ты же ещё маленькая, тебе шестнадцати даже нет, — как-то смущённо проговорил Алексей, но чувствовал, что и ему приятно сидеть с этой девочкой, которую знал столько лет.

— Шестнадцать скоро будет, а насчёт «маленькая», я тебе скажу, что меня взрослые парни гулять приглашают. А они постарше тебя будут.

— Не вздумай. А то тебе от меня достанется. Им тоже, — уже серьёзно сказал Алексей.

— Сама не собираюсь. Тоже мне — укротитель. Напугал.

Потом они сидели молча. Алексей понимал, что надо уже прощаться, но что-то его удерживало. И всё-таки они поцеловались, сначала очень робко, едва касаясь губами друг друга, а потом, забыв обо всём, упивались в нежных безгрешных поцелуях.

Алексей уже целовался с девушками, это произошло ещё в девятом классе, после школьной дискотеки, когда он пошёл провожать девочку из параллельного класса. Можно сказать, более опытная чем он, школьница, сама того не подозревая, помогла ему освоить приятную технику поцелуев. Но тогда это был какой-то физиологический посыл, и только, а сейчас он чувствовал не только доверчивое девичье тело, но и её душу, в фантастическом порыве от первого в её жизни поцелуя.

Когда Алексей случайно взглянул на ручные часы (подарок родителей на семнадцатилетие), то, восторженувшись, проговорил:

— Миля, давай я тебя провожу, светает уже. Не дай бог, твои родители обнаружат, что тебя дома нет.

— Не надо, не провожай. Я сама быстрее. — И девушка бегом помчалась в сторону своего дома.

Через несколько дней абитуриент Алексей Горностаев проживал в общежитии № 1, в городе Градосеверск, по улице Волкова, и сдавал вступительные экзамены в политехнический институт. Первый экзамен — сочинение. Когда три варианта тем сочинения были написаны на доске большой аудитории, Алексей успокоился. Одна из тем практически повторяла его сочинение на выпускном школьном экзамене по литературе: «Народ в романе Льва Толстого «Война и мир». Экзаменатор уже заканчивала объяснение правил

выполнения работ, как вдруг дверь аудитории открылась и вошла высокая блондинка с огромной причёской на голове. Огромной — по вертикали, что делало девушку ещё выше. Опоздавшая спокойно прошла на свободное место, экзаменатор сама принесла ей листы для сочинения (остальным они были розданы заранее), и абитуриенты приступили к работе. Алексей легко справился с темой, но не спешил сдавать сочинение членам комиссии. Он тщательно проверял снова и снова каждое предложение. При таком конкурсе ему нужна была только пятёрка. Когда он заходил перед экзаменом в аудиторию, то обратил внимание, что среди прочих двое парней сидели в солдатской форме. Дембеля, отслужившие в армии, отметил про себя Алексей, они проходят вне конкурса и форму надели специально, чтобы преподаватели заранее видели — им положены привилегии. И ещё обратил внимание Алексей на большое количество девушек в броских нарядах.

«Зачем так разодеты»? Но этому он объяснение придумывать не стал, не до того.

В общежитии, где жили иногородние абитуриенты, все быстро перезнакомились между собой. В одной комнате с Алексеем оказался один из «дембелей» — Рогозин Веня, за которым сразу в общежитии закрепилась кличка «Старый». Вообще-то Веня был, можно сказать, городской парень, но жил с родителями в доме, который числился за сельским районом, примыкающим к городу, и как сельскому жителю ему полагалось общежитие, чем он и воспользовался. В комнате также жили: Вадим Теплянов, высокий русский парень из Татарии, неведомо зачем решивший поступать в далёкий от его малой родины институт, которого чуть позднее прозвали Ханориком; Валера Терентьев, деревенский мальчишка маленького роста, и украинец Алексей Лысенко. Лысенко был старше обычных абитуриентов, приехал из Мурманска, где ходил в море. Он намеревался поступить здесь в радиомеханический техникум, сумел уговорить коменданта и один из первых поселился в общежитии политеха. Ему было 22 года, он отслужил в армии и успел поработать на судне радиомехаником. Поступить в институт он бы не смог, как говорил сам, всё забыл, и сейчас пытался сдать экзамены в техникум. Больше всего он боялся математики.

— Понимаешь, учиться я смогу, это моя специальность, — объяснял он Алексею, но математику мне не сдать.

Оба Алексея, несмотря на разницу в возрасте, как-то быстро подружились и в свободное время выходили в город всегда вместе.

Когда Алексею Горностаеву оставалось сдать всего один экзамен, Лысенко стал уговаривать тёзку пойти в техникум вместо него на устный экзамен по математике.

— Ты как это себе представляешь? К справке абитуриента фото приклеено, на экзамен все приходят с такой справкой, — не соглашался Горностаев.

— Так мы же похожи. И фото там маленькое. Кто присматриваться будет. Выручай, брат! — просил украинец.

— А если я завалю экзамен? Я ведь не знаю требования к экзамену в техникум.

— Если уж ты завалишь, кто тогда сдаст? Нет, там вопросы легче, чем при поступлении в институт.

Алексей сомневался и, чтобы закрыть тему, сказал:

— Сто рублей с тебя за это.

Это были немалые по тем временам деньги, директора предприятий получали зарплату в 130—150 рублей.

— Давай 75. Сто рублей мне не потянуть.

Аргументов у Алексея больше не было. Они ещё раз обсудили все детали. Затем Горностаев подвёл черту:

— Ладно. Схожу на экзамен за тебя. Денег, конечно, не возьму: я так понимаю, что мы друзья. Но ты никому ни слова. Если даже меня разоблачат и мне придётся «ноги делать» с экзамена, не выдавай меня. Иначе мне института не видать.

— Вот те крест! — и Лысенко действительно перекрестился.

— Ты что, не комсомолец?

— Комсомолец, но ты же сам, можно сказать, заставил. Железно, никому!

Воспитанный на правильных книжках, Алексей шёл на экзамен за нового друга, считая, что это оправдано. Человек хочет учиться, и не его вина, что так сложились обстоятельства. Поэтому надо помочь.

Но на экзамене вышел казус. Вопросы Алексею показались лёгкими, и он попросился отвечать без подготовки. Преподаватель выслушала его чёткие ответы и задала несколько дополнительных вопросов. Алексей снова отвечал быстро, иногда писал на доске формулы. Седовласая женщина-преподаватель спросила:

— Какую школу Вы заканчивали? — Алексей растерялся: он знал, что Лысенко учился где-то на Украине, но не знал, где именно, и потому ответил:

— Низольскую среднюю школу №1.

— Хорошие знания. Почему не в институт поступаешь?

— Отец посоветовал техникум.

На другой день Лысенко благодарил Алексея:

— Ты, конечно, переборщил. Единственная пятёрка по математике вчера была на курсе. Твоя, то есть моя. Ребята в коридоре сегодня говорили, что не видно того парня, который вчера все вопросы как семечки щёлкал. Представляешь, куратор группы меня старостой назначил. В общем, теперь меня однозначно зачислят.

— Не проговорись где, а то обоим хана, — ещё раз напомнил другу Алексей.

Но вскоре суэта студенческой жизни развела ребят в разные стороны.

Алексей был зачислен в политехнический институт, как и его соседи по комнате в общежитии. Многие парни и девушки не прошли по конкурсу. Подавать документы абитуриенты имели право только в одно высшее учебное заведение. Лысенко поступил в радиомеханический техникум и перешёл в общежитие техникума, а потом и вовсе снял угол в благоустроенной квартире у одинокой женщины.

С первого сентября начались занятия и студенческая жизнь, которая поглотила Алексея полностью на целых пять лет. Первые три года на инженерно-экономическом факультете считались самыми сложными. Помимо общеобразовательных дисциплин (высшая математика, полит-экономика, философия, история, химия, иностранный язык, черчение) преподавались инженерные дисциплины: начертательная геометрия, геодезия, теоретическая механика, сопромат, строительное дело. А с третьего курса студенты начинали изучать дисциплины по их непосредственной специальности. Алексей, общительный и коммуникабельный по натуре, обзавёлся многочисленными друзьями и приятелями. Особенно он сдружился с Валерой Захаровым. Валера учился с ним на одном потоке, но в разных группах, был старше Алексея на два года (успел отслужить в армии) и жил не в общежитии, а в отдельной однокомнатной квартире в пятиэтажном доме на окраине города. Квартиру ему оставила на неопределённое время сестра, которая после развода с мужем уехала в Кострому. Туда же уехал и муж, видимо, надеясь вернуть бывшую жену.

Валерий не знал, сколько времени в его распоряжении будет квартира, а потому охотно предоставлял её однокурсникам на проведение разных весёлых мероприятий. Когда свободного времени было много, студенты ехали к Валере, но это было далеко, и чаще всего собирались в комнате у Алексея, в общежитии. Это называлось — «зависнуть у Лёхи». Валерий общался не только со своими однокурсниками, у него

появились местные знакомые: городские парни и девушки. Иногда он рассказывал Алексею, что он провёл ночь с такой-то и такой-то девушкой. Это были всегда девушки не из их круга. Алексей однажды спросил:

— А почему ты девушек из института не кадришь?

— Нельзя. Это накладывает определённые обязательства. А я человек независимый. А ты всё непорочность блюдёшь? Ты знаешь, я тебе квартиру в любое время предоставлю.

Как-то Алексей даже согласился. Он познакомился на танцах в городском доме культуры с одной девушкой старше его и после нескольких вечеров, проведённых вместе, сказал, что у его друга есть отдельная квартира и они могут зависнуть там на всю ночь. Девушка согласилась. В назначенный вечер Валерий остался ночевать на койке Алексея в общежитии, а Алексей ждал гостью в квартире. Он купил бутылку вина, а закуска, по словам Валеры, была в холодильнике. Алексей приехал в квартиру намного раньше, и, видимо, это сыграло свою роль. В суматохе студенческой жизни, где лекции и практические занятия сменялись тренировками в спортзале и на стадионе, долгим сидением в читальном зале библиотеки и весёлым времяпровождением с друзьями, он не отвечал даже на редкие поздравительные открытки Мили. С однокурсницами у него были ровные товарищеские отношения, он никого не выделял и не пытался ни за кем приударить. И вот свидание на всю ночь с взрослой девушкой. Он сидел один, в размышлениях, и чувствовал, что всех предаёт: Милю, доверчивую и наивную, Анну Васильевну, которую даже не пытался отыскать, своих школьных одноклассниц, к которым относился хорошо, но, может, излишне равнодушно. Он хотел того, что сегодня произойдёт, но как-то не так это представлял. Уж слишком это было не романтично. Вот если бы он ждал не эту девушку, а Анну Васильевну... Он живо представлял себе картины, как он обнимает и ласкает её, и ему стало совсем невмоготу. Алексею показалось, что если сейчас он переспит с этой девушкой, то уже никогда не будет с Анной Васильевной. И как он посмотрит в глаза Миле?

Когда раздался звонок, он не шевельнулся.

Нет, он не струсил, он просто не может переступить через себя. А перед девушкой он извинится. Только открыть дверь он не может. Такие мысли вертелись у него в голове.

Звонок прозвенел ещё раз, и Алексей услышал звук удаляющихся шагов по лестнице...

Утром перед занятиями Валера спросил:

— Ну как? Я думал, ты на первую пару не придёшь.

— Всё как по маслу. Ничего особенного. Я думал, это круче, — ответил Алексей.

— Ты просто не разобрал с первого раза. Перегорел. Бывает. Аппетит приходит во время еды. А у тебя это был даже не обед и не завтрак, а так — кофе с молоком.

И всё же это произошло в квартире Валеры. Ребята заканчивали первый курс. Валерий сдал весеннюю сессию и сразу уехал домой, оставив ключи от квартиры Алексею. Алексей хотел записаться в стройотряд и уехать на стройку, чтобы заработать в летние каникулы денег, но, оказалось, в стройотряд берут только со второго курса. Помогли знакомые старшекурсники. Они рассказали, что в политехе каждый год организовывался студенческий отряд для работ при институте. Строительная организация, занимавшаяся ремонтом вузовских зданий, оплачивала работу этого «городского» стройотряда. Ребята зарабатывали меньше, чем другие парни и девушки на крупных стройках, зато жили в городе. Декан, учитывая участие Алексея в общественной жизни факультета, поручился за парня перед председателем стройотряда, и Алексей в середине июня вышел на работу. Вот где пригодились навыки, переданные отцом. Алексей умел делать кирпичную кладку, замешивать раствор, строгать, управляться с бензопилой. Но чаще всего ребятам приходилось таскать на носилках строительные отходы, выгружать кирпичи, цемент и различное оборудование.

В первые дни вечерами болели руки и ноги, но потом парни втянулись и каждый день, за исключением выходных, до вечера работали на равных со штатными рабочими. А через десять дней Алексею выдали аванс. Причём приличную по его понятиям сумму. Алексей пришёл в квартиру, помылся в ванной, оделся и отправился в город. На лестничной площадке он столкнулся с соседкой, молодой женщиной, которая часто пела на концертах в ДКСА (Дом культуры Советской Армии). Алексей был с ней знаком почти год, но все их разговоры носили чисто формальный характер.

— И чего такой счастливый? Цветёшь и пахнешь, — соседка остановилась, с улыбкой разглядывая Алексея.

— Сессию сдал хорошо. Со второго курса у меня будет повышенная стипендия. А ещё при институте работать устроился, временно, конечно, пока каникулы.

— Так это надо отметить, — предложила соседка.

— Замётано. Я — за продуктами, в магазин.

— Купи только вино. У меня всё есть. Я вчера наготовила, а гости не пришли. Когда вернёшься, позвони в дверь ко мне, и я к тебе приду.

Через час Алексей и Светлана сидели за столом, пили вино, закусывали салатами, домашними котлетами и весело болтали. Алексей включил магнитофон, обнявшись, они танцевали медленный танец, и Алексей вдыхал запах духов и трогал белокурые волосы Светланы, такие же, как у Анны Васильевны. Всё сильнее он прижимал к себе стройное податливое тело молодой женщины — и вот уже их губы слились в сладострастном поцелуе. Алексей поднял Светлану на руки, немного покругил её и положил на кровать...

Несколько дней Алексей жил в каком-то восторге. Утром он ехал на работу, а вечером его ждала очередная встреча со Светланой, которая иногда оставалась у него до утра. Её муж, военный, часто отлучался: дежурства, полевые занятия, учения и прочие атрибуты армейской жизни не позволяли ему сутками, а то и неделями бывать дома. Светлана работала в ДКСА, но это занимало у неё всего несколько часов в день. Иногда случались репетиции с ансамблем, и влюблённые придумали оставлять записки в поч-товом ящике квартиры, где проживал Алексей, и он всегда знал, где она и когда придёт к нему. Как-то раз они даже ездили на дискотеку в центральный парк культуры и зажигали там среди толпы молодёжи. Домой возвращались на одном троллейбусе, но сидели порознь. Светлана была не только его первой женщиной в прямом смысле слова, она была ещё и женщиной, которая объясняла ему некоторые приёмы конспирации, необходимые в таких случаях. Тем более, со слов Светланы, муж её был ещё тот ревнивец.

Их идиллия закончилась просто. Однажды в выходной день муж Светланы позвонил в квартиру Алексея. Тот открыл дверь: офицер стоял перед дверью в форме, перетянутый ремнями и портупеей, сбоку — кобура. «Там пистолет, — успел подумать перепуганный парень, — теперь пристрелит».

— Лёша, мне надо с тобой поговорить, можно войти? — и, не ожидая ответа, шагнул в квартиру.

От страха Алексей даже не смог выговорить: мол, садитесь на диван.

Офицер зачем-то посмотрел на кровать, где наверняка можно было обнаружить волосы его жены, затем оглядел всю квартиру, сел на диван и перевёл взгляд на студента. Бедный Алексей обратил внимание, какое волевое лицо у лейтенанта.

«Настоящий советский офицер, такой не спустит. Неужели под его железной рукой Светлана всё рассказала? Может, пытал? Или просто соседи нашептали? Если соседи, то есть шанс», — от таких мыслей молодой человек побледнел.

— Ты как себя чувствуешь, студент? — спросил офицер, как показалось Алексею, с каким-то особым смыслом.

— Так, вот жду...

— Кого ждёшь?

— Приятеля, зайти обещал.

— Так это хорошо, приятель нам тоже пригодится, — вгонял в ступор офицер незадачливого соседа. — Понимаешь, дело такое: я в военторге шифоньер купил. Сейчас привезут. Надо помочь выгрузить и на пятый этаж, к нам в квартиру, поднять.

Алексей, как приговорённый к лютой смерти и неожиданно помилованный, снова не мог ничего сказать и только быстро кивал головой.

— Ну и ладушки. Я на лавочке внизу ждать буду машину, а ты спускайся. Там ещё один сосед поможет.

Когда шифоньер был поднят в квартиру Светланы и установлен на приготовленное в спальне место, причём Алексей так старался, что не чувствовал тяжести неуклюжей мебели, хозяйка пригласила всех на чай.

Это для взволнованного студента было слишком. Он взглянул на супружескую кровать, где наверняка тоже можно было отыскать волосы весёлой певички, и под надуманным предлогом о приятеле, который, наверное, уже подошёл, ретировался подобру-поздорову.

Он долго приходил в себя. Ему даже показалось, что офицер всё знает. Он ведь мог попросить помощи кого угодно, а вот пришёл к нему. Наконец, Алексей не то что успокоился, но понял, что офицер не стал бы придумывать какие-то хитрости, а просто пристрелил.

Больше свиданий с соседкой у Алексея не было. Через несколько дней Светлана, случайно встретившись в подъезде с Алексеем, сказала, что с мужем едет в отпуск, и Алексей с облегчением встретил эту новость.

Заканчивался трудовой семестр, август Алексей планировал провести в родном Низольске. За несколько дней до расчёта прораб пригласил Алексея в строительный вагончик, стоявший во дворе первого корпуса института.

— Слушай, Горностаев, ты парень шустрый и сообразительный, давай поговорим.

Алексей присел на узенький диванчик, больше похожий на скамью.

— Когда будешь получать зарплату, распишись в двух ведомостях. В одной, где все студенты расписываются, и в другой, где штатные рабочие. Основная зарплата — твоя, а те деньги, что получишь по другой ведомости — отдашь мне. Ну, ясное дело, на кино с девушками тебе отстегну.

— Не понял. А за что мне их начислят, ну эти дополнительные деньги?

— Тебя это не касается, да ладно, скажу, может, в жизни пригодится. В строительстве бывают так называемые скрытые работы. Каков их объём, определить визуально невозможно. Поэтому можно, скажем так, увеличить в нарядах и процентовках их количество.

Алексей понял не всё, но догадался, что это явная приписка. Несколько минут он в замешательстве молчал, а потом твёрдо сказал:

— Нет. Я не согласен. «На кино» я сам заработаю.

— Ну и дурак. Без тебя обойдёмся. Свободен.

Настроение у Алексея было испорчено на весь день.

«С чего я должен помогать этому прорабу-жулику в его нечистоплотных делах. Нет, увольте, без меня, — так думал Алексей, а потом поймал себя на мысли, что даже не спросил, сколько ему хотели отстегнуть «на кино». — По любому правильно я сделал», — подвёл итог студент своим сомнениям.

Через несколько дней у него начались каникулы, и Алексей приехал в свой родной городок.

В Низольске он встречался с бывшими одноклассниками, купался с ними в реке, ходил на дискотеку, побывал в деревне у бабушки. Всё как и раньше, только некоторые из его школьных приятелей были призваны в армию. На дискотеках его окружали вниманием бывшие одноклассники, что сердило Милю, она даже пару раз убежала с дискотеки, но он находил слова, чтобы шутя убедить в его «безвинности». Месяц промчался, надо было возвращаться на учёбу. А тут Миля в очередной раз надулась на него, и он оставил всё как есть, даже попытки не сделал объясниться.

На втором курсе Алексей вместе с другими физически крепкими студентами из общежития начал ходить на товарную станцию железнодорожного вокзала на выгрузку вагонов. Работа была тяжёлая, но платили хорошо. Однако заработать получалось не всегда, так как на станции были не только штатные грузчики, но и бригады из местных бедолаг, для которых выгрузка вагонов была основным источником дохода. Студентам звонили на вахту в общежитие только вечерами или в выходные дни, когда срочно требовалось выгрузить вагоны или когда постоянные грузчики были столь пьяны, что их не допускали до работы. Всегда в радость было выгружать арбузы, ящики с помидорами и коробки с печеньем, а вот таскать пятидесятикилограммовые мешки с сахаром, мукой или огромные ящики с замороженной рыбой было непросто.

Без дополнительного дохода на одну стипендию прожить было почти невозможно. Родители, конечно, присылали денег, но их всегда не хватало. Студенты, проживающие в общежитиях, постоянно одалживали денег друг у друга «до стипендии». В этих случаях незаменимым был Вадим Ханорик. Деньги у него были всегда, но одалживал он их с неохотой, обязательно подробно расспросив, на какие цели занимают у него деньги, и поворчав как пенсионер, а не молодой человек, о том, что «сначала прогуляют, а потом крайнего ищут». «Крайним» получался он, поскольку давал деньги, совершенно не имея от этого никакой выгоды. У него был бумажник просто невообразимых размеров. В день стипендии после занятий он доставал его из потайного места и сидел на кровати у себя в комнате. В это время к нему шли «должники» с деньгами. Вадим не просто брал деньги и выслушивал короткое «спасибо», он обязательно успевал прочитать маленькую нотацию о бережном отношении к деньгам с упоминанием одной из заповедей социализма, переделав её на свой лад: «Потребности — по возможностям». Вадим ещё и страдал от своей бережливости. В семь часов вечера буфет, что на первом этаже общежития, закрывался. Если к Алексею вечером после семи приходили друзья и садились кто куда, ведя длинные разговоры, то из кухни (одной на весь этаж) иногда приносили чайник с кипятком и заваривали в большой кружке. Затем чай разливали по стаканам. В этом случае всё обходилось. Но если открывалась бутылка или две вина, которые, как правило, приносили городские ребята-студенты, то нужна была закуска. У Вадима в тумбочке всегда лежали пара пирожков, бутербродов или сосисок в тесте для перекуса перед сном. Тогда запасы у него сразу конфисковывались, несмотря на его откровенное недовольство и скрытое сопротивление. Это если он был в комнате, а если его не было, то и разрешения не требовалось.

Со второго полугодия второго курса Алексей начал писать рефераты, а потом и курсовые работы для тех, кто не успевал выполнять задания в срок, чтобы сдать преподавателю. Алексей мог управиться за одну ночь. Суммы за это платили коллеги-студенты незначительные, но это лучше, чем мешки на станции перетаскивать.

Однажды в выходной день, когда в общежитии было мало студентов (многие разъехались по домам), переутомившийся от недосыпания Алексей шёл из душевой к себе в комнату, как вдруг его качнуло, а потом как бы отбросило в сторону. Он едва удержался на ногах, затем, держась за стенку, дошёл до кровати и лёг.

— Что с тобой? — спросил Старый.

— Сам не пойму. Не было никогда такого.

В понедельник тренер сборной института по лыжам передал Алексею талоны на питание. Талоны полагались только «сборникам», но тренер сделал исключение. Видимо, Старый рассказал тренеру, что с Горностаевым что-то случилось, может, голодный обморок или ещё что, и тот нашёл возможность помочь парню.

С лыжами на втором курсе произошёл такой казус. В марте проходили межвузовские областные соревнования. Политех выставил Алексея в эстафете 4 x 5. Перед самым стартом он неожиданно и случайно узнал, что третьим номером в их команде (Алексей в эстафете бежал вторым) выступает уже закончивший институт парень. По правилам это не допускалось, соревнования были студенческие. Алексей подошёл к капитану команды разобраться:

— Что за дела такие? Мы сами, по правилам, можем призовое место взять.

— Да ты пойми, он профи. У нас сразу шансы увеличиваются. Он под другой фамилией выступает, — стал объяснять капитан.

От этих разговоров у Алексея настроение упало. Спортивный задор, так необходимый для победы, куда-то ушёл, и он прошёл дистанцию так себе.

После соревнований Алексей снова подошёл к капитану:

— Чтобы такого больше не было. Спорт — это когда честно.

— А что, праведник, заложишь? Всех хочешь подвести?

— Больно ты мне нужен. С тобой в команде больше выступать не буду.

— Не тебе решать. У нас спорткомитет для этого есть и тренерский штаб, умник.

Вечером Алексей долго не мог уснуть. «Как так? Сдавать за кого-то экзамен допустимо, а выставлять в команде «левого» спортсмена нельзя. Как это объяснить или хотя бы чётко сформулировать?»

На областных соревнованиях, последних в сезоне, Алексея тренер поставил в группу «сильнейших». В этих соревнованиях участвовали именитые спортсмены, кандидаты и мастера спорта, подающие надежды лыжники. Горностаев был заявлен в забеге на десять километров с отдельным стартом, это когда лыжники уходят на дистанцию друг за другом через 30 секунд классическим шагом. Алексей легко взял старт и пошёл размеренно, уверенно и довольно быстро. Он даже не заметил, как прошёл три километра, обгоняя одного за другим лыжников, стартовавших раньше его. Не заметил, как пришло второе дыхание, вернее, этого перехода вовсе не было. С таким азартом и лёгкостью ещё никогда не покорялась ему дистанция. Он обошёл двух кандидатов и одного мастера спорта и летел вперёд, к победе, хотя не думал об этом, словно лыжи сами несли его по трассе. Пять километров позади, а он чувствовал, что может «прибавить» и делал это с каким-то восторгом. Но что это? Вдруг он почувствовал, что из носа что-то течёт. Вытер перчаткой и увидел красные пятна. «Кровь. Зачем? Почему?»

Он, не сбавляя темпа, подхватил пригоршню снега и прижал к носу. Но кровотечение не останавливалось, свитер и номер на груди были в крови. На повороте один из наблюдателей чьей-то команды прокричал:

— Сходи с дистанции! Немедленно остановись!

Алексей остановился на автомате. Сделал два шага в сторону, чтобы пропустить набегающих лыжников, прижав перчатку к носу.

Этот момент он не мог забыть всю жизнь. Он был лучшим в этом забеге. Он, наверное, мог стать первым, но вот досада. Почему он не продолжил движение? Возможно, кровотечение прекратилось бы так же быстро, как и началось. И наблюдатель ведь не судья. Его никто не снимал с дистанции, он сам сошёл. Сошёл в тот момент, когда его сил хватило бы ещё на десять, а не на четыре оставшихся километра.

Горностаев медленно, по прямой, пошёл к месту старта. Кровотечение прекратилось, но он этого не заметил. Сегодня был его день, его шанс стать лучшим, стать победителем, но за несколько секунд всё превратилось в сплошное фиаско. В здании лыжной базы он переоделся и уехал в общежитие. На следующий день его разыскал тренер, и Алексей всё ему честно рассказал.

— Такое радостно-взбудораженное состояние с одновременным приливом сил у спортсменов бывает. Как правило, они и побеждают в это время. Организм как-то по-своему среагировал на твоё состояние, возможно, это была его защитная реакция, поэтому пошла кровь, — сделал заключение тренер.

Ближе к весне Алексей решил поехать к Анне Васильевне. Её адрес у него был: дала одна из одноклассниц. Образ молодой женщины снова не давал ему покоя. Молодой человек был в постоянном внутреннем противоречии: когда он мечтал о встрече с ней, то приходили мысли раскаяния перед Милей. Забыть совсем о милой девчонке из Низольска он тоже не мог, хотя подолгу не отвечал на её письма.

Алексей прикопил денег. Он собирался пригласить Анну Васильевну в ресторан: пусть увидит, что он чего-то стоит. Надел новую модную рубашку, клетчатый пиджак, купленный им в Москве, и направился на рынок, где долго выбирал букет цветов. Наконец, остановился на белых розах, на троллейбусе доехал до пятиэтажки, где Анна Васильевна снимала комнату. Он даже не боролся со своим волнением, главное — чтобы она была дома.

Анна Васильевна открыла дверь и сразу узнала его:

— Горностаев. Пришёл-таки. Ну, проходи.

Алексей протянул ей цветы и сказал только одно слово:

— Вам.

— Боже, какие красивые! Пойдём ко мне в комнату.

Алексей снял пальто в прихожей и прошёл через зал в комнату Анны Васильевны.

— Садись, будем пить чай.

Анна Васильевна была в халате с японскими иероглифами. В таком виде Алексей её никогда не видел, но про себя отметил, что так она ещё более привлекательна.

Анна Васильевна принесла из кухни всё, что нужно к чаю, и они, сидя за журнальным столиком, разговаривали. Анна Васильевна была в курсе о многих своих учениках, поэтому тем для разговора хватало. Время летело незаметно. Алексей постепенно освоился и только сейчас заметил, что на открытой дверце шкафа висит красивое белое платье. Он посмотрел туда ещё и ещё раз. Анна Васильевна разрешила ситуацию:

— Да, Горностаев, это свадебное платье. Замуж я выхожу.

Алексей почувствовал оцепенение. Он не мог даже ничего сказать. Наверное, надо было спросить, кто он, её избранник, но Алексей не спросил. Анна Васильевна тоже молчала. Потом, забыв о всякой педагогической этике, произнесла:

— А я ждала, что придёшь. Знала, что не надо, а ждала. Ты потом меня поймёшь: по-другому у нас бы никак...

Алексей стал собираться.

— Подожди в прихожей, я переоденусь и провожу тебя, — предложила Анна Васильевна.

Они шли по вечернему городу, сначала молча, потом Анна Васильевна взяла Алексея под руку:

— Погуляем немного.

И они шли среди домов и ожидавших весны деревьев, оба грустные, и снова молчали. Но всё равно им было хорошо рядом, они это чувствовали. Наконец Анна Васильевна сказала:

— Тебе нужна другая девушка. Ты обязательно её встретишь. И ты не можешь на меня сердиться. Мне 24 года, по всем меркам — замуж пора.

Они прошли несколько троллейбусных остановок, надо было расставаться.

— Давай садись здесь на троллейбус, а я перейду улицу и тоже поеду — домой, в обратную сторону, — предложила Анна Васильевна. Алексей хотел возразить, что проводит её до троллейбуса, но женщина настояла на своём: — И не возражай. — Поправила ему воротник и произнесла: — Прощай, милый, милый Горностаев. — Обняла Алексея и прижалась к нему: — Пойми, так будет лучше, лучше для нас обоих, — прошептала она, разжала руки и быстро пошла вдоль улицы.

Алексей остался стоять на месте. «Всё кончилось, не успев начаться» — фраза родилась в его голове, но он не знал, его ли эта фраза.

После второго курса Алексей записался в строй-отряд и до августа работал на стройке животноводческого комплекса. Жили студенты в школьном интернате, который летом пустовал, а потому условия были вполне терпимы. Днём они работали, а вечерами, после ужина, сидели около костра за школьным стадионом, на пустыре, с обязательным атрибутом тех лет — гитарой. Но вечера проходили не всегда тихо и безмятежно. Однажды на танцах в сельском клубе, где толпились местные парни и девушки, встретились студенты стройотряда из политеха и студенты стройотряда института физической культуры из Ленинграда. «Физкультурники» были все как на подбор: ребята крепкие и мускулистые. Они позволяли себе всякие вольности, поскольку связываться с ними никому не хотелось. На сцене играли ребята из местного ансамбля, но получалось у них это не очень, хотя аппаратура была довольно современной. Среди ребят из политеха были свои представители музыкальных студенческих ансамблей, двое из них, их все называли «Митьки», в тот вечер находились в клубе. «Митьки» предложили местным музыкантам, чтобы те разрешили сыграть им пару композиций. Местные согласились, и тогда «Митьки», попросив остаться на сцене ударника, приступили к делу. Играли они так ярко и зажигательно, что вернуть гитары хозяевам «физкультурники» не позволили.

— Местные на сцене больше не нужны сегодня. Играйте дальше. Вы что, профи?

«Митьки» с удовольствием продолжили играть, а зал снова танцевал. Всё было бы замечательно, но коротко остриженные «физкультурники» не жаловали ребят с длинными волосами. У большинства политеховцев волосы хотя и были удлинённые, по моде того времени, но особого раздражения «физкультурников» не вызывали, (почти все политеховцы чуть укоротили их перед поездкой в стройотряд, чтобы не мешали работать).

И тут в толпе «физкультурники» увидели парня с довольно длинными волосами, это был третьекурсник, учившийся вместе с «Митьками». Тот волосы по какой-то причине не подстриг, и они у него мотались, как конская грива, из стороны в сторону, как во время работы, так и во время танцев. «Физкультурники», от которых несло явным запахом спиртного, подошли к студенту-длинноволосику и обступили, сгруппировавшись вокруг него. Затем один из «спортсменов» достал зажигалку с явным намерением поджечь волосы политеховца. Это увидел со сцены один из «Митьков» и как был с гитарой наперевес бросился к своему напуганному приятелю.

— Парни, это наш. Вы чего?

— Он с вами, что ли? Тогда пусть живёт. А вы играйте, сейчас водку принесут. С нами выпьете?

«Митька» благоразумно согласился, и остаток вечера прошёл спокойно.

После окончания работ стройотряд вернулся в Градосеверск, а уже оттуда все разъехались по домам — до сентября. Алексей в Низольск ехал через Москву, где остановился на пару дней у дяди — Андрея Александровича. У Алексея была в этом определённая необходимость: в столице можно было приобрести модную одежду, что для молодого человека было немаловажно.

Андрей Александрович работал в Институте стали и сплавов, жил в кооперативной квартире один после развода и не возражал, чтобы племянник останавливался у него. В первый же вечер дядя удивил Алексея ответом на его вопрос, что за список с женскими именами лежит на столе.

— Из этого списка я должен выбрать себе будущую жену. Мне много за тридцать. Надо жениться, а определённых предпочтений нет. Я составил список всех моих знакомых незамужних девушек и женщин из более сорока имён. Теперь вот каждые день-два вычёркиваю по одной претендентке.

— По каким основаниям?

— Встречаюсь с ними. Иногда назначаю свидания, иногда как бы случайно. Но когда знакомлюсь поближе, узнаю о них больше, получаю информацию об их родителях, если что-то не устраивает — вычёркиваю. Кандидаток становится всё меньше.

— Как так? Ведь надо, чтобы душа лежала?

— Да. Иногда вычеркнуть непросто, но приходится. Одна знакомая девушка, очень симпатичная, и ко мне душевно относится, но у неё, оказывается, мама главным бухгалтером в министерстве работает. Представляешь, женщина на такой должности привыкла всегда руководить, она — главная, и дочка явно впитала такой образ поведения матери с детства. Она во многом будет копировать непроизвольно свою мать в жизни. А зачем мне жена-гегемон? Пришлось зачеркнуть её имя, а жаль: девушка хороша.

Алексей был очень удивлён такой постановкой отбора. Романтик по натуре, он и подумать не мог, что в современном цивилизованном мире можно таким образом жену выбирать. Причём делает это не какой-то патриархальный мужик из глухомани, а образованный преподаватель института с кандидатской степенью.

Кстати, способ этот сработал: дядя впоследствии женился, жена родила ему двух дочек, но это не спасло их через несколько лет от развода. Оказалось, супруги слишком разные. А может, просто любви не было?

Когда Алексей приехал к родителям, дома его ждала неожиданная новость: родители Миля переехали в другой город. Оказывается, они ждали, когда Миля закончит школу, чтобы перебраться на новое место.

Мама рассказала Алексею:

— Перед отъездом Миля заходила попрощаться. Адрес оставила, сказала, может, кто из подруг или друзей интересоваться будет. Смотри, потеряешь девку. А она вон какая пригожая! Запомни, сынок, по жизни надо идти с той, которая любит тебя.

Несколько дней молодой человек ходил сам не свой. Получилось как-то нескладно. Он надеялся, что вернувшись в Низольск и встретившись с Милей, у них всё будет классно. И что теперь? Почему у него всё наперекосяк? Юношеская тоска и печаль сподвигли его писать лирические стихи. Стихи он писал ещё в школе, потом стал сочинять эпиграммы на девушек-однокурсниц. Эпиграммы были достаточно едкие, но однокурсницы хвалились друг перед другом записками, которые им передавали во время лекций от Алексея. Теперь он писал о сокровенном, заведомо зная, что вряд ли покажет эти строчки кому-либо.

Каникулы проскочили быстро. Занятия на третьем курсе требовали усидчивости. Такие предметы как сопромат и теоретическая механика нельзя сдать, не вникнув в тему и не поняв сути вопросов. Лекции по этим предметам практически никто не прогуливал.

Зимними вечерами парни-студенты играли не только в шахматы, но и в карты. Однажды один из преподавателей сопромата, который проживал в студенческом общежитии (в отдельной комнате), научил мальчишек играть в «девяточку», причём не просто так, а «на интерес». Ставки делали по пять копеек, затем суммы увеличивались. Через несколько дней, когда все освоились, игра пошла уже на рубли и более. Откуда было знать наивным студентам, что в этой игре есть свои алгоритмы, и ход её можно математически просчитать. Одним словом, однажды, когда за столом остались всего трое: преподаватель, Старый и Алексей — преподаватель крупно выиграл, студенты проиграли. Общий проигрыш Алексея и Старого составил более размера их стипендии. Только спустя годы Алексей и Старый, встретившись, вспоминали этот случай, посетовали, что преподаватель был ещё тот: заведомо знал, что обыграет студентов! Но большой обиды на него Алексей не таил. Он получил урок: на удачу в этой жизни рассчитывать нельзя — желательнее и разумнее всё просчитать. Правда, всё предвидеть не может никто.

Так получилось и у его друга Валерия Захарова. В любвеобильной жизни Валеры было своеобразное табу — не связываться со студентками. Но однажды он познакомился с девушкой, которая училась в медицинском техникуме в другом городе и жила в общежитии. Валеру успокаивала одна мысль: пусть она студентка, но учиться же в другом городе. Одним словом, новая знакомая позвонила и сказала, что её соседи по комнате уехали на практику, и он может приехать к ней с ночёвкой. Валерий сел на электричку и в этот же день был у девушки. Общежитие предназначалось для студентов медицинского техникума, и проживали там одни девушки, будущие медсёстры. Но в дневное время гостей, в том числе и парней, туда пускали. С новой пассией Валера весело провёл вечер. Естественно, они пили не только чай, и Валерий был сильно «выпивши». Ночью, проснувшись, он в одних трусах пошёл в туалет. Так получилось. Валерий забыл, что общежитие женское. А когда возвращался из туалета, который находился в самом конце коридора, то перепутал комнату и зашёл в другую дверь и в темноте лёг рядом с ошалевшей, ничего не понимающей девушкой... Громкий крик разбудил всех в комнате. Включили свет. Валера понял, что не туда зашёл, выбежал в коридор и заметался. Он не мог вспомнить, где комната его девушки. Крики и визги разбудили вахтёршу, дежурившую внизу, на первом этаже.

Для Валеры могло всё кончиться очень печально: увезли бы в милицию в одних трусах. Но милая будущая медсестра спасла его репутацию: услышав крики, она выскочила в коридор и со словами «Это мой муж» затащила его в свою комнату.

Так ценой собственной репутации девушка спасла Валеру от всех неприятностей: за попадание в вытрезвитель или привод в милицию тогда исключали из института.

Когда он это всё рассказал Алексею, тот спросил:

— Что будешь делать?

— Ничего. Её вызвали на студсовет, пропесочили и всё. Больше не звонила.

— А ты?

— Что я? Всё закончилось без потерь, можно сказать. Забудем.

— Подожди. Девчонка за тебя на амбразуру кинулась, а ты её сразу бросил?

— Ну не жениться же мне.

— Ладно, не женись. Но приехать к ней с цветами, днём, чтобы все видели: да, это — неслучайная связь, ты можешь?

— Нет. Она меня сама пригласила. Я не навязывался. Не поеду.

У самого Алексея с девушками наступила какая-то тишина. Он сидел в библиотеке, ходил с ребятами в кино, писал заметки в факультетскую и институтскую стенгазеты, бывал на танцах, но никто больше не покорял его сердце.

В это время у него появился новый друг — Сергей Галанин. Это был высокий парень, лицо которого не соответствовало росту, оно было маленьким и поэтому не гармонировало с его фигурой. Галанин жил в благоустроенной квартире, в центре города, учился на строительном факультете, с Алексеем его познакомили общие знакомые, и они как-то быстро подружились. Мать у Галанина работала в профсоюзном комитете одного из заводов, неоднократно ездила по путёвкам в дружеские социалистические страны, и Галанин рассказывал Алексею об этих поездках. Поездка за рубеж была тогда событием, и Алексею это было интересно. Галанину было приятно общаться с начитанным, эрудированным Горностаевым, у которого собирались интересные компании, а Алексею импонировало, что Сергей разбирался в моде, музыке и умел вести себя в обществе. Не все друзья Алексея приняли его нового знакомого, а потом и друга. Проскальзывали у того некие нотки превосходства, когда он общался, как он говорил, «с деревенскими», и был слишком практичен для студента того времени, но все эти качества Алексей попросту не замечал. Иногда Галанин пытался убедить Горностаева, что его мировоззрение не соответствует современным реалиям. Заметив как-то, что Алексей бескорыстно пытается помочь одному отставшему в учёбе студенту, Галанин выговаривал:

— Зачем ты с ним возишься? Не тянет, значит надо отчислять. Знаешь, почему волки, медведи и прочие хищные животные такие выносливые? Потому что там выживают только здоровые, сильные особи. В человеческом обществе тоже определённые группы людей тормозят развитие цивилизации. Проще от них освободиться, чем тащить за собой.

Алексей возражал, но их споры носили чисто теоретический характер и не мешали дружбе. А вскоре Алексею и вовсе стало не до споров.

Это произошло весной, в конце третьего курса. Он зашёл в магазин «Спорттовары» где подошёл к девушке-продавщице и обомлел: такой красоты он ещё не встречал. На него смотрели большие выразительные глаза, которые особенно выделялись на бледном лице стройной брюнетки. Её волнистые волосы обвивали правильные черты, которые как будто были каноном женской привлекательности. Парень всё же сказал, что ему нужно и, сделав покупку, вышел из магазина. Он не мог поверить, что такая девушка работает продавцом: «Это же модель. Ей в кино сниматься — равных не будет».

Когда Алексей поведал Сергею о девушке-продавщице, тот сходил в магазин, посмотрел на красавицу и выдал рекомендацию:

— Не связывайся. Она, скорее всего, избалована, потребует максимального внимания, и денег на неё надо немерено.

Но Алексей не отступил. Он сумел познакомиться с Оксаной, так звали девушку из магазина, а фамилия её была совсем романтическая — Раевская. Оксана оказалась простой в общении, была начитанной, с очень хорошими манерами, чувствовалось, что она из хорошей интеллигентной семьи. Прогнозы Галанина о том, что понадобятся большие траты, не оправдались. Наоборот, она многое знала о студенческой жизни, и если сама брала билеты в кино или театр, то денег от Алексея не принимала:

— Когда ты приглашаешь меня, я же не сую тебе деньги. Или ты не признаёшь равноправия?

На вопросы Алексея, почему она при всех очевидных достоинствах работает продавщицей, девушка отшучивалась и говорила:

— Кто знает? Может, всё ещё впереди. Учиться никогда не поздно. Знаешь об этом?

Несколько недель Алексей был просто счастлив. Они ходили с Оксаной в театр, кино, на концерты и танцы. Она познакомила его со своими родителями, которые действительно оказались интеллигентными людьми.

Правда, молодой человек был несколько шокирован размерами и обстановкой их квартиры. Трёхкомнатная, с высокими потолками, она была обставлена богатой мебелью, среди которой выделялись книжные шкафы. Стояло фортепиано, был телевизор, аквариум. Десятки статуэток, морские раковины невообразимых размеров и множество других сувениров украшали полки разных шкафов. Оксана объяснила, что раньше они любили путешествовать всей семьёй и всегда привозили с собой сувениры. Кухня была такая большая, что Алексей пошутил:

— Свободно взвод солдат разместить за столом можно.

Оксана любила гулять на свежем воздухе и, когда они шли вместе, она брала Алексея под руку, но встречные парни всё равно оглядывались на Оксану. При этом она не отвечала на прямые вопросы своего ухажёра:

— А кто у тебя до меня был? Не поверю, чтобы ты дружила только с подругами.

— Во всяком случае, воздыхатели и ухажёры не стояли на первом месте в моей жизни.

— А что было на первом месте?

— Борьба. Борьба за жизнь. — И немного погода добавила: — За жизнь, мир и процветание человечества.

Алексей воспринял это как очередную шутку.

Оксана умела, не обижая Алексея, уйти от прямых ответов. Их отношения были чисты и возвышенны. А однажды произошло то, чего Алексей страстно желал, но даже намекнуть Оксане боялся.

Два друга, Сергей и Алексей, решили пригласить своих подруг в ресторан. (У Сергея была девушка из городских модниц, но встречался он с ней от случая к случаю.) В просторном зале ресторана с колоннами и портьерами они сидели за столиком и разговаривали. Когда пришли музыканты и зазвучала музыка, Алексей пригласил Оксану на танец и утонул в бесконечной нежности, охватившей его. Такой красивой девушки у него никогда не было. Но Оксана была ещё умна, мила и очаровательна. Она не отстранялась от его объятий и нежных касаний, а наоборот, сама испытывала трепет от чувственной энергии Алексея. Тот был горд за себя, за неё и шептал ей слова, какие могут шептать только поэты в минуты вдохновенной влюблённости.

Поздно вечером, когда Алексей проводил Оксану до подъезда, она сказала:

— Пойдём ко мне. Родителей два дня не будет...

У всех влюблённых своя тайна первой ночи, и мы не будем её приоткрывать. Скажем только, что если и бывает человек счастлив, то одним из составляющих счастья должна быть такая ночь...

В июне Алексей сдал экзамены за третий курс, а в июле две группы из их потока были направлены на производственную практику в Пермский край. В последнюю неделю сессии Алексей был очень занят и несколько дней не видел Оксану. Но как только последний экзамен был сдан, он помчался в магазин «Спорттовары».

— А где Оксана? У неё что, выходной?

Девушки из отдела как-то растерянно смотрели на него:

— Нет, не выходной.

— И где же она?

— Она? Она в санатории.

— Странно. Ничего мне не говорила.

— Путёвка, видимо, горящая. Мы толком не знаем.

Родителям Оксаны Алексей звонить не стал, постеснялся и уехал вместе со всеми на практику, будучи уверенным, что через месяц увидит свою ненаглядную.

Практику предстояло проходить в посёлке Рябино, где размещалось крупное лесозаготовительное и сплавное предприятие. Ехать пришлось через Соликамск. Город, по крайней мере та часть, где они успели побывать, состоял из деревянных, двухэтажных, тёмного цвета домов. Вид зданий был угнетающий. Но когда студенты прибыли на место назначения — в Рябино, настроение у них изменилось. Посёлок Рябино расположился на высоком берегу реки Вишера Камского бассейна. Студентов поселили на дебаркадере, стоявшем у берега и приспособленном для проживания. Входили на дебаркадер по деревянному трапу. Каюты для проживания были большие — на несколько человек и совсем маленькие, в которых размещалось по две койки. Девушки расселились по большим каютам, мальчики разместились в маленьких. Соседом Алексея оказался Вадим Теплянов. Столовая находилась в посёлке, там же клуб и контора.

Утром практиканты шли на пристань, садились вместе со всеми рабочими предприятия на речной трамвай, (небольшой теплоход для перевозки пассажиров) и плыли к месту расположения сплотно-сортировочной сетки. Там брёвна, прибывшие туда сплавом по реке, сортировались вручную — баграми, далее формировались при помощи огромного агрегата в связанные пакеты брёвен, которые тоже соединялись между собой. Получались большие плоты из связок с брёвнами в несколько рядов, которые при помощи катеров-буксиров отправлялись по рекам до места назначения.

Директор предприятия обещал хорошо платить за работу, поэтому все старались, даже студенты из городских, которых, как правило, обеспечивали родители. По-другому было нельзя: работали в коллективе, на виду, вместе со штатными рабочими, которые в первые дни и обучали студентов, как управляться с багром. Несмотря на тяжёлую, непростую работу, вечерами студенты шли в сельский клуб или устраивали танцы прямо на дебаркадере, в красном уголке. Иногда случались разборки с местными парнями, но, как правило, всё заканчивалось миром, так как местным хотелось бывать на дебаркадере и общаться с приехавшими студентами.

Стоял июль месяц и, хотя погода не была жаркой: лето выдалось холодным — ребята не отказывали себе в купании в реке. Вишера — достаточно широкая река, и далеко от берега никто не заплывал. Но однажды Алексей поспорил с Вадимом Тепляновым, что переплывёт реку. Они ударили по рукам, Алексей разделся и поплыл. Вадим отправился к себе в каюту. Сначала Алексею плыть казалось легко, но чем дальше от берега, тем тяжелее становилось плыть. Оказалось, что на середине реки течение гораздо быстрее, и пловца сносило всё дальше вниз по реке. Когда Алексей уже преодолел середину, мимо него проплыла моторная лодка. Сидевшие в ней мужики спросили:

— Помощь нужна?

Алексей отказался. Ведь тогда он проиграет спор. С трудом, но доплыл до берега и лёг на песок. Отдышался и пошёл по берегу вверх по течению: надо было сделать запас расстояния, так как он уже знал, что его непременно снесёт, когда он поплывёт обратно. У него хватило сил на обратный заплыв до берега. Алексей оделся и пошёл к дебаркадере. Вошёл в каюту, где на кровати лежал с книжкой Вадим.

— Ты проиграл. Я переплыл реку, — сказал Алексей.

— Да ладно. Гулял, поди, где-то, а сейчас говоришь, что переплыл.

— Ты что, не видел, что я был на том берегу?

— Видел, что там какой-то мужик ходит, но далеко, узнать невозможно.

— Слушай, ты проиграл спор. Просто согласишься и признай.

— Я неуверен. Какие у тебя доказательства?

— Не зря тебя «ханориком» прозвали. Натура твоя — ханорская.

Долго сердиться на Вадима Алексей не мог. Тот хоть и был парнем своеобразным, но с ним было интересно разговаривать на политические темы. В то время никто из студентов и предположить не мог, что кто-то из них может сомневаться в преимуществе социалистического строя перед капиталистическим. Вадим же во время очередного с Алексеем диспута как-то сказал:

— Ты уверен, что социализм — это основной путь цивилизации? А если это просто ветка, и не самая лучшая, от дерева человечества?

— А ты что, сомневаешься в канонах социализма?

— Просто нам не с чем сравнивать. Мы не знаем другого мира.

Годы спустя, когда страна освободилась от идеологии коммунизма, Алексей не раз вспоминал этот разговор: Теплянов первым из их компании засомневался в догмах социалистического строя.

Месяц производственной практики закончился, и студенты покинули Рябинино. Но Алексей остался. Бригаду, где он работал, направили на лесозаготовки в дальний лесопункт. Бригадир сказал, что заработки там даже больше, чем на формировании плотов для сплава, и это сыграло решающую роль для Алексея.

К месту работы бригада отправилась на «пазике». Пока ехали, рабочие пили водку, которую предусмотрительно взяли с собой. Однажды автобус остановили солдаты с автоматами, осмотрели всех и разрешили ехать дальше. Бригадир, который общался с офицером, старшим группы розыска, сказал, что из колонии сбежали три «зека».

В лесопункте — а это был небольшой посёлок на берегу реки — бригаду поселили в деревянном бараке, переделанном под общежитие. Когда Алексей последним зашёл в помещение, то увидел, что свободны только две койки. Он занял крайнюю, положил рядом рюкзак, а сам растянулся на койке. Рабочие сходили в сельмаг и продолжали пить, рассказывая друг другу, как они перевыполняли нормы при заготовке леса, как не выдерживали бензопилы от непрерывной работы и как за ними не успевали трелёвочные трактора. Алексей вышел на улицу. Там стоял и курил чернявый парень с усиками из их бригады.

— Слушай, студент, ты зачем крайнюю койку занял?

— Так свободна же.

— Тебе никто не рассказал? Да и понятно: бригада вразнос пошла. Одним словом, на койку эту никто из наших не ложится.

— Почему? Удобное место.

— Удобное, говоришь, это как сказать. Несколько лет назад у одного из местных от пьянки началась «белая горячка». Он схватил топор, вбежал в этот барак и зарубил спавшего на крайней койке рабочего. Весь пол был в кровище.

— Да, весело тут. Сейчас пойду, рюкзак перекину на другую койку. А ты чего не пьёшь с остальными?

— Один из бригады должен быть трезвым. Сегодня — моя очередь. Ты, студент, не в счёт. Можно, конечно, рюмку-другую выпить, но лучше не пить совсем. Мужики иногда деньги теряют, ножи, а когда хоть один трезвый, есть шанс, что найдётся потерянное.

Алексей перебрался на другую койку и решил пройтись по посёлку. Он шёл по улице, по обе стороны которой стояли деревянные дома. «Везде люди живут и даже в такой глуши», — подумал Алексей.

Навстречу ему от колодца шла девушка. Она была словно из русской сказки: с длинной косой, в платье, закрывающем колени, но не скрывающем её фигуру. На голове — белый, с цветочками, платок. Лицо её светилось свежестью и чистотой. Девушка несла на плечах коромысло с вёдрами, наполненными водой. Но Алексея изумила не патриархальная внешность молодой девушки, а её изумительная красота, соединённая с какой-то кротостью.

— Давайте я помогу. Я умею носить воду на коромысле, — предложил Алексей, когда они поравнялись.

— Нет, спасибо. Здесь недалеко, — ответила девушка.

Алексей всё же пошёл с ней рядом и попытался завести разговор. Нет, у него не было в мыслях «кадрить» девушку, он просто был удивлён, что в наше время ещё живут прямо сказочные персонажи. Одень её в сарафан, и получится полная копия Алёнушки. Но девушка отвечала на вопросы кратко, и информации, чтобы понять, что она здесь делает, явно не хватало. Оказалось, она живёт с родителями, работает бухгалтером в конторе лесопункта.

— Значит, ты нам зарплату начислять будешь?

— Нет, вы привлечённые, вам зарплату начислят и выдадут в центральной конторе в Рябинино, а я туда только данные о вашей выработке по телефону передам, наряды и прочие документы речным трамвайчиком отправим.

Красавица скрылась за воротами дома, а Алексей продолжил прогулку, мысленно пытаясь понять феномен таких девушек, как Оксана и «Алёнушка», которые своей красотой могут затмить любую кинозвезду, но остаются жить среди обычных людей, занимаясь своим делом.

Он дошёл до местного клуба, но внутрь заходить не стал. Там шёл фильм, а на ступеньках крыльца местного культурного центра стояли подвыпившие парни.

Утром бригадир поднял всех рано. На тракторной тележке, которую тащил трелёвочник, приехали на делянку. Но работа не ладилась. Мужики были с похмелья, то и дело устраивали перекуры. Мастер лесоучастка уговаривал их:

— Сегодня надо хотя бы половину нормы сделать. В другие дни перекроите.

Закончили работу рано. Приехали в посёлок и сразу — в сельпо. Хотели просто опохмелиться, а началась снова пьянка.

Алексей из разговора с «чернявым» узнал, что иногда бригада может пить несколько дней, а потом неделями работать в авральном режиме, с утра до ночи, без отдыха. Иначе заработка не будет, а тем более премии.

— А как отсюда можно уехать? Автобус наш, «пазик», сразу обратно в Рябинино уехал.

— Три раза в неделю речной трамвайчик здесь остановку делает. В семь утра. Завтра как раз причалит. Ты что, уехать хочешь?

— Не нравится мне здесь. Думал, подзаработаю, а бригадир сам с бригадой пьёт.

— Вали, только втихую. А то и побить могут.

— Не могу втихую, бригадир меня работать с багром учил, опекал, начислял зарплату как всем, сюда вот взял, а я втихую...

— Я, наверное, тоже уеду. Работа и в Рябинино есть, там хоть таких пьянок не бывает. Начальство у нас строгое.

Утром Алексей подошёл к бригадиру:

— Я хочу уехать сейчас на речном трамвайчике в Рябинино.

— Понимаю. Ладно. Молодец, что не пьёшь с нами.

Алексей взял рюкзак и пошёл к берегу. За ним, чуть погодя, быстрым шагом шёл «чернявый». Они поднялись на борт трамвайчика и вдруг увидели: люди из их бригады выбегают из барака и торопятся к берегу.

— Ты смотри. Вся бригада уезжает. Только бригадира не видно. Вот ему попадёт: план-то будет сорван. Наделал ты делов, студент. Всё с тебя началось, — как-то зло проговорил «чернявый»

Запахавшиеся рабочие зашли на борт, и надо было отчаливать, но Алексей спросил рабочих:

— А где бригадир? Он что, один там останется?

— Стыдно ему уезжать. Да и начальство взгреет. Сомневается он — ехать, не ехать.

— Подождите, подождите, — закричал Алексей матросу, который был за штурвалом трамвайчика. Не отплывайте, там ещё один человек. Я сейчас сбегаю. Подождите.

— Кто тебя ждать будет? — проговорил кто-то из мужиков, но Алексей уже прыгнул на берег и побежал наверх, к бараку.

Он понимал, что трамвайчик может уйти и бригадир может отказаться ехать, но Алексей бежал что было сил, без рюкзака, он его оставил в трамвайчике. Вдруг из барака вышел бригадир и направился в сторону берега.

— Быстрее, быстрее! — кричал Алексей и побежал уже вниз, надеясь задержать отход трамвайчика.

Как потом выяснилось, катер собирался отплыть, но пассажиры, особенно женщины, начали кричать рулевому:

— Стой, парня надо подождать! Видишь, что-то случилось. Успеешь, не рожает никто.

Когда Алексей сел на своё место, где оставил рюкзак, то увидел, что бригадир входит на трап. Он не бежал, он шёл.

Всё время, пока они плыли до Рябинино, Алексея мучили сомнения. Он всю бригаду сорвал с места. Получается, организовал дезертирство. Его книжные герои подвиги в этом возрасте совершают, а он, не желая того, бригаду с места работы сорвал. Рабочие из бригады допили водку, какая ещё нашлась в рюкзаках, но бригадир больше не пил. В Рябинино бригада сразу направилась в столовую. Алексей слышал, как главный инженер, который почему-то оказался в столовой, высказывал бригадиру:

— Завтра же поедете обратно. Выговор тебе тоже объявим. Самовольничать надумал?

— Поедем, но не завтра. Пусть люди в себя придут. За выработку не волнуйтесь. Справимся, не впервой.

Видимо, в центральную контору позвонили из лесопункта и поведали, что сбежала бригада. Алексею вдруг стало невообразимо жутко: вдруг «Алёнушка» узнает, что это он был инициатором этой некрасивой истории.

«А что было делать? Остаться и смотреть, как бригада пьянствует? Или уговаривать, мол, давайте работать, мужики, — вот тогда точно можно схлопотать — «мама не горюй».

Алексей снова отправился на пристань. В три часа дня в Рябинино причаливал проходящий в Пермь «метеор». С тяжёлым сердцем парень входил на борт «метеора». Почему с ним так происходит?

Долгий путь на быстроходном катере по Прикамью, с остановками, впечатлил Алексея и немного успокоил. По прибытии в Пермь Алексей переночевал в гостинице, купил билет на поезд, который отходил вечером, и отправился гулять по городу. Пермь ему понравилась, особенно большой зоопарк, который был как маленький город для зверей. Вечером Алексей сел на поезд и под стук колёс смотрел в сумерки окна и мечтал, как он встретится с Оксаной. Считай, больше месяца не видел.

По приезду он пришёл в общежитие, заставил себя сходить в душ, переоделся, надушился туалетной водой и направился в «Спорттовары». В цветочном киоске купил розы, успокаивая себя, что, если даже Оксаны нет на работе, пойдёт к ней домой, цветы по-любому пригодятся. Он старался идти спокойно, но ноги сами несли его, как на крыльях. Он вошёл в магазин и направился в отдел Оксаны, не замечая растерянных взглядов всех продавщиц магазина:

— Привет! Я приехал. Где моя принцесса? — обратился он к коллегам Оксаны.

Но те смотрели на него и молчали, а одна из них, которая всегда работала на пару с Оксаной, вдруг заплакала и побежала куда-то в подсобки.

— Что случилось? Где Оксана?

Вышла заведующая отделом, подошла к Алексею и как-то неуверенно произнесла:

— Ты не знаешь, Алексей? Оксаны больше нет. Она умерла.

— Вы что такое говорите? Не шутите так!

Но сам он вдруг начал понимать, что женщина совсем не шутит, и произошло то, что он не может осознать и принять.

— Тебе надо с родителями Оксаны встретиться. Они всё расскажут.

Алексей не помнил, как добрался до общежития, в котором почти никого не осталось на лето, и сколько времени лежал на кровати. Жить не хотелось. Всё исчезло в один миг: надежда, счастье, любовь. Нет, любовь осталась, но как теперь она называется? И где теперь Оксана? В двадцать лет трудно перенести такое душевное потрясение. Жить не хотелось, но надо узнать, что произошло. Он позвонил по домашнему телефону Оксаны. Ответила её мать, она узнала Алексея по голосу и попросила его приехать. Они сидели в комнате Оксаны, где он провёл с ней самую лучшую ночь, и мать рассказывала:

— Оксана болела несколько лет. Рак головного мозга. Поэтому и в институте культуры не стала учиться. Врачи очень не рекомендовали. Но и ничем не заниматься она не могла, поэтому устроилась продавцом. Мы, казалось, делали всё возможное. Даже в Москву возили к светилам медицины. Одни специалисты советовали делать операцию, другие говорили, что нужны дополнительные обследования. Видимо, время было упущено и сделать, уже ничего не могли. Время от времени она ложилась в больницу, но это не сильно помогало. Тебе ничего не говорила, наверное, потому, что хотела получить свой маленький кусочек земного счастья. Ты прости её. Она, когда последний раз в больницу ложилась, перед твоим отъездом, запретила говорить тебе. У неё остригли волосы (делали химиотерапию), и она не хотела, чтобы ты её такой видел. «Пусть Алексей меня запомнит, какой всегда видел», — так она сказала о тебе. И ты нас с мужем прости. Ничего тебе не рассказывали и подружек её в магазине попросили не говорить, хотя они всё знали. Оксане с тобой было очень хорошо. Бог дал ей короткую жизнь, но она была светлым человеком.

Ещё сутки Алексей провёл в состоянии безысходности, днём долго сидел на могиле Оксаны, вечером бродил по городу, а утром ему принесли телеграмму от сестры, которая в это время была в Низольске. В телеграмме говорилось, чтобы он срочно приезжал домой, все подробности — на месте. Алексей вспомнил поговорку бабушки «Беда не приходит одна» и отправился в Низольск.

Дома всё было кувырком. И было отчего. Сестра сразу шепнула Алексею:

— Родители разводятся. От тебя многое зависит. Ты уже взрослый. Надо что-то делать. Но если честно, я маму понимаю.

Мать обнимала Алексея и плакала. Всё лицо её было в слезах. В глазах стояли боль и отчаяние.

— У него вторая семья. Столько лет скрывал. А я его любила.

— Мама, давай по порядку. Это какая-то ошибка. Не может у отца быть никакой второй семьи. Тебя, скорее всего, кто-то жестоко разыграл.

— Сынок, да разве я бы сплетням поверила? Вот письмо на адрес его работы отправлено. Я случайно в кармане у него обнаружила. У тебя, оказывается, старший брат имеется. Старше тебя на восемь лет.

— Погоди, мама. Надо разобраться. С отцом поговорить.

— Вот ты и разбирайся. А я ни видеть, ни слышать его не хочу. На развод подам. Стыд-то какой! Столько лет врал.

— А где отец?

— В деревне он. Я сказала, чтобы духу его здесь не было.

— Завтра к нему поеду.

На другой день Алексей уже был в деревне. С отцом разговор вышел не сразу. Но всё же тот решился рассказать сыну о случившемся.

— Я не собираюсь оправдываться, сынок, просто расскажу всё, как было. Ты знаешь, я в молодости жил в Мурманске и в море ходил. Зарботки были хорошие, когда из плавания приходили, гулял с друзьями, в ресторанах сидели, девушки сами на шею вешались, но я к ним серьёзно не относился. А тут как-то раз заглянули в привокзальный ресторанчик, а там за барной стойкой девушка работала, милая такая, приветливая. У меня вся бравада исчезла. Стал я иногда туда заглядывать как бы перекусить, мог рюмочку-другую выпить, пока сидел и на неё любовался. В общем, она сама подошла, спросила, почему я всегда один. Так и познакомились. Звали её Галя, она с Украины и жила вместе с матерью в однокомнатной квартире. Начались у нас с ней свидания. Затем я снова в море ушёл. А зимой дали мне большой отпуск, два месяца должно было наше судно в порту стоять, и часть команды в отпуск отправили. Поехал я на родину — в Низольск — и маму твою встретил. Влюбился сразу, понял, вот — судьба моя. Она отказалась ехать в Мурманск, пришлось мне туда съездить, уволиться, вернуться в Низольск. Так и стали мы жить с мамой твоей. А о Гале забыл. Но однажды пришлось побывать в Мурманске, зашёл я к старому приятелю, с которым в море ходили, он-то и рассказал мне, что у Гали сын растёт, на меня очень похожий. Я — к ней. Встретила хорошо, без упрёков. Рассказала, что сначала ждала меня, а потом поняла, что не вернусь. Мальчишку, правда, я не видел, он в школе был, но фотография на столе стояла, в рамочке, действительно на меня похож. Мне надо было уезжать. Оставил я все деньги, которые у меня были, Гале и сказал, что помогать материально буду, сколько смогу, но в Низольске у меня семья, дети, поэтому зла не держи, жизнь так распорядилась. Высылал иногда ей денег, но потом ты родился, и наша связь с ней совсем прекратилась. А тут недавно письмо получил, сын у Гали, наш то есть с ней сын, женился, оказывается, ещё несколько лет назад. Внук уже в школу ходит, спрашивает у родителей, почему у него есть бабушка, а нет дедушки. Одним словом, написала, что если есть такая возможность, то я могу к ним приехать, сына и внука повидать. Живут они хорошо, материально не нуждаются в помощи и ничего от меня не потребуют. Вот это письмо мама твоя и прочитала. Истерика началась, крики, развестись обещала.

— Поедешь к ним?

— Нет, сынок, не поеду. Увидеть сына всю жизнь хотел, но ныне не до поездки. Мама твоя совсем расстроится, а ведь мы всю жизнь душа в душу прожили. Пока лето, в деревне поживу. Может, мамка твоя

одумается, ведь особой вины перед ней у меня нет. Да, не рассказал я ей о Гале, так ведь поначалу сам о сыне не знал, а потом её расстраивать не хотел. А теперь, видишь, как получилось. Видимо, черту я где-то перешёл. Или когда Галю бросил, или когда жене в этом не признался. Не осуждай меня, сынок. Сам я в смятении. Не думал, что в такие годы с нами такая чехарда произойдёт. Ты лучше мамку поддержи. Я её любое решение приму.

Три дня Алексей пробыл в деревне и вернулся в Низольск. Вечером зазвонил домашний телефон, сестра взяла трубку, затем повернулась к Алексею:

— Миля, тебя спрашивает.

Алексей отмахнулся:

— Не до неё. Придумай что-нибудь.

Сестре надо было ехать, её ждала своя семья. В Низольске отреставрировали местный аэропорт, и она до областного центра улетала самолётом, а далее — на поезде. Алексей провожал сестру до аэропорта.

— Как думаешь, помирятся родители? — спросила сестра уже в аэропорту.

— Думаю, да, — ответил Алексей. — Отца тоже понять можно. Сын там и внук.

— Ты о себе почти ничего не рассказал. У тебя всё хорошо?

— Наверное, так сказать нельзя. Но ты не беспокойся. Я справлюсь.

— В институте всё ровно?

— В институте всё гладко. Осталось два года.

Брат с сестрой обнялись, зная, что, возможно, снова расстанутся на несколько лет.

Остаток каникул Алексей не стал, как раньше, проводить с друзьями. Ему нужно было отвлечься, и он пошёл работать на нефтебазу. Там его помнили, в летние дни рабочие руки всегда нужны, и Алексей до самого отъезда работал. В институт он вернулся, надеясь, что учёба вернёт его в прежний уклад жизни. Но вместо занятий их четвёртый курс на две недели отправили на сельхозработы. В области был получен рекордный урожай зерновых культур, его надо было собрать и сохранить. В обкоме партии было принято решение — мобилизовать студентов, и Алексей вместе со своим курсом уехал в отдалённый район. Старшим был назначен один из аспирантов. Как правило, для сопровождения студентов и организации работ отправляли кого-то из преподавателей. Расселили студентов в сельском клубе, благо помещений хватало. Но приехали помогать колхозу не все. Кто-то взял справку о болезни, кто-то сумел убедить декана, что ехать не может по семейным обстоятельствам. Валера Захаров тоже остался в городе.

Через неделю сопровождающий аспирант уехал и больше не вернулся. Студенты остались без пригляда, но на работу и быт студентов это практически не повлияло. Правда, была устроена вечеринка по поводу отъезда аспиранта, но поскольку на ней были все свои, то прошла без происшествий. Если не считать, что одна городская барышня-студентка, видимо, впервые выпив водки, отключилась, и над ней хлопотали её подружки. Но всё кончилось хорошо. Девушку вырвало, её уложили спать, остальные продолжили внеплановое весёлое мероприятие.

Ровно через две недели за студентами прислали два автобуса. Ехать пришлось долго, поэтому часа через два автобусы остановились у каких-то заброшенных гаражей, чтобы все успели сходить «в кустики». Алексей сидел с Вадимом Тепляновым на задних сидениях, и они вышли последними. Немного замешкались, так как не слышали привычного: «Девочки — направо, мальчики — налево» или наоборот. Вадим, не мудрствуя, лукаво пристроился у стены здания, а Алексей прошёл сначала вдоль дороги и только потом зашёл в лес,

поглубже, чтобы никого не смущать. Он как бы особо не задерживался, но когда вышел из леса и подошёл к месту, где стояли автобусы, обнаружил — их нет. Автобусы уехали, оставив его. Алексей был уверен, сейчас обнаружится, что одного студента не хватает, и автобус, в котором он ехал, вернётся. Растерянный Алексей немного постоял, а потом пошёл по дороге, рассчитывая, что когда за ним будут возвращаться, увидят его. Но автобуса всё не было. «Ладно, остальные могли и не заметить «потерю бойца», но Вадим сидел рядом и по любому должен поднять шум».

Но автобуса всё не было. Через полчаса Алексей понял: за ним не вернуться. Он ускорил шаг, но даже не представлял, сколько километров до города: тридцать, пятьдесят, сто? Попытался остановить попутку, но не получилось. Через час его догнал трёхколёсный мотоцикл. Он поднял руку с просьбой остановиться. Водитель остановился. Алексей увидел, что оба пассажирских места заняты, а потому только спросил:

— Я в город правильно иду?

— Да, — последовал ответ, — а ты что, пешком собрался?

— Отстал от автобуса. Далеко идти?

— Километров семьдесят. Садись на запаску. До развилки довезём.

Алексей взобрался на заднюю часть люльки, на которую было прикручено запасное колесо, ухватился за мужчину, который сидел в люльке, и они поехали. Ветер бил парня в лицо, но всё равно было здорово. Он был полон признательности незнакомым людям, которые не оставили его на дороге. На развилке мотоцикл остановился:

— Тебе туда, — показал рукой водитель, — может, попутку поймаешь, а то скоро стемнеет.

— Возьмите, — Алексей протянул водителю три руб-ля. — Спасибо вам.

— Не надо. Люди должны помогать друг другу. Давай, студент, удачи!

Алексей постоял на перекрёстке, а потом снова двинулся в путь. Все разборки, почему его оставили, — потом. Теперь надо как-то добираться. Неужели ни одна попутка не остановится? Ему повезло: остановился ЗИЛ, за рулём которого был молодой парень. Он ехал в город и с удовольствием взял попутчика. Более того, в городе он высадил Алексея недалеко от общежития.

Когда Алексей вошёл в комнату, Вадим удивился:

— Так быстро добрался?

— Ты что, Ханорик, в лоб давно не получал? Сейчас я тебе это устрою. Только сначала скажи, почему оставили, бросили на дороге? Встань с кровати, сидячего не бью.

— Я не виноват. Это всё девки городские. Сначала я подумал, что ты сел рядом с водителем, так как куртка, в которую был одет парень, что с водителем сидел, такого же цвета, как у тебя. А когда, через полчаса примерно, понял, что это не ты, сказал об этом, водитель остановился, но Щербокова стала кричать, что ей срочно дома надо быть, что ты можешь на рейсовом автобусе приехать и так далее. Девки городские её поддержали, что я мог поделаться?

— Ты не с Щербоковой должен был разговаривать, а с водителем. Вы подумали, где бы я ночевал? В канаве? Какой рейсовый автобус вечером?

Алексей в самом деле не понимал, почему при таких очевидных обстоятельствах за ним не вернулись. Получается, что группа их — не коллектив вовсе, а каждый сам за себя. Даже спустя много лет он не мог забыть этот случай и фамилию городской девицы, которая выступила инициатором полного равнодушия к товарищу, граничащего с предательством.

Но тогда он не стал бить Ханорика, а только спросил:

— Где мой рюкзак?

— Его Старый забрал.

Старый жил в другой комнате, самого его не было, но рюкзак Алексея был под кроватью.

Алексей взял рюкзак, сказал притихшим студентам:

— Привет ему, — и вышел из комнаты.

Он не хотел ни с кем разговаривать. Более того — видеть никого не хотел. Он даже переодеваться не стал и пошёл в ресторан. Во-первых, хотелось есть, во-вторых, он должен выпустить пар. Внешний вид парня немного смутил официантку, но она обслужила молодого человека. Первый раз в жизни Алексейпил водку один. Мысли были грустные: «Получается, рассчитывать на друзей нельзя? Да и какие друзья это? Человек — это олицетворение одиночества?»

Но долго держать обиду Алексей не стал и вскоре, как всегда, легко и непринуждённо общался со всеми, даже с Щербоковой, которая продолжала считать, что поступила правильно:

— Не должна вся группа возвращаться из-за одного.

Алексей ушёл с головой в учёбу. Он участвовал в различных студенческих научных конференциях, работал над докладами, готовил номера факультетской стенгазеты. Преподаватели хвалили его, в деканате он был на хорошем счету, хотя там знали, что в его комнате в общежитии иногда собираются студенты разных факультетов, и поручили председателю факультетского студсовета негласно приглядывать за подобными собраниями.

Стихи, которые он писал, как ему казалось, для себя, несли грустные мотивы, но становились более осмысленными. Наконец, он решился отнести свои лирические стихотворения в редакцию областной молодёжной газеты «Молодой коммунист». Редактор по работе с внештатными корреспондентами приняла его приветливо. Долго читала его стихи, наконец, сделала заключение:

— Стихи Ваши мне нравятся. У Вас определённо способности, а может, даже талант. Давайте поступим так: Вы принесите нам стихи о партии, о комсомоле, и мы обязательно их опубликуем. А пушкино-есенинские мотивы оставьте пока для себя, может, когда-нибудь они снова будут востребованы, а сейчас у нас чёткая линия партии: идеология превалирует в творчестве.

«Вот тебе бабушка и Юрьев день!» — с иронией воспринял эту ситуацию молодой поэт. — На нет и суда нет». Но теперь он всерьёз задумался, а так ли верно учение марксизма-ленинизма, или его толкование исковеркали местные апологеты: «Стихи — это стихи, и они могут быть о чём угодно, поскольку являются выразителем души поэта, его чувств и восприятия окружающего мира. Причём тут партия, и что могу я о ней написать?»

Друг Валера его успокоил:

— Забей, если о партии писать не хочешь. А редактор из газеты права. Если хочешь чего-то добиться в жизни, надо вступать в партию.

— Но мне далеко не всё нравится, что партия вещает. Знаешь, мне отец говорил, что в шестидесятые годы в стране были лозунги: «Нынешнее поколение будет жить при коммунизме», «В восьмидесятые годы в СССР в основном будет построен коммунизм». Восьмидесятые наступили. И где он, коммунизм? Коммунизм — это когда всем — по потребностям. А у нас очереди за любым дефицитом. А что у нас не дефицит? Томатный сок в трёхлитровых банках?

— Если ты такие разговоры будешь вести — забудь об аспирантуре и науке. Никто тебя в институте не оставит при распределении, как ты хочешь, если такие мысли где-нибудь выскажешь. Ещё и в КГБ вызовут. Это антисоветчиной пахнет.

— Какая антисоветчина? Я комсомолец, активист. Просто могу я в чём-то сомневаться? Владимир Ильич Ленин сам учил: «К информации, к печати надо относиться критически». Получается, это я заветам Ленина следую, когда рассуждаю и сомневаюсь, а те, кто партию представляют, всё исказили.

Алексей оставался романтиком, но жизнь ставила перед ним вопросы, и он их решал, как мог. Постоянные проблемы с деньгами заставляли искать новые способы их заработать. Уже тогда была в ходу поговорка: «Если ты такой умный, почему тогда бедный?»

Молодой человек поразмышлял и решил зарабатывать не на выгрузке вагонов, а используя свой интеллектуальный запас. Он отправился в общество «Знание» и предложил себя в качестве лектора. Секретарь общества сначала объяснила юноше, что студентов они до этого момента не привлекали к работе. У них, как правило, читают лекции на различные темы преподаватели вузов и партийные работники. Но Алексей был настойчив, рассказал, что собирается после окончания института работать на кафедре, что у него есть определённый опыт и даже тема готова.

— Как называется Ваша тема?

— Международное молодёжное движение. Материал со мной, могу оставить.

— Давайте поступим так: я посмотрю Вашу лекцию, а Вы принесёте из деканата или кафедры соответствующую характеристику-рекомендацию. Может, сделаем для Вас исключение.

Так Алексей стал лектором общества «Знание». За каждое выступление перед молодёжными аудиториями: в заводских общежитиях, техникумах и училищах — обществу «Знание» перечислялась сумма в размере десяти рублей. Половина суммы оставалась в обществе, половина выплачивалась лектору. Молодому лектору нравилось выступать перед молодёжью: он рассказывал о хиппи, Бобе Дилоне, «красных бригадах», латиноамериканских революционерах. На заработанные за месяц деньги Алексей смог купить у московских спекулянтов модные джинсы и удобную импортную куртку. Они были его гордостью, и даже спустя годы, когда он их уже не надевал, долго не мог с ними расстаться.

И всё-таки прикопить денег не получалось. Друзья норовили «упасть на хвост», когда он получал лекторскую зарплату, и намекали, что получку надо «обмыть» в кафе. Как правило, в такие дни рядом был Сергей Галанин. Он знал распорядок работы всех кафе и даже был готов заказать заранее столик.

Однажды Алексей, Валерий и Сергей пришли обедать в кафе, которое днём работало как столовая, а вечером как кафе. Пока парни с подносами стояли в очереди, Алексей спустился вниз, в туалет. Когда он возвращался обратно, то, поднимаясь по лестнице, увидел лежавший на ступеньке кошелёк. «Наверное, прикол», — сначала подумал он. Иногда в целях розыгрыша к кошельку привязывалась ниточка, и когда проходивший рядом с кошельком человек хотел поднять находку, кошелёк начинал двигаться и «убегать». Но никакой ниточки не было. Алексей поднял находку, открыл кошелёк: там были деньги, достаточно много бумажных купюр. Когда друзья расселись за столиком, Алексей рассказал про находку. Пересчитали деньги: оказалось, шестьдесят рублей и мелочь.

— Похоже, кто-то аванс потерял, сказал Валерий.

В то время зарплата инженерно-технических работников составляла 120—130 рублей.

— Может, к кассиру подойти, рассказать? — спросил Алексей?

— Не тупи, — прервал его Галанин. — Думаешь, кассирша деньги в детский дом отнесёт?! Повезло, так надо пользоваться: в ресторане с «метёлками» посидим.

И тут они увидели, как по залу бегают растерянный человек помятой внешности, разглядывает пол и даже заглядывает под столы.

— Кажется, этот тип кошелёк потерял, — произнёс Валерий.

— Не суетитесь, — призвал к действиям Галанин. — Первым уходит Алексей, прямо сейчас, не торопясь. Просто уходи. Затем мы с Валерой как бы ещё немного кушаем и тоже валим. Встретимся у общаги. Лёха, ты чего сидишь?

— Как-то не по-людски. А вдруг у него семья? А мы деньги заберём.

— Во-первых, может, деньги не его. Может, он что-то другое потерял, ключи, например. А если даже его кошелёк, то он растяпа, терпила, и это его проблемы.

— Тогда я спрошу, что он ищет, — предложил Алексей.

— Очнись, это твоя месячная стипендия, воспользуйся, не чистоплюйничай.

Но Алексей подошёл к мужчине:

— Что Вы ищете?

— Кошелёк, кошелёк выронил. Здесь, в кафе, я его потерял. Может, видели?

— Сколько денег было в кошельке?

— Шестьдесят рублей ровно, это мне жене надо отдать. Аванс получил. Ну, там ещё мелочь.

— Возьмите. Это Ваш кошелёк?

— Да, он! Спасибо тебе, парень, спасибо! Иначе мне была бы хана. Жена бы подумала, что я пропил. А я завязал. Спасибо. — Мужчина семенил рядом с Алексеем, а когда тот сел снова за столик, неловко высыпал в ладонь всю мелочь из кошелька и положил перед Алексеем:

— Больше дать не могу, поверьте, жена не простит, спасибо. — И быстро скрылся из зала.

— Доволен? — язвительно спросил Галанин. — Видишь, какая безмерная благодарность у пролетария? Деньги идут к тем, кто их собирает, а не к тем, кто раздаёт. Ты сделал неправильный поступок — отказался от денег, а деньги имеют память. Раз они тебе не нужны, зачем они к тебе придут?

О пролетариях Алексею напомнили уже через неделю, но по другому поводу.

Его пригласили на заседание правления общества «Знание», где он должен был зачитать свою лекцию о международном молодёжном движении перед членами правления. Это был некий цензорский орган, который следил за идеологической направленностью лекций. Алексей не читал по конспекту, он просто рассказывал, как ему казалось, интересные факты, приводил примеры, делал выводы. Тридцать минут длилось его выступление (он сократил лекцию), далее он должен был отвечать на вопросы. Члены правления довольно благожелательно отозвались о его выступлении, но когда последним слово взял председатель — партийный функционер, — то высказал серьёзные претензии:

— Где руководящая роль коммунистических партий в молодёжных организациях тех стран, о которых Вы рассказываете? Почему не подчёркиваете важность гегемона всех революционных движений — пролетариата?

Уже подготовленный к подобным вопросам молодой лектор объяснил, что, конечно, он это всё рассказывает слушателям, просто, учитывая высокий уровень образования присутствующих, он сегодня эти постулаты сократил.

— Да, конечно. Без руководящей роли коммунистических и прогрессивных социалистических партий, в числе Западного мира, молодёжное движение не обладало бы необходимой поддержкой.

Всё закончилось хорошо. Правление «благословило» Алексея на дальнейшую работу, а он снова был в смятении, когда возвращался в общежитие: «Получается, я тоже, как и все они, начинаю лицемерить. Ведь я вовсе не говорю о роли коммунистических партий, когда выступаю перед аудиториями, а рассказываю интересные и содержательные моменты из жизни западной молодёжи. Получается, соврал. Но если сказать, как есть, — запретят выступать».

О роли партии пришлось вспомнить вскоре ещё раз. Галанин признался Алексею, что подал заявление в ряды КПСС.

— Тебе это зачем? На собраниях сплошной официоз слушать? — спросил Алексей.

— Буду слушать, если надо. Через год по распределению могут заслать туда, где «Макар коров не гонял», а я хочу в городе остаться. Мать похлопочет, а с партийными корочками результат скорее получится. И в армии, если заберут, партийных «старика» и «дембеля» не прессингуют. Сечёшь?

Алексей тогда лишь улыбнулся на рассуждения о перспективах жизни будущего члена КПСС, но впоследствии всё случилось так, как задумал Галанин. А пока они снова жили обычной студенческой жизнью.

У Галанина возникла идея фикс:

— Лёха, надо знакомиться с городскими «правильными» девушками, у которых родители — люди состоятельные. На пятом курсе женимся и получим шанс остаться в городе.

— Я так и так планирую на кафедре остаться работать и поступать в аспирантуру. Жениться-то мне зачем?

— Снова будешь жить в общежитии, только не как студент, а как аспирант? Разница невелика.

— Вот ты и подбирай себе невесту таким образом, а я как-нибудь сам разберусь.

Но без Галанина не обошлось в этом деликатном вопросе. Он уговорил Алексея пойти на вечер в музыкальное училище. Актёрский зал был заполнен девушками и юношами. Девушки были в вечерних нарядах, и это придавало присутствующим больше сдержанности, чем раскованности. Алексей с Сергеем стояли у стены и наблюдали за будущими хореографами, пианистками, солистками. Когда объявили белый танец, к Алексею подошла девушка приятной наружности и пригласила на танец. Они танцевали и разговаривали. Ирина, так представилась девушка, учится в музыкальном училище по классу фортепиано, пришла на вечер вместе с сестрой. После танца все познакомились. Фаина, сестра Ирины, понравилась Алексею. Сергею понравилась Ирина, но та больше внимания уделяла Алексею. Тем не менее компания получилась внешне гармоничной, и всем четверым было интересно. После танцев гуляли по городу, потом ребята проводили девушек до дома. Решили обменяться телефонами. Алексей сказал, что Сергей номер домашнего телефона девушек запишет, так как у него тоже есть телефон дома, и связь можно будет поддерживать через него:

— Назначим его распорядителем по связи и коммуникациям.

Никто не возражал, потому как не предполагали даже, как по-своему распорядится Сергей предоставленной возможностью.

Через пару дней Алексей спросил Галанина:

— Девушкам обещали позвонить. Сегодня вечер свободный. Ты как?

— Я уже с ними разговаривал по телефону. Они на этой неделе не смогут с нами встретиться.

Через неделю разговор возобновился, в этот раз Галанин сказал, что одна из девушек приболела. Через две недели Алексей потребовал у приятеля:

— Ты мне дай номер телефона девушек, я сам поговорю.

— У меня записка с номером дома лежит. Я на память не помню. Давай потом.

Ещё через несколько дней Галанин был вынужден признаться другу, что встречается с Ириной.

— Ирина меня особенно не интересует, дай номер телефона, я поговорю с Фаиной, — сказал Алексей.

— Она уехала в Москву. Будет пока жить там. Вернётся — я скажу тебе, и встретимся снова вчетвером.

Алексей всё понял. Галанин принёс в жертву их дружбу, чтобы нейтрализовать возможного соперника в лице Алексея. Девушки были из состоятельной еврейской семьи. Галанину нужно было начинать реализацию планов по устройству своей жизни, что он и сделал. И хотя Фаина тогда ещё никуда не уехала, он знал, что доверчивый Горностаев поверит в её отъезд. И оказался прав: Алексей раскусил, хоть и поздно, замысел Галанина, но в отъезд Фаины поверил, что полностью соответствовало планам Галанина, тот хотел войти в семью своих знакомых один, без друзей-приятелей. Алексей, разобравшись в ситуации, водить дружбу с Галаниным перестал, и это вызвало полное одобрение Валерия.

— Есть в твоём Галанине что-то неприятное. А его последний поступок — полная мерзость.

Продолжение этой истории случилось на пятом курсе, когда Алексей случайно на улице встретил Ирину.

А пока наш герой после окончания четвёртого курса собрался ехать в Сибирь, проходить учебную практику. Местом практики он выбрал город Братск, куда и поехал с двумя однокурсницами — Юлей и Гелей. До Красноярска ехали вместе с Валерой. Учебная практика — процесс обязательный, и Захарову предстояло пройти его в Красноярске. В поезде, в плацкартном вагоне, было весело: чаепития, шутки, анекдоты. Алексей гадал девушкам на картах. Всё просто: он знал своих однокурсниц и, добавив немного фантазии, ему не стоило труда рассказывать об их прошлом, настоящем и будущем, естественно, делая акцент на их личной жизни. Что может быть важнее для девушек?! Молодая проводница, тоже студентка, работающая в летние каникулы на железной дороге, присела к их компании, наблюдая, как Алексей увлечённо рассказывает о «принцах и королях» для своих спутниц.

— А мне можете погадать? — спросила проводница.

— Конечно.

— Только не здесь. Проводникам нельзя так долго сидеть с пассажирами. Приходите ко мне в купе.

Через полчаса Алексей и Валерий сидели в купе проводницы. Валерий прихватил с собой бутылку вина, «за знакомство», и они мило беседовали втроём. Купе проводников предназначено для двоих, и в нём было тесновато. Находчивая проводница села на колени к Валерию, и разговоры продолжались. Через какое-то время Алексей под предлогом, что нужно проверить спутниц, вернулся к себе в купе. Через час девушки поинтересовались, где Валерий? Алексей сказал, что выяснит, вышел в тамбур, постоял, вернулся и сказал, что его друг «завис» в вагоне-ресторане. Вернулся Валера только утром, когда спутницы Алексея ещё спали, и успел рассказать, что ночью в разгар любовных утех с проводницей раздался стук в дверь купе. Проводница испугалась, решив, что это начальник поезда, и Валера в чём мать родила сиганул на третью полку, но тревога оказалась ложной: приходила напарница проводницы. В этот день вся компания сошла с поезда в Красноярске, где у Валерия был пункт назначения, а Алексей с девушками делали пересадку в Братск.

Братск встретил молодых практикантов всей своей романтикой, известной по песням того времени. Людям, впервые приехавшим в город Братской ГЭС, особенно импонировало, что дома городских кварталов расположены среди вековых сосен и елей. А меж городскими районами располагаются нетронутые лесные

массивы. Это огромные природные парки города. Центр города — небольшой и уютный, пешком спокойно обойдётся.

Но для Алексея самым радостным моментом была встреча с Братской ГЭС. Ещё в школе он был наслышан об этой комсомольской стройке и мечтал увидеть прославленную гидроэлектростанцию. Теперь юноша стоял на плотине гидросооружения, смотрел с высоты на огромную массу воды, напирющую на плотину, и наслаждался звуком падающей с рёвом на лопасти турбины где-то внутри сооружения лавины воды. Для него в тот момент ГЭС была олицетворением человеческой цивилизации. И он был горд, что выбрал этот город для прохождения практики.

Студенты поселились в гостинице, а вечером решили посидеть в местном ресторане. В то время не было чего-то из ряда вон выходящим, если к столику, где сидели посетители, официанты подсаживали постороннего человека — с формального разрешения гостей. Так получилось и здесь. Свободных мест не было, и мужчина средних лет попросил разрешения присесть за столик Алексея и его спутниц. Он оказался разговорчивым и эрудированным, поэтому между ним и Алексеем всё время велись какие-то разговоры о Сибири, БАМе, Братске и Тайшете. Казалось, собеседник знает всё о людях и стройках Сибири. Девушки танцевали, а мужчины были увлечены разговорами. Алексей время от времени бросал взгляды на одну из официанток, которая, как казалось ему, была очаровательной. В конце концов, он уже не мог отвести от неё глаз.

— Да ты, смотрю, запал всерьёз на девушку. Не парься, если нравится: предложи 50 рублей — и она твоя на всю ночь. Здесь такие расценки. Хочешь, я всё устрою.

Алексея оглушили эти слова, словно обухом по голове. Здесь романтика, трудовые подвиги комсомольцев, настоящая дружба и яркие песни. А получается, эти красивые девушки продаются. Он знал о проститутках из книг и рассказов, но это было там, на загнивающем Западе, но ведь здесь Братск — символ молодёжных строек страны. Это было не просто разочарование, это была победа суровых, неоднозначных реалий жизни над его восторженно-одухотворённым взглядом по отношению к женщинам.

Собеседник предложил экскурсию на завтра по Братскому алюминиевому заводу, но Алексей сослался на занятость и отказался. Впоследствии молодой человек не раз вспоминал случайного ресторанного собеседника, который на доходчивом примере показал, что у любого человека, общества идеи могут быть две, а то и больше сторон, и, как правило, многогранник сверкает яркими бликами, а тёмные лучи скрыты и ведомы далеко не всем.

Комбинат, куда прибыли практиканты, находился в Братске, но ребят направили на один из участков производства — в сибирский посёлок строителей и лесопромышленников Светлый. Студенты поселились в одно-этажной гостинице, и началась месячная учебная практика в конторе производственного подразделения. Алексей переговорил с руководителем предприятия, и его зачислили на полставки мастера. Девушек, спутниц Алексея, родители неплохо снабдили деньгами, и тем не хотелось обременять себя официальной работой.

— Необходимый материал для отчёта о практике мы соберём, не напрягаясь. Так что, Лёха, можешь работать и за нас тоже. Здесь замечательный пляж на водохранилище, мы лучше там побудем, — заявили городские барышни-студентки после оформления всех необходимых документов.

Каждое утро Алексей шёл в контору и там под руководством опытного экономиста — начальника отдела — погружался в тонкости планов, прогнозов, экономических и технических обоснований, месячных и квартальных отчётов, процентовок и нарядов. Сначала ему поручали лёгкие задания, затем он сам попросил, чтобы его загружали текущей работой. Начальник отдела иногда говорил: «На сегодня срочной работы нет, занимайся сбором материала для своего отчёта в институт». После обеда Алексей шёл на водохранилище и присоединялся к своим девушкам, которые приносили на пляж целые сумочки различных кремов, масел, флакончиков, баночек и другой непонятной для мужчин «косметики». Ближе к вечеру, а в выходные с утра пляж заполнялся народом. В посёлке кроме местных жителей проживали строители-вахтовики, бригады «калымщиков» из южных регионов страны, специалисты, командированные из Братска и других городов.

Местные жители имели собственные дома или служебные квартиры от предприятия, а все остальные проживали в общежитиях и гостинице. В связи с большим потоком приезжих работников, особенно на летний период, в посёлке преобладало мужское население. Девушки пользовались повышенным вниманием. Геля познакомилась с водителем лесовоза Костей, который приехал в Братск сразу, как отслужил в армии, а Юля не выбрала себе достойного поклонника, поэтому они свободное время проводили вчетвером: Алексей, Костя, Геля и Юля. Вечерами иногда они ходили на дискотеку. Алексей особо никому симпатий не показывал, но с местными девушками знакомился и танцевал. Однажды на дискотеке к нему подошёл мальчишка из местных и сказал, что его ждут за углом. Когда Алексей завернул за угол клуба, то увидел трёх парней:

— Что хотели? — спросил Алексей.

— Это мы тебя, студент, будем спрашивать, а ты отвечай, понял?

— Понял, — спокойно ответил Алексей.

— Если понял, то тебе надо определиться, с кем ты: с нами — местными, с «калымщиками» или с «южанами».

— Да я как-то сам по себе.

— Так не получится. Если с нами, всё будет нормалёк, а если нет, то всё равно будешь с нами, только после «прописки». Ну, так как?

Алексей знал, что «прописка» — это когда приезжего для острастки немного бьют, но несильно, потом тот «проставляется» и его оставляют в покое.

— На прописку я по-любому не подписываюсь.

— А мы тебя спрашивать будем? — шагнул вперёд один из парней.

Алексей мгновенно встал в стойку и приготовился к драке.

— Да я смотрю, ты «борзый». Живи пока. Сидор сам решит, что с тобой делать.

На этом и разошлись. Сидор объявился спустя два дня. Алексея также вызвали за угол клуба. Он обошёл клуб с другой стороны и увидел, что там стоит парень, чуть выше его ростом, со шрамом на подбородке.

— Ты, что ли, Павка Корчагин? — спросил незнакомец.

— Нет, я — Алексей, можно Лёха.

— Меня Сидором кличут. Слушай, Лёха, я против тебя ничего не имею. Но у нас тут свои порядки. Мои парни не поймут, если ты вот так просто соскочишь с «прописки».

И вдруг, не ожидая ответа, выбросил руку вперёд, прямо в подбородок Алексею. Но тот был готов к такому повороту, он стоял, напряжённейшись, быстро отвёл от удара голову и перехватил блоком вверх руку Сидора. Но наносить ответный удар не стал, а в стойке приготовился отразить новое нападение.

— Да ты — боец. Не дрогнул. Слушай, нет у меня сегодня настроения разборки устраивать. Пойдём в парк, у меня там бутылка вина припрятана.

— А сразу нельзя было с этого начать?

— Нет, нельзя. Да я тебе всё объясню.

Парни сели на узкую деревянную скамейку в парке, выпили, и Сидор рассказал:

— Ты думаешь, я бандит местный? Нет, это не так, авторитетом определённым пользуюсь, но не бандит я. После армии попал в передрагу, отсидел два года. Думал, приеду в Сибирь, начну сначала, только не получилось. Здесь и полгода не проработал, начальство пригласило в кабинет и сделало «предложение, от которого нельзя отказаться». Народу в посёлке много, все разные, много приезжих, драки бывают, поножовщина, а на весь посёлок — один участковый. Пробовали из комсомольцев народную дружину организовать, но не получилось. Нет у дружинников авторитета, а у тех, кто сидел, по здешним меркам, есть. Вот и предложили мне возглавить местную шпану, чтобы сами мы порядок наводили. С одной стороны — задача правильная, а с другой — незаконно это. Да и ребята мои часто перебарщивают, отмазывать их всё труднее приходится. Ехал сюда, чтобы начать новую жизнь, а получается, что здесь на меня как на «урку» смотрят.

— Уезжать тебе надо. Хочешь, приезжай в наш город. У нас не только стройки, у нас завод — крупнейший, оборонный. Люди всё время нужны.

— Я тоже об этом подумываю. А ты хороший парень. Но на рожон по жизни не лезь. Подвиг, он оправданным должен быть, ради какой-то цели, а не ради принципа.

После этого разговора с Алексеем начали здороваться все местные парни, даже незнакомые.

В гостинице в одной комнате с Алексеем жил мужчина, отставной офицер, лет сорока, который тоже приехал в Сибирь начать новую жизнь. У него была своя история: во время учений — а он служил в танковых войсках в звании капитана — молодые солдаты после тренировки с метанием учебных гранат из открытого люка танка должны были сделать по одному броску боевой гранатой. Внутри танка солдат срывал чеку, высовывался из танка через люк и бросал гранату по учебной цели. Цель — учебная, а граната — боевая. И вот один из солдат, сорвав чеку, выронил гранату внутри танка. Считанные секунды до взрыва — и погибнут все. Капитан успел наклониться, схватить гранату и выкинуть через люк. Высовываться из люка времени не хватало, капитан рукой просто выбросил гранату из танка. Граната взорвалась рядом с танком, но никто не пострадал. Незадачливого солдата после этого случая перевели в хозяйственный взвод, а капитан через полгода оставил службу.

— Директор местного предприятия работу обещал. Пару дней ещё уйдёт на оформление, а пока я на торговой базе выгоны выгружаю, — добавил офицер.

— А можно мне с Вами после обеда работать? До обеда у меня — практика, а на выгрузке вагонов я «собаку съел».

— Надо поговорить с заведующим базой. Завтра приходи.

— Спасибо. А семья Ваша где?

— Дома осталась. У нас начались сложные отношения. Я жене сказал: «Уезжаю на год. Надо пожить отдельно. Если через год не вернусь, ты свободна». Дочка в школу ходит, я ей письма писать буду.

Так в очередной раз Алексей начал работать грузчиком. До обеда — контора, после обеда — база. Вечерами, перед сном, Алексей успевал сходить на пляж искупаться. Однажды капитан сказал Алексею:

— Если просто искупаться, можно здесь, рядом, за шоссе, у больницы. Место, правда, непригодное, аккуратно в воду входить надо, коряги там.

Но Алексей забыл о предупреждении, вечером пришёл к водоёму, разделся и нырнул с берега в воду. Почувствовал боль, тут же вынырнул и вышел на берег. Со лба текла кровь. Видимо, напоролся на корягу. Он зажал рану одной рукой и, взяв одежду другой, пошёл в больницу, которая находилась рядом. Рану ему обрабатывала молодая девушка — медсестра. Она уложила его на кушетку, сказав, что врача уже нет, и она сама всё сделает. После всех процедур заклеила рану пластырем, но сразу встать с кушетки не разрешила и

спросила: не кружится ли голова, не тошнит ли его? Благодарный молодой человек спросил имя девушки и попросил разрешения проводить Елизавету до дома: у неё закончилась смена. Но та сказала:

— Сегодня точно нет. Вам нужен горячий чай и покой. Завтра после обеда придёте ко мне в больницу на перевязку.

Но на другой день Алексей как ни в чём не бывало после обеда работал на торговой базе, отшучиваясь от коллег-работяг о «бандитской пуле», полученной накануне «при невыясненных обстоятельствах». После работы он не пошёл купаться (Лиза запретила мочить рану) и остался в номере гостиницы. Через полчаса раздался стук в дверь, на пороге стояла Елизавета.

— Вы, больной, почему режим нарушаете? — нарочито сердито спросила девушка. — Вам надо делать перевязку, а Вы, находясь в таком состоянии в антисанитарных условиях на торговой базе, рискуете получить осложнение или заражение.

Алексей, обрадованный приходом девушки, оправдывался:

— Простите, доктор, но мой поступок имел благородный порыв. Я не мог появиться на глаза прекрасной даме без цветов. Вот ходил на базу, зарабатывал на букет роз, самых прекрасных.

— Где Вы здесь розы собрались покупать? Здесь не столичный город. А вот полевых цветов много — целые луга нетронутые. Только ведь не с руки городскому избалованному студенту на лугу цветы для девушки на-рвать?

— Так Вы мне помогите. Заодно и луга сибирские покажете. А то я ещё заблужусь...

— Мне надо сначала свой медицинский долг исполнить. Давайте посмотрим, что с раной.

После перевязки Алексей пошёл провожать девушку. Беседуя в шутливо-дружеском тоне, они быстро перешли на ты и договорились встретиться завтра, чтобы Елизавета показала гостю местные окрестности.

На следующий день, собираясь на свидание с девушкой, Алексей неожиданно для себя почувствовал, что волнуется. Но волнение незаметно ушло, когда он увидел Лизу, которая пришла в назначенное время в обтягивающих джинсах и лёгкой тёмной блузке. Их общение было столь непринуждённым, что не надо было думать, о чём и как вести разговор с этой милой девушкой. Они вышли за посёлок, который был островком цивилизации в безграничном море тайги, оврагов, болот и речушек. Лиза привела Алексея на луг, который был необыкновенно большим и ровным, где росли самые разные цветы. Алексей собрал букет, а Лиза сделала венок из полевых цветов. Молодой человек подошёл к девушке и опустился на одно колено:

— Прекрасная леди, примите сей букет в знак вечной признательности за спасённую жизнь неразумного отрока. Отныне я Ваш навеки.

— О неразумный принц, вы несёте лестные, но необдуманные речи. Как только Ваше пребывание на просторах Братского района закончится, Вы уедете и забудете меня.

— Обещаю вернуться сюда зимой, на преддипломную практику.

— Ладно, «обещалкин», пошли на трассу лесовозную.

Когда они вышли на довольно широкую грунтовую дорогу, то Алексей был удивлён, с какой частотой идут по ней лесовозы. Молодые люди стояли на обочине, смотрели на проходящие мимо КРАЗы, везущие вековые сибирские ели и сосны, как вдруг один из лесовозов остановился, проехав чуть дальше стоящей парочки.

— Пойдём, может, водитель спросить чего хочет, — предложил Алексей.

— Если спросить, сам выйдет.

Но Алексей всё же подошёл к кабине: там сидел улыбающийся Костя.

— Садитесь, прокачу!

Алексей махнул рукой Лизе, чтобы поторопилась, и они уселись в кабине лесовоза. Здесь было шумно, немного душно, далеко не очень чисто, но всё это казалось мелочью по сравнению с ощущением простора, скорости и разнообразия пейзажа за окном. Алексей держал девушку за руку, и им обоим казалось, что вот если так, вместе, ехать далеко-далеко, то их ждёт интересная жизнь и настоящее счастье. От охвативших чувств они даже не разговаривали, а только смотрели в окна и друг на друга. У перерабатывающих цехов, куда прибыл лесовоз, брёвна были выгружены, и Костя, словно понимая чувства своих спутников, предложил:

— Я могу ненадолго с маршрута отклониться. Покажу кое-что.

Через полчаса они подъехали к огромному щебёночному карьёру, он был таких размеров, что техника, находящаяся на дне карьера, казалась игрушечной. Необыкновенных размеров экскаватор грузил породу в подъезжающие к нему БелАЗы, те отвозили груз к дробильному агрегату, который с грохотом дробил куски породы на щебень соответствующих фракций, и уже другие Белазы отвозили готовый для использования щебень на многочисленные сибирские стройки.

— Сечёшь масштабы, студент? — спросил Костя приятеля.

— Да, это — нечто. Впечатляет!

— Я сам на БелАЗ хотел устроиться, но сказали, нужен стаж и опыт. Думаю, через полгода-год пересеяду на такого гиганта. Ладно, давайте я вас до посёлка подброшу, а мне ещё рейс делать.

Алексей с Лизой стояли у дома, где она жила. Они стояли, держась за руки, но он так и не поцеловал её, хотя оба внутренне тянулись друг к другу, и сделай Алексей хоть одно движение навстречу к ней, она бросилась бы в его объятия. Но было ещё светло, и Алексей не хотел компрометировать девушку поцелуями на виду у случайных и неслучайных прохожих. Наконец, они расстались, договорившись, что выходные проведут на пляже.

Юля и Геля встретили новую знакомую Горностаева довольно прохладно, но открыто своего недовольства не высказывали. Как потом по секрету рассказал Костя, у девушек был план, составленный перед поездкой в Сибирь: Юля хотела покорить сердце Алексея при полной поддержке подруги, но Геля увлеклась Костей, а потом и сам Алексей стал встречаться с Елизаветой. Через много лет, на одной из встреч выпускников, Юля призналась Горностаеву, что поехала на практику в Сибирь только из-за него. Горностаев сделал удивлённый вид и высказал что-то вроде претензии в адрес женщины:

— Могла бы и смелее быть. Я ведь не знал ничего. Хотя бы намекнула... Всё могло сложиться по-другому.

— Наверное, мне не хватило решительности. Да и ты увлёкся какой-то девицей. Но, может, всё и к лучшему: у меня замечательный муж и двое детей.

Но тогда, в первой половине восьмидесятых годов, они, молодые и задорные, не знали своего будущего и стремились в него, надеясь, что их поколение свою жизнь будет строить осмысленно и красиво, без противоречия материальных благ с идеологией и совестью. Но жизнь, оказывается, такая хрупкая субстанция, что ещё нужно дожить до этого самого будущего.

Шутливые слова Алексея о его спасённой жизни оказались пророческими. Накануне он договорился встретиться с Лизой у лесной опушки. Алексей пришёл раньше, перешёл через лесовозную дорогу и наслаждался видом вековых деревьев. Вскоре он увидел, что со стороны посёлка подошла Лиза. Они стояли по разные стороны дороги и ждали, когда пройдёт лесовоз, заглушая всё шумом двигателя. Лесовоз прошёл, и Алексей, не спеша, улыбаясь, декламируя стихи и нарочито пританцовывая, пошёл к Лизе. Он не видел, что другой лесовоз с большой скоростью мчит по дороге, но в другую сторону. Ещё мгновение — и тяжёлая

машина сбила бы парня. У Лизы не было времени даже закричать. Она мгновенно бросилась навстречу Алексею и с силой толкнула его руками, всем телом и ещё какой-то внутренней необыкновенной энергетикой, свойственной только русским женщинам, позволяющим им не только «в горящие избы войти» или совершать другие героические поступки, но и ежедневно брать на себя все хлопоты домашней и семейной жизни ради семьи, мужа, детей.

Лесовоз с грохотом промчался, а Елизавета и ошарашенный Алексей лежали на обочине и даже не пытались встать. Девушка обнимала парня и теперь, когда всё было позади, не могла даже заплакать от охватившего её ужаса, что они могли погибнуть вместе. Лиза при падении поцарапала колени и локти — надо было возвращаться домой. Чтобы не пугать её родителей, договорились ни о чём им не рассказывать.

Случай этот Алексей рассказал только капитану, соседу по гостинице.

— Теперь будешь этот день отмечать как второе рождение. Только советую обоим забыть этот случай.

— Почему? Я, наверное, гордиться буду, что Лиза у меня такая.

— Сразу не поймёшь, но запомни, люди, ни тот, кому обязан, ни тот, кого спасли, если останутся вместе, будут чувствовать себя дискомфортно. Закон человеческой психики: личность в отношениях не терпит обязательной благодарности всю жизнь.

— Разве плохо знать, что за тебя горы свернут?

— Это другое. Может, рано я с тобой такой разговор затеял. Это деликатная тема.

Последние дни практики пролетели в суете. Несколько вечеров Алексей провёл дома у Лизы. Она любила готовить и старалась угостить своего парня чем-нибудь новым и вкусным. Родители относились к ухажёру их дочери доброжелательно, но было видно, что всерьёз их отношения не воспринимают. Он уедет, и они со временем забудут друг друга. Фактор времени и расстояния влияет на самые искренние чувства.

Алексей договорился с руководством комбината, что приедет в Братск на преддипломную практику зимой и писать диплом будет, основываясь на деятельности комбината.

— Студент вернётся, ты только жди, — говорил он Лизе, искренне надеясь, что всё у них будет хорошо.

В Низольск он приехал с подарками: чемодан был заполнен банками тушёнки, сгущёнки, растворимого кофе и другим потребительским дефицитом того времени. Всё это он приобрёл по оптовым ценам на торговой базе, где подрабатывал грузчиком. Даже удалось прикопить денег, что позволило ему в Москве приобрести стильные вещи из одежды. В общем, в родной городок он вернулся франтом и щёголем, чем привёл в восторг одноклассниц, тех, которые ещё не вышли замуж. Родители помирились, но здоровье отца было неважным. Он вышел на пенсию и всё лето проводил в деревне, обустривая на новый лад старый родительский дом. Алексею самому хотелось побывать в деревне, и он приехал к отцу на пару дней, но втянулся в работу по ремонту дома и провёл в деревне всю неделю. Однажды вечером отец вынес во двор, где они с сыном иногда сидели в беседке, большую бутылку, закрытую самодельным сургучом.

— Это самогон, сам к твоему приезду делал. С соседом пробовали — «молоток», однако. Мозги не туманит, а прочищает. Давай выпьем, видимся редко, когда ещё придётся?

Отказаться было нельзя. Алексей чувствовал, что отцу важно посидеть со взрослым сыном за рюмочкой, и он помог отцу принести закуску. Самогон и в самом деле был хорош: крепкий, как спирт, и чистый, как слеза. Отец налил из стакана в столовую ложку немного самогона и поднёс зажжённую спичку — жидкость вспыхнула синим пламенем.

— Можно сказать, чистый этиловый спирт. Только из натуральных компонентов, а не химия. Давай — за встречу!

Они сидели в тишине деревенского вечера, разговаривая, как никогда, доверительно. Отец рассказывал, как в этих местах проходила его молодость, как они, деревенские парни, дрались стенка на стенку с парнями из других деревень и как он, закончив семилетку, перебрался в Низольск, чтобы учиться в техникуме, да там и остался после окончания учёбы. Незаметно он перешёл к рассказу о жизни в Заполярье, где служил в армии, а потом ходил в море на рыболовных судах. Здесь отец остановился. Оба понимали, дальше тема для обоих тяжёлая. Отец, наконец, решился:

— Знаешь, сынок, жизнь так коротка. Много чего я не успел, но если случится скоро покинуть этот мир, буду жалеть в этот час только об одном, что не решился увидеть сына старшего и внуков. Твоего брата зовут Богдан Карпенко. Живёт с семьёй в Мурманске, адрес тоже есть, но, возможно, переехали они. Прошу об одном: найди моего старшего сына и расскажи, что всю свою жизнь я помнил о нём. Узнай, как он живёт, и попроси за меня прощения. Больше ни о чём не прошу. Ты парень самостоятельный, и, верю, достигнешь в жизни своих целей. Мать не забывай и с сёстрами дружи.

— У меня этот учебный год последний, диплом и всё такое, но потом я поеду в Мурманск и найду брата.

— Спасибо, сынок! Только матери не говори, а то она снова плакать будет.

— Нет, конечно. А сёстры мне письма пишут, я иногда отвечаю.

— Как у тебя с Милей?

— Давно не виделись. Она в институте учится.

— Видел я её в прошлом году. Она иногда приезжает в Низольск. До чего хороша девка! Что вы хорохоритесь друг перед другом? Красивая была бы из вас пара.

— Ничего пока сказать не могу. Много чего произошло. Пойдём спать, отец.

Не зря отец вспомнил о Миле. Когда Алексей вернулся в Низольск, то узнал, что Миля приехала навестить родной город, остановилась у тётки. И хотя мать дала ему домашний телефон этой самой тётки, Алексей не решился позвонить. Миля позвонила сама:

— Хочу тебя видеть.

— Прислать фото?

— Нет, приходи сам, сегодня.

— Но у меня могут быть дела. Мне должен звонить Генеральный секретарь Организации Объединённых Наций.

— Остерегись. Не придёшь — милиция доставит.

Шутки шутками, но о милиции Миля говорила правду. За ней ухаживал местный сотрудник милиции — сержант. У него были вполне серьёзные намерения по отношению к Миле, и он не на шутку всполошился, когда узнал, что приехал её бывший парень.

Обо всём этом Миля при встрече рассказала Алексею, но добавила, что ничего у неё не было с этим ментом и вряд ли будет, но если Алексей снова будет «ни рыба ни мясо» по отношению к ней, она назло ему выйдет за милиционера замуж и будет рожать детей, каждый год по ребёнку, чтобы было «семеро по лавкам».

— Миля, ты мне по-прежнему дорога, но кое-что случилось. Даже не знаю, как тебе рассказать.

— Расскажи как есть. Если ты не женился — всё поправимо. Мне никто кроме тебя не нужен. И я поняла: за тебя надо бороться.

— Да не в этом дело. Есть один человек, девушка, она спасла мне жизнь, рискуя своей. Не могу я быть последним негодяем — бросить её.

— А ты её любишь?

— Думал, да. А вот с тобой встретились — сомневаться начал. Ты у меня — как заноза в сердце, но характер у тебя — поискать надо.

Миля замолчала, задумалась, потом произнесла:

— Тебе надо в себе разобраться. Я тебя пойму, если выберешь не меня. Запомни одно: жить с человеком из благодарности — не уважать себя и не ценить его.

Они ещё долго гуляли по родному городу, а когда стояли у крыльца тёткиного дома, мимо них два раза проехала милицейская машина.

— Ты будь осторожнее. Мент этот, Зубов, на тебя «зуб» имеет.

— Не по зубам я ему. Пока, увидимся! — И Алексей направился домой.

Но предупреждала Миля не зря. В субботний вечер Алексей встречался со своими местными друзьями. Собрались на квартире у одного из одноклассников, предварительно купив пару-тройку бутылок вина. Посидели, а вечером пошли на дискотеку на открытой летней танцплощадке. В разгар танцев к Горностаеву подошёл незнакомый милиционер и сказал, что с ним хотят поговорить, и показал в сторону выхода. Алексей, конечно, понял, что, скорее всего, это Зубов хочет с ним объясниться, и направился за пределы танцплощадки. Но, как только он покинул дискотеку, к нему подошли ещё три милиционера и буквально втащили его в стоявший милицейский уазик, хотя изумлённый Алексей и не сопротивлялся. Теперь он считал, что произошло какое-то недоразумение, сейчас его привезут в отделение, и всё прояснится. Однако привезли его не в местное отделение милиции, а в вытрезвитель. Дежурный спросил фамилию, имя, отчество, год рождения, род занятий, затем заставил раздеться до трусов, якобы для осмотра, и тотчас проводил в камеру, закрыв за ним дверь. В камере стояло несколько железных кроватей. На одной из них был привязан мужчина, он всё время мычал и что-то невразумительно говорил. Ещё один мужик лежал на другой кровати, видимо, спал. Алексей постоял перед закрытой металлической дверью и начал стучать в неё с криком:

— Вызовите начальника! За что меня сюда доставили?

Дежурный подошёл к двери и, не открывая её, пригрозил:

— Шуметь будешь — свяжем. Будешь «вязанкой» до утра лежать, не шевелясь.

Проснувшийся мужик спокойно посоветовал:

— Ты, парень, того, не ершись, бесполезно. До утра они с тобой разговаривать не будут. А связать могут, у них это просто.

Алексей был в ужасе. Его забрали в вытрезвитель. Да, он выпил немного с друзьями, но его даже никто не тестировал на алкоголь. Он знал: за попадание в вытрезвитель в институте было одно наказание — исключение. Он, конечно, не сказал, в каком институте учится, но при желании это легко можно выяснить. Город маленький, многие друг друга знают. Ночь он провёл практически без сна. Да, он слышал не раз рассказы, как в вытрезвитель в любом городе могут забрать с улицы, со двора, из любого общественного места, даже если человек не пьяный, а просто чуть выпивши. Он сам не раз видел, как дежурят в вечернее время милицейские машины около ресторанов, чтобы забирать в вытрезвитель выходящих посетителей. Но Алексей считал, что с ним это никогда не произойдёт, ведь он не напивался и не буянил. Что за беспредел с ним сегодня творят? И происходит это не только с ним, а с десятками, а может, и сотнями тысяч людей. И делает это власть в лице милиции. По слухам, у работников милиции есть план по доставке пьяных, и они

выполняют его любой ценой. Алексей привык считать, что милиция создана для защиты населения, а получается, она сама лишает людей элементарных прав. И это в стране, где всё для народа и во имя народа?!

Утром дежурный сержант выдал ему одежду, вернул часы и деньги. Сказал, что надо заплатить за услуги вытрезвителя 15 рублей. Денег у Алексея хватило. Он взял квитанцию и спросил сержанта:

— Почему не было медицинского освидетельствования? Где акт об изъятии у меня денег и других вещей?

Сержант, не отвечая, велел расписаться в журнале, что претензий задержанный Горностаев не имеет.

— Я не буду расписываться! За что меня задержали?

Сержант невозмутимо ответил:

— Дорогу ты перешёл Зубову. Это он со своими приятелями из отделения доставил тебя. С ним и разбирайся. Мы не могли не принять «клиента»: они на тебя заранее составили протокол. По закону всё правильно.

— Где ваш начальник?

— Хочешь ждать начальника — возвращайся в камеру.

В камеру Алексею возвращаться не хотелось. Он вышел из здания и отправился домой — мать явно переживает. Дома он не стал рассказывать, что с ним случилось, сказал, что с ребятами до утра гуляли. Мать не поверила:

— Помятый ты какой-то. Не спрашиваю, с кем был. Только знамо — не с ребятами. Если с Милей, придётся тебе жениться. Она девушка хорошая, дорога нам. Не позволим мы с отцом, чтобы ты поохальничал с ней — и в сторону. Она ведь всех парней из-за тебя отшивает.

Алексей впервые за долгое время грубо ответил:

— Далась вам эта Миля. Что вы с ней привязались? Она что — одна на свете? Сам разберусь.

У него была одна мысль — отомстить! Он уже понял, кто из четырёх милиционеров был Зубов, и решил посоветоваться с друзьями. Предложения были разные:

— Зубов — тот ещё гад. Он не из наших, всего два года здесь работает. Репутация у него подозрительная. Группа, из таких же, как он, приезжих ментов, дела проворачивает. Если ты его подкараулишь и морду набьёшь — он тебя посадит. Здесь надо подумать, как поступить, но наказать надо, иначе в следующий раз они любого из нас могут забрать хоть в отделение, хоть в вытрезвитель.

— Зубов и другие менты глаза закрывают на хаты, где ночью самогоном и водкой приторговывают. Может, соберём сведения и в прокуратуру напишем?

— Это долго, и получается — не мы его наказали. Что ещё?

— У него в распоряжении — милицейский уазик. Он часто сам за рулём. Надо устроить ему ДТП, чтобы покувыркался. Горыныч — у нас гонщик, на мотоциклах рассекает, словно чемпион. Можно сделать так, чтобы подсесть его машину, а самому не пострадать?

— Конечно, можно. Я даже знаю, где он обычно за городом ездит. Сделаю — каскадёры позавидуют, — ответил Горыныч.

Здесь вмешался Алексей:

— Я должен это сделать сам. На мотоцикле я уверенно держусь, с Горынычем с детства катался, но надо подготовиться. Горыныч, ты мне дашь уроки по экстремальной езде?

— Да без проблем.

Парни катались по пересечённой местности несколько дней. Но главной задачей Горыныча было объяснить Горностаеву сам манёвр имитации неминуемого столкновения:

— Здесь важна скорость: чем она больше, тем легче машину под откос пустить. Значит, надо, чтобы он с тобой наперегонки поиграть решился. В нужный момент ты не просто обгоняешь, а как бы наперерез ему направляешь байк, даже если он заднее колесо мотоцикла заденет, не страшно! Главное, чтобы переднее не задел, или в бок не врезался, иначе — ты сам кувыркаться будешь.

Ребята с приятелями несколько дней на двух мотоциклах отслеживали маршруты передвижения Зубова. И вот подходящий момент настал. Манёвр решил делать Алексей один. Он высадил Горыныча и рванул на мотоцикле за милицейским уазиком, за рулём которого сидел Зубов. Мотоцикл быстро догнал машину, обогнал её и поехал впереди, сбавив скорость и не давая себя обогнать. Взбешённый Зубов попытался обойти его слева, затем, нарушая все правила движения, справа, но мотоциклист не давал ему сделать это, то увеличивая, то снижая скорость. Наконец, автомашина обошла байк и понеслась вперёд. В этом и был план: Алексей, зная мощность навороченного мотоцикла Горыныча, снова догнал уазик и направил его наперерез автомашине, но через секунду выровнял байк и увеличил скорость. Этой секунды хватило, чтобы растерявшийся водитель машины резко увёл руль вправо, уходя от столкновения, и уже ничего не мог сделать, чтобы исправить ситуацию. Машина вылетела в кювет, перевернулась несколько раз и встала на колёса. Алексей остановил мотоцикл. Первая мысль: «Получилось. Он сделал это как профи, как каскадёр!»

Через минуту подъехал Горыныч в качестве пассажира на другом мотоцикле.

— Молоток! Железно! Давай посмотрим, что с ним.

Парни втроём подошли к машине и открыли дверь. Пристёгнутый ремнём безопасности сержант сидел за рулём, правда, руль был весь исковеркан.

— Дышит, — деловито сказал Горыныч. Затем вытащил из кармана начатую бутылку водки и стал выливать содержимое в рот Зубову. Тот, похоже, был без сознания, но часть водки всё же вылилась ему в горло. Горыныч тщательно вытер тряпкой бутылку, и затем разбил её внутри машины.

— Всё, теперь мы — в ГАИ, сообщим об аварии, а ты, Лёха, позвони из дома в «Скорую помощь». Запоминайте: за рулём байка был я. Я увидел, как впередиидущий милицейский автомобиль резко полетел в кювет. У тебя, Лёха, даже прав нет. Поэтому ты в качестве пассажира ехал на другом мотоцикле. Поняли?

Пока ребята ехали в сторону города, началась гроза. Дождь был такой сильный, что ехать на мотоцикле было невозможно. Алексей остановился около магазина и попросил разрешения позвонить на станцию «Скорой помощи». Через несколько минут он увидел, как «скорая» поехала к месту аварии. Дождь чуть ослаб, и Алексей на мотоцикле поехал обратно к тому месту, где всё произошло. Он видел, как фельдшер и водитель «скорой» заносили на носилках Зубова в машину, и как она с включённым проблесковым маячком поехала в сторону больницы. Он не подходил близко, но по отдельным репликам сотрудников ГАИ было понятно, что ливень не оставил никаких следов, и восстановить детально, что случилось на дороге, если не было свидетелей, будет невозможно.

На следующий день к Алексею домой пришла Миля. Она была очень расстроена:

— Это я виновата. Я накануне Зубову всё высказала. Выдала, что если он вздумает ко мне подойти или против тебя ещё какую-нибудь пакость сделает, то я напишу заявление в милицию, что он пытался меня изнасиловать.

— А он пытался?

— Нет, конечно. Я руки не позволяла ему распускать и вообще просто хотела, чтобы ты меня немножечко поревновал. Думала, приедешь, тебе расскажут, и ты хоть встрепенёшься, а получилось, что я теперь чуть человека не убила.

— У него что-то серьёзное?

— Возможен перелом костей черепа, многочисленные ушибы. А о внутренних органах пока в больнице ничего не сказали. Получается, после моих слов он напился и пьяным сел за руль. Бутылку водки, разбитую в его машине, нашли дознаватели. Скорость, говорят, была большая. Куда он летел? Меня даже к нему в палату не пустили. Я хотела прощения попросить.

— Не надо у него прощения просить. Ты не виновата в аварии, это я его на байке подрезал. Не думал, что так получится. Сначала со злости решил наказать, а потом спортивный азарт охватил: смогу — не смогу...

Миля смотрела на своего любимого не моргая и не произнося ни слова. Наконец прошептала:

— Ты это сделал специально?

— Да, но виниться в милицию не пойду. Мне мои друзья помогали. Я не могу их «заложить».

Она опять долго молчала, потом стала истерично бросать в него слова, полные обиды и бессилия:

— Я тебя с детства любила! За тобой — на край света была готова. Ты для меня идеалом был, мечтой. Думала, ты самый лучший, добрый, надёжный. И что теперь? Ты кто?

Миля разрыдалась и убежала.

Ночь Алексей провёл в раздумьях: «Правильно Миля спрашивает — кто я? Лиза рисковала своей жизнью, чтобы спасти меня. А я рисковал своей жизнью и жизнью другого человека, чтобы наказать обидчика. Мы могли оба погибнуть. Надо, наверное, навестить его в больнице. Но что я ему скажу? Мы толком даже не знакомы.

Через два дня он узнал, что Миля уехала. Ещё через пару дней к нему зашёл Горыныч.

— Ты чего такой кислый? — начал он с порога. — Оклемався наш мент. Перелома черепа нет, и вообще, легко отделался. Зубов рассказал дознавателям, что видел якобы мотоцикл, который его подрезал, но что оба гонки устроили — не стал говорить. Его, похоже, даже из органов не увольняют, и что пьяный был — не стали доказывать, бутылка в машине была, говорит, возможно, но пьяным не был. Мне даже показания не пришлось давать. Это надо отметить. Ребят собрать вечером?

— Давай не теперь. И не по этому поводу. Мне кажется, мы накосячили с этим сержантом. Лучше бы я ему морду набил, а теперь на душе кошки скребут.

— Не парься ты с этим ментом. По совокупности — поделом ему.

В тот же день Алексей позвонил Миле по межгороду. Она выслушала, но сказала, что это ничего не меняет:

— Нам надо это пережить. Только каждый это должен сделать отдельно. Ты и в самом деле меня очень разочаровал.

— Ты больше меня не любишь?

— Люблю, но сейчас не до выяснения отношений. Нам нужно время. Прости.

Снова душа Алексея наполнилась терзаниями: «Почему мы часто только тогда понимаем, как дорого нам то, что теряем, и начинаем ценить уходящее, когда сделать что-либо и вернуть уже невозможно?»

Остаток каникул прошёл без происшествий, и Алексей поехал в Градосеверск, но решил по дороге остановиться в Москве на пару дней. Поскольку в столице он бывал регулярно, то там у него появились друзья. Любимым местом встречи у них был известный пивной бар «Жигули» на Калининском проспекте. Московские приятели ещё пару лет назад рассказали ему, что на Беговой можно купить фирменные джинсы, а в ГУМе, около фонтана, — модный галстук. В ГУМе надо постоять около фонтана, не суетясь, и к тебе подойдёт парень с портфелем, спросит:

— Модный галстук нужен или ещё что?

В портфеле лежали образцы галстуков, покупатель определялся с выбором, и они шли к другому парню, который из чемодана доставал покупаемый товар. Москвичи, приятели Алексея, знали, как приобрести импортные вещи из «Берёзки», достать билет на премьеру в Большой театр, как проехать бесплатно в метро (это ради смеха) и многое другое. Алексей пользовался их советами и с удовольствием встречался с московскими приятелями. Те, правда, подтрунивали над ним за его восторженные впечатления от Третьяковки, театров, ВДНХ и других мест, где Алексей старался непременно побывать, но ценили за умение быстро сочинить четверостишия по любому поводу, за начитанность и некую основательность, что вкупе с его романтической натурой позволяло в нём видеть человека, если не одарённого, то, по крайней мере, интересного и непосредственного.

Приехав в Градосеверск, Алексей с первых дней учёбы (пятикурсников не отправляли на сельхозработы) сразу занялся институтскими делами. Заведующий кафедрой пообещал, что при распределении оставит его работать на кафедре младшим преподавателем и одновременно Алексей будет учиться в аспирантуре. Через месяц Алексей из писем, полученных из Низольска, узнал, что Зубов благополучно выписался из больницы и продолжает работать в органах, правда, не в Низольске, его перевели в соседний район. Алексей заставил себя как можно реже вспоминать события, связанные с Зубовым, и студенческая жизнь снова вошла в свою колею.

Однажды осенью он совершенно случайно увидел на улице идущую навстречу ему Ирину. Оба искренне обрадовались встрече и долго разговаривали. Оказалось, Галанин после их первой совместной встречи всё время говорил, что Алексей не может прийти, он занят, затем — якобы болеет, и наконец, что у него появилась девушка, и ни Ириной, ни Фаиной он не интересуется. Когда Ирина услышала от Алексея, как всё было на самом деле, то даже растерялась:

— У нас с Сергеем в планах свадьба весной. Получается, что он совместную жизнь с обмана начинает. Что же теперь делать? Мы всё время про тебя спрашивали, а он небылицы в ответ плёл.

Алексею совсем не хотелось быть причиной размолвки или даже ссоры сложившейся пары (он и так достаточно неприятностей доставил знакомым и незнакомым людям в последнее время), и он начал оправдывать Галанина, приводя аргументы о том, что таким образом Серёга боролся за Ирину, как мог. Девушка предложила:

— А знаешь, проводи меня. Кстати, Фаина здесь, дома. Можем втроём чай попить. Она будет рада тебя видеть. Сколько раз спрашивала!

В большой, богато обставленной квартире, где проживали девушки, Алексей и сёстры сидели за журнальным столиком и весело разговаривали. Новостей было много, и молодым людям было о чём поговорить. Ирина в этом году оканчивала музыкальное училище, ехать по распределению в какой-либо отдалённый сельский район она не хотела, и родители, видя, что Сергей Галанин очень даже подходящая для их дочери пара, решили: пусть женятся. А после свадьбы, используя свои еврейские связи, они сделают для дочери справку о беременности, и молодожёны останутся в городе.

— Алексей, в субботу мы здесь, в квартире, с девчонками собираемся. Пара знакомых парней тоже придут. Серёга не придёт, он с мамой на выходные уедет. Родителей дома не будет. Приходи, посидим, потанцуем, хоть немного наверстаем то, чего лишил нас всех мой жених. Если честно, я готова его разорвать.

И Алексей пришёл. Вечер был бесподобен: красивые девушки, хорошее вино, приятная танцевальная музыка настроила всех на лирическое настроение. Когда присутствующие на вечере узнали от сестёр, что Алексей пишет стихи, то все стали уговаривать будущего поэта почитать им поэтические эпосы. Алексей читал свою лирику о несбывшихся надеждах, о коварных искустельницах и одиноком сердце, при этом останавливая свои взгляды то на Фаине, то на Ирине. Потом он танцевал с ними по очереди медленные танцы, не стесняясь прижимать тела девушек и благосклонно слушая их непрерывную болтовню. В конце вечера гости разошлись. Они остались втроём. Фаина прошла в спальню, а Ирина положила руки на плечи Алексею и, глядя ему в глаза, сказала:

— Знаешь, Горностаев, когда я первый раз пригласила тебя на белый танец, то, совсем тебя не зная, чувствовала, что вот это мой парень, я пойду за ним без оглядки, и хотя в конце того первого вечера поняла, что тебе больше симпатична Фаина, решила бороться за тебя. Но подлый мой будущий муж сделал своё чёрное дело и теперь, наверное, уже поздно за тебя бороться. Может, с Фаиной у тебя сложится, и тогда будем родственниками. — Она поцеловала Алексея в губы, подвела к спальне, открыла дверь, втолкнув его, сказала при этом игриво и громко:

— Благословляю!

Утром Алексей и Фаина долго не вставали с постели. Они шутили, шалили и требовали от Ирины кофе в постель, что она, кстати, сделала.

— Ты понимаешь, что, по еврейским канонам, ты должен теперь на мне жениться, Горностаев? — торжественно сказала Фаина.

— Ну, какой из меня жених? Я будущий бедный аспирант, затем преподаватель. Ты представляешь, сколько времени пройдёт, пока я профессором стану? И потом, ты же в Москву собралась?

— Собралась. Наши родственники из Москвы в США эмигрировали. Буду жить в их квартире. А чтобы не самовольничала в столице, жениха мне присмотрели, из евреев, конечно. Скажу тебе по секрету: мы все в Штаты эмигрировать хотим. Только нескоро, готовиться долго надо. А давай ты поедешь со мной вместо московского еврейчика? Мои родители, думаю, согласятся.

— Фая, девушкам в последнее время я приношу одни неприятности. Не складывается у меня с ними. Но в Москве я бываю, может, и встретимся. А насчёт эмиграции, нет, конечно. Я хочу в себе разобраться. Чего я стою? Думаю, может, в науку не стоит идти... На производство, в сибирские просторы, хочу.

Когда Алексей прощался с девушками, Ирина спросила:

— Если свадьба у нас с Серёгой состоится, придёшь?

— Ирина, не ставьте меня в неловкое положение. Не присылайте приглашение, с Галаниным у меня больше дружбы нет. А тебя поздравить я найду способ. Пока.

В начале учебного года Алексей познакомился с новым жильцом общежития. Оленёв Олег преподавал программирование и жил в отдельной комнате, на первом этаже общежития. В Градосеверск его направили из Казани для усиления корпуса преподавателей электронно-вычислительного направления. Олег Владимирович очень отличался от других преподавателей института: он был худощавый, носил бородку «а ля Владимир Ульянов», очки и всегда был одет несколько вызывающе для преподавателя. Как правило, профессора, доценты и аспиранты приходили в институт в строгих костюмах и галстуках, а новый преподаватель абсолютно не придерживался их стиля. Он мог появиться на лекции в красных брюках и обтягивающем джемпере, что вызывало сначала озабоченность в деканате и на кафедрах, но спустя некоторое время к этому все привыкли, Олег Владимирович прекрасно знал свой предмет, как математик и программист он был незаменим, и вскоре его принимали таким, какой он есть. Алексей познакомился с ним случайно (Оленёв не преподавал в его группе), и они быстро нашли общие интересные темы. Если раньше Алексей только слышал

об опере Ла Скала, то Олег (они сразу перешли на ты) итальянскую оперную музыку часто слушал в своей комнате и рассказывал Алексею об исполнителях и композиторах. Это было необычно уже потому, что тогда обычно слушали Мадонну, Майкла Джексона, «Битлз» и т.д. Горностаев очень удивлялся: почему математик, обладатель только появляющейся современной профессии программиста, увлекается театром, оперой, искусством? Если раньше Алексей предпочитал ходить в драматический театр, то Оленёв раскрыл перед ним изящество балета и многоликость оперы в музыкальном театре. Он был истинный интеллигент того времени: учёный, театрал, обладающий музыкальным слухом, хорошо знал немецкий язык, но ехидничал по поводу увлечений Алексея спортивными играми и спорта вообще. Олег Владимирович любил хорошие вина, он был их истинным ценителем. Водил знакомства с местными артистами, художниками, музыкантами и портными. Портные попали в этот список неслучайно. Он знал всех хороших портных в городе, но только некоторые из них могли сшить ему одежду по его запросам. У него был особый, утончённый вкус в одежде, так что люди, незнакомые с ним, думали, что это актёр, певец или иностранец. Иногда к нему из Казани приезжала его подруга, с которой он встречался несколько лет.

Алексей спросил как-то:

— Почему вы не поженитесь?

Оленёв не стал лукавить:

— Во-первых, это другой уровень отношений. Во-вторых, считаю не логичным жениться, будучи финансово нестабильным. У меня — долги, у неё тоже особых доходов нет. Что я могу ей предложить после свадьбы? Живу в Казани с родителями, она живёт со своими предками.

— Но она не будет ждать твоего предложения ещё несколько лет.

— Да, и будет права. Я внутренне готов к этому.

— Олег, ты же циник и одновременно прекрасно ориентируешься в мире искусства. Как такое возможно?

— А ты романтик, довольно эрудированный, и что, тебе легче живётся с постоянной эмоциональной составляющей? Она только мешает тебе разумно распределять свой потенциал. А я не пускаю в свой внутренний мир лишние эмоции.

— Это как?

— Например, такие как ты, когда слушают проникновенную песню, романс, текст и т.д., настолько проникаются, что слёзы могут катиться из ваших глаз. Я очень ценю музыку, театр, но никакой образ или мелодия не доведут меня до такого состояния. Я — математик. Представляешь, я не знаю нот, но могу запомнить и воспроизвести любую мелодию. Когда мне нужно что-то запомнить, я кодирую это в цифры, и при необходимости, когда нужно вспомнить, цифры выстраиваются в определённый ряд. Цифры не подведут, эмоции — легко.

— Мне рассказывали, что ты не пользуешься конспектами и любыми записями, когда читаешь лекции. А ведь пишешь десятки формул на доске для студентов и объясняешь им. Это такая феноменальная память? Как ты всё запоминаешь?

— Память ни при чём. Цифры и формулы я не вспоминаю, они живут во мне. Как тебе объяснить? Вот когда тебе нужен красный карандаш, ты же не перебираешь весь спектр цветов, а сразу берёшь карандаш этого цвета. Так и тут.

— Это фантастика!

— Да, многие профессора были удивлены, когда на семинаре в Берлине я доказывал некоторые теоремы совершенно другими подходами.

— Так тебе же надо работать в академии наук или преподавать в училище имени Баумана в Москве!

— Были предложения, но я человек свободный. Мне пока интересно так жить, не только наукой, но и для себя. Возможно, придёт время, и я остепенюсь. Буду работать в закрытом научном институте: там хорошо платят, появятся деньги — заведу семью и детей.

— Но люди заводят семьи и без всяких оговорок, по любви.

— Знаю. Но это — не для меня. Мне нужно больше.

— Давай вернёмся к эмоциям. Они что, тебе мешают?

— Нет. Я так же, как все, испытываю влечение, удовольствия, неудовлетворённость, страх, но эти чувства не захватывают меня целиком. А такие как ты, романтики, под впечатлениями могут перейти черту. Разница в этом.

Однако произошёл случай, после которого Алексей засомневался в правильности теории странного преподавателя и даже в его искренности, но уважения после произошедшего к Олегу прибавилось.

Однажды вечером в комнате Олега собралась маленькая компания: пришли Алексей и сын известного режиссёра местного драматического театра, который представлялся всем одной фразой:

— Ковальский, сын Ковальского.

Весь вечер Ковальский плакался на свою несчастную жизнь: отец заставил его жениться на одной из актрис, возрастом старше его и с ребёнком. Алексей особо не вникал в семейные проблемы молодого повесы, но сочувствовал сыну известного отца. Когда вино было выпито, молодые люди решили погулять по вечернему городу. За разговорами ушли далеко от центра. Хотели уже вернуться обратно, но вдруг услышали пьяный голос какого-то мужчины, который появился из темноты:

— Стоять! За мной пришли? Да я вас порешу.

В руке мужика сверкнул нож, и стоял он в десяти метрах от ребят с явно недобрыми намерениями. Алексей попытался успокоить незнакомца:

— Мы просто гуляем, мы сами по себе.

— Так я тебе и поверил, первый ляжешь.

Сын режиссёра тоже попытался что-то объяснить:

— Хотите, давайте знакомиться, Ковальский, сын Ковальского. У нас к Вам претензий нет.

— Ты, хиляк, умрёшь вторым. Кто там ещё? Ты что, Попандопола? — обратился вооружённый мужик к Олегу.

И здесь произошло следующее: Оленёв молча пошёл к мужику, развернулся и стал рядом с ним, лицом к Алексею и Ковальскому.

— Видишь, не Попандопола. Олег я. Тебя как звать?

Дальше — ещё удивительнее: мужик растерянно посмотрел на Олега и нерешительно проговорил:

— Михай. А вы точно не за мной?

— Да нет! — чуть ли не хором закричали Алексей и Ковальский.

Мужик как-то скривился:

— Побил я свою Дусю, а она сказала, что «ментов» вызовет, и убежала. Я ещё добавил водочки и пошёл её искать. А тут вы.

— Ты нож-то убери, а то и в самом деле кто-нибудь милицию вызовет.

Одним словом, приключение закончилось без последствий, но, как говорил классик, «От судьбы не уйдёшь». Через несколько лет, в девяностые годы, Оленёв Олег Владимирович погиб в своём городе, в своей квартире, в самом расцвете своей коммерческой деятельности, связанной с поставкой компьютеров, именно от удара ножа. Но тогда парни не могли знать своего будущего и, возвращаясь в центр города, Алексей и Ковальский восторгались смелым поступком своего приятеля.

После новогодних праздников и коротких каникул Алексей выехал в Братск на преддипломную практику. Он выбрал масштабную и сложную тему о развитии Братского лесопромышленного комплекса. В Братске поселился в гостинице, два дня провёл в управлении комбината, а затем на неделю выехал в посёлок Светлый, где жила Лиза, для работы с документацией местного предприятия. Заселился Алексей в ту же гостиницу, где жил, и даже встретился с капитаном, бывшим его соседом. Капитан жил в отдельной комнате, так как к нему, как он выразился, «в гости приехала жена, на недельку-другую, а там видно будет». Отставной капитан теперь работал начальником котельной посёлка, ему даже предлагали своё жильё в четырёхквартирном одноэтажном доме, но он отказался. Алексею он объяснил это так:

— Там печь топить надо, в доме убираться и прочее. А в гостинице — всё готово: убираются, топят. Чай вечером и здесь можно пить, а обедаю я в столовой.

— Но жена приехала, значит, у вас всё будет хорошо. Нужен свой дом или квартира.

— Всё непросто. Дочка сюда не хочет ехать. Жена меня обратно зовёт, а мне здесь нравится: простор настоящий, сибирский, и люди отзывчивые, приветливые, а ведь со всей страны понаехали, разные все, и одновременно объединённые общим делом.

Алексей решил пойти к Лизе ближе к вечеру, когда она вернётся с работы, а пока прогуляется по посёлку. Хотя зимний пейзаж изменил местность, он легко нашёл дорогу за посёлок, на трассу, где у него с Лизой случилось неоднозначное приключение. Он стоял и смотрел на проходящие мимо лесовозы. Вдруг одна из машин остановилась. Алексей бегом добежал до неё, не без труда взобрался в кабину и увидел, что это опять Костя. Радость от встречи у приятелей была нескрываемой.

— Как ты меня узнал? Я в шапке, в зимней одежде, да и стоял не рядом.

— Ну, кто ещё может стоять у дороги и просто смотреть на лесовозы? Только Горностаев. Вечером отметим твой приезд.

— Расскажи, а что у вас с Гелей? Я вижу её в институте, но общаемся крайне редко. У нас разные компании.

— Переписываемся, но чувствую, не приедет она ко мне сюда. Городская совсем девушка, а я пока надеюсь, жду. Может, возьмёт и по распределению в Братск приедет?

— Всё может быть, но имей в виду: городские девчонки ради интереса могут ехать на край света, только как на экскурсию, но жить предпочитают в благоустроенных квартирах. Может, тебе придётся в Градосеверск ехать? За судьбу бороться надо. А я наоборот: всё больше настраиваюсь в Братске работать после окончания института. Осталось только диплом защитить.

— А ты у Лизы был? — спросил Костя.

— Нет, только приехал, вечером собираюсь.

— Ты аккуратнее с посещением. Я к тому, что иди к ней без шампанского и прочих торжественных атрибутов. Наверное, из Братска и цветы привёз для неё? Не до цветов сейчас. Мать у неё серьёзно болеет. Лиза даже академический отпуск взяла в медицинском институте, чтобы за мамой ухаживать.

— Лиза в институте учится? Она же медсестра.

— Медсестрой она в летние каникулы подрабатывала. Да и положено будущим врачам отработать какое-то время во время учёбы медсестрой.

— Ничего мне не рассказывала. Почему?

— Наверное, не верила, что вернёшься. Она девушка простая, а ты другой, с претензиями на индивидуальность и незаменимость.

За разговорами приятели сделали рейс от погрузки до выгрузки, а затем Костя остановил лесовоз в посёлке со словами:

— Лизу надо поддержать. Теперь это главное. Иди к ней. Я сам к тебе потом загляну в гостиницу.

Лиза встретила Алексея с радостью в глазах:

— Приехал, не верила даже, что увижу.

— Я же сообщал в письме, что диплом собираюсь писать на материале Братского комбината.

— Пойдём, с мамой здороваешься, она рада будет тебя видеть. Только не успокаивай её банальными фразами. Она врач и всё понимает. Рак у неё, он не лечится.

С мамой Лизы разговор на удивление выдался содержательным и интересным. Она расспрашивала Алексея о дипломной работе, его планах, интересовалась о Градосеверске и Низольске. Рассказывать Алексей умел и увлёк этим маму Лизы на целый час. Затем они вчетвером пили чай: пришёл с работы отец Лизы. В какой-то момент больная женщина сказала мужу и дочери:

— Идите на кухню, готовьте мои микстуры. Я со студентом посекретничаю.

Когда они остались вдвоём, обратилась к гостю:

— Алексей, ты хороший парень, надеюсь, поймёшь меня. Лиза — для нас с мужем это всё. У неё есть сестра, но она замужем, живёт далеко и редко приезжает. Есть брат, он учится на втором курсе высшего военно-морского училища, самостоятельный и надёжный. Я за них спокойна. А вот Лиза очень привязана ко мне, и боюсь, ей будет трудно без меня. Не обижайся, но если у тебя нет серьёзных намерений, лучше оставь её сейчас. Ничего мне не отвечай. Ты неглупый, сам поразмысли и прими решение. Пока я с Лизой и мужем, она справится. И независимо от твоего решения хочу пожелать тебе хорошей дороги по жизни.

Лиза пошла проводить Алексея. На улице было холодно, девушка прижималась к парню, держа его под руку, и рассказывала:

— Мама очень хороший врач. Работала в Иркутске, в областной больнице, её очень ценили. Но однажды объявили набор врачей для Братского района и она согласилась. Привилегии какие-то обещали. Думали, приедем сюда на время, но понравилось, и остались.

— А чего в разведчицу играть? Почему не сказала, что в медицинском учишься?

— Не сердись. Ты мне сразу необыкновенным показался. Я и решила неординарно поступить. Думала, если понравлюсь как обычная поселковая девчонка, тогда откроюсь, а если нет — то и суда нет. А так я открытая и немного обидчивая, но работаю над этим. Сразу в тебя влюбилась и даже не скрывала.

— У нас всё будет по-настоящему, — Алексей говорил это убедительно потому, что сам в это поверил.

— Ты здесь надолго?

— Неделю проведу на предприятии местном, затем надо быть в Братске на комбинате. Деканатом всё расписано, как в армии.

— А в армию пойдёшь?

— Куда деваться? У нас в семье все служили и даже воевали: в Первую мировую и Великую Отечественную. Я древо генеалогическое составляю, со времён царей — первых Романовых. Но сначала надо получить диплом и определиться с работой.

— У вас в институте распределение будет?

— Да, но мне предлагают работу в институте. Сначала в аспирантуру очень хотел, теперь уже думаю, стоит ли?

Здесь они оба замолчали. Лиза хотела сказать, что если у него есть свои планы на жизнь, то не надо ничего менять, но не говорила этого, боясь, что Алексей воспримет это как-то неправильно, ведь она хотела, чтобы он был всегда с ней. А сказать шутливо: «Дарую, студент тебе вольную» — тоже было не к месту.

Они пришли в гостиницу, где было тепло, уютно, и долго целовались, наслаждаясь нежными прикосновениями. Но остаться Лиза не захотела, точнее не смогла, хотя в комнату Алексея пока никого не подселили.

— Мама беспокоиться будет. И вообще, нужно знать время и место. Мне хочется, чтобы «это» произошло красиво.

Алексей с поклоном английского лорда произнёс:

— Клянусь сделать всё красиво, много и долго.

— Да ну тебя, шут придворный! Или гороховый?

— Разве позволит шут говорить речи дерзкие принцессе? Принц я, конечно, нет, лучше герцог. Принц может быть бедным, а герцог — вряд ли.

— Ладно, милорд кровей неизвестных, провожай меня домой. А древо своё обещаю показать. Может, в роду у тебя не дворяне и воины, а разбойники, авантюристы и проходимцы.

Через два дня капитан обратился к Алексею:

— Выручай, мне надо в Братск за комплектующими и деталями для котельной завтра ехать, а я не могу — жена через два дня уезжает, когда теперь увидимся — неизвестно. Грузовик с водителем я тебе предоставлю, список запчастей и прочих деталей — тоже. На складе разнарядка имеется, получите с водителем груз — и обратно. Ты не волнуйся, у меня зарплата в среднем 10 рублей в день. Свой червонец, как вернёшься, ты получишь. Водитель всё знает, но по правилам должен быть экспедитор. Пас-порт возьми.

Отказать Алексей не решился, да и десяточка лишней не будет. Рано утром он сел в кабину ЗИЛ-130, познакомился с водителем, мужчиной лет тридцати, и они тронулись в путь. По шоссе ехали недолго, потом водитель свернул с дороги и начал спускаться на лёд Братского водохранилища.

— Ты куда? — изумлённо спросил Алексей.

— Нам надо приехать на базу пораньше. Сегодня день отгрузки заказанных поставок. Если приедем поздно — долго в очереди стоять будем, а мне надо до вечера вернуться, дела домашние есть. Напрямую по

водохранилищу путь намного короче, раза в два, чем через плотину. Да ты не бойся, не впервой, дорогу я знаю, точнее, направление. Конечно, у моря свои особенности, но мы его капризы изучили.

— Почему море?

— Местные водители водохранилище морем зовут. Размеры соответственные, так и прижилось название.

Вдруг Алексей почувствовал, что машина едет словно по холмам, хотя ледяное покрытие водохранилища, чуть покрытое снежком, было идеально ровным. Нет, это неправильное сравнение: грузовик как по волнам плыл, чуть опускаясь вниз и снова поднимаясь.

— Мы же сейчас провалимся. Смотри, лёд под машиной вниз уходит, — взволнованно проговорил Алексей.

— Слушай сюда, — спокойно сказал водитель, — это с непривычки страшно, а на самом деле проедем нормально. Море оно иногда так шалит. Лёд крепкий, но гнётся. Почему — трудно сказать. Главное, чтобы мотор не заглох. Если вдруг машина остановится, выпрыгивай из кабины и отходи в сторону. И лучше держи дверь кабины открытой. Так, на всякий случай.

— Если лёд крепкий, почему из машины выпрыгивать?

— Море оно и есть море. Машину стоячую в глубину забирает. В этом году уже был случай. Мотор заглох, водитель ушёл за подмогой, а когда прибыл с товарищами обратно, машины нет, только полынья.

Алексей почувствовал, что холод подкрадывается до его самого существа. Страх охватил его. Он представлял, как из одного такого синусоидального интервала грузовик не поднимется на ледяной волне, а уйдёт под воду, никакая открытая дверь не спасёт.

«Что делать? Выйти из машины и пешком вернуться в посёлок? Ну а если всё обойдётся? А если не обойдётся? Разве такой риск оправдан? У водилы домашние дела, а я утонуть должен? Неужели на этом всё закончится? Неужели ничего не сбудется: о чём мечтал, к чему стремился? Странно, я даже выбор не успел сделать, ни в личной жизни, ни в профессии. Но сейчас главное — собраться, не паниковать, добраться до берега, а все разборки с капитаном и водилой потом».

Не менее получаса они ехали по синусоиде, наконец лёд перестал делать волнообразные движения, а ещё через два часа они прибыли в Братск. Груз получили без задержек, надо было возвращаться в посёлок.

— Я не поеду, — сказал водителю Алексей, вот документы на груз, передашь капитану, то есть начальнику котельной.

Водитель всё понял:

— Погоди. Обратно в посёлок поедем по плотине. С грузом запрещено ездить по морю. Запрещено и без груза, но ведь ты не сдашь меня?

— Капитан что, не знает, как мы ехали?

— Нет, и говорить нельзя. Меня могут премии лишить. А сам понимаешь: у меня — семья.

Когда возвращались обратно, проезжая плотину, Алекс-сей подумал: «Не зря я восхищался ГЭС. Как приятно ехать по этой громадной плотине. И главное — без-опасно. Но что за народ в России? Меня, не спросив, подвергали реальной смертельной опасности, а я ещё должен покрывать этого горе-водителя?»

Чуть погодя спросил:

— Скажи хотя бы, по какому поводу мы рисковали. Что за домашние дела, которые важнее инстинкта самосохранения?

— Скажу, хотя ещё больше рискую. Местный я, здесь вырос, женился, считай, пять лет назад. А не могу забыть свою первую любовь, учились вместе. Я из-за неё с кем только не дрался. Красивая очень. Говорили мне, что не пара я ей, но мы любили друг друга. А потом она уехала сначала в Иркутск, затем в Москву. За границей была. Столько лет не видел! А вчера поздно вечером узнал: в посёлке она, приезжала к родителям, завтра уедет. Мне только увидеть её. Знаю, ничего уже не вернуть, у неё, наверное, муж какой-нибудь московский начальник. Зай-ду, просто узнаю, как она живёт, почему столько лет не показывалась в посёлке?

— Потому и не показывалась, что боялась тебя увидеть и остаться с тобой. Для некоторых женщин блага цивилизации важнее страсти и любви.

Трудно сказать, как Лиза узнала о «левом» маршруте, по которому утром проехали Алексей с водителем, но когда Алексей подходил к гостинице, Лиза его уже там ждала. Скорее всего, кто-то видел, что ЗИЛ поехал по водохранилищу. Лиза обняла Алексея и тихо проговорила:

— Весь день молилась, но потом позвонила на базу в Братск и узнала, что вы уже обратно выехали. Лёша, милый, не будь таким безрассудным.

— Всё уже позади. Капитан знает?

— Я его не видела, он в котельной, наверное.

— В котельную водитель один поехал. Пусть сам отдувается, если капитан узнал. Но у него есть одно оправдание — женщина. Впрочем, это не моя тайна, позволь, я не буду рассказывать.

— Хорошо. Пошли к нам, хоть нормально поужинаешь.

Вскоре маме Лизы стало хуже, и её отвезли в больницу в Братск. Лиза поехала с ней. Ей предоставили комнату в общежитии больницы, и Алексей редко видел девушку. А потом преддипломная практика закончилась, и он вернулся в Градосеверск.

Весной студенты-пятикурсники сидели над дипломными работами не поднимая головы: расчёты, чертежи, графики, обоснования. Алексей решил упростить рутинную часть работы и обратился в институтский вычислительный центр, где находилась мощная по тем временам электронно-вычислительная машина, с просьбой: просчитать все предложенные им варианты увеличения эффективности производства Братского лесопромышленного комплекса. Результат его поразил: программисты выбрали соответствующую программу, доработали, и все расчёты были сделаны ЭВМ. Алексею оставалось сделать только выводы и написать заключительную часть дипломной работы. Восторженный, он рассказывал об этом Оленёву. Тот лишь усмехнулся:

— Совсем скоро все расчёты и чертежи будут делать машины, но ты молодец, сам подсуетился. Что ты решил по поводу распределения? В институте останешься?

— Думаю, нет. Но ещё с заведующим кафедрой не разговаривал. Не знаю, как обосновать, ведь он на меня рассчитывал.

Но, оказалось, переживал дипломник зря. Перед самой защитой дипломов он узнал, что место на кафедре «закреплено» за другим выпускником, сыном директора местного ликёроводочного завода. Тот, понятно, никаких перспектив для науки не представлял, зато его отец помогал институту решать разные хозяйственные вопросы. В стране началась антиалкогольная кампания, и продукция завода стала дефицитной, а значит необходимой.

— Значит, по-любому меня не оставили бы на кафедре. Почему тогда прямо не сказали? — задавал этот вопрос Алексей Олегу.

— Институт — это не только обучение и наука. Это целый комплекс различных видов деятельности, а также множество проблем, которые легче решать в наше нездоровое время через знакомства, подношения, связи и водку. В жизни не бывает прямых линий, это противоречит самой логике развития общества. Но, к сожалению, наше общество развивается не так, как остальной мир. И можно ли это вообще назвать развитием? В науке всё гораздо стабильнее, там настоящие, а не эфемерные закономерности.

И всё же перед самым распределением Горностаеву сделали предложение по работе в институте, но несколько другого плана. Ему предложили работу на кафедре философии. Думал выпускник недолго, а затем отказался. Труды Гегеля, Фейербаха, Канта и других гигантов мысли были ему интересны, но с трактовкой марксизма-ленинизма он уже не был так уверенно согласен, а сомневаться в этом считалось оппортунизмом. Он выбрал работу в Тайшете (в Братск направлений не было), о чём и объявил комиссии на распределении.

Перед выпускным вечером к нему обратилась староста группы:

— Каждая группа готовит какое-то выступление для преподавателей, от имени студентов. Напиши стихотворение.

И Горностаев с каким-то особым вдохновением написал «Оду об институте» в иронично-шутливом стиле:

Когда мы по ночам не спали,
Бумаги тонны израсходовав для шпор,
То нас благие мысли утешали,
Что в институте нет оценки «кол».

Ода получилась довольно объёмистой, на несколько страниц. Читать этот «опус» решила сама староста, выучив его наизусть. Но когда стала декламировать в торжественной обстановке выпускного бала, сделала несколько ошибок и заминок. Алексей расстроился: надо было самому прочесть, всё равно все знали, что это его стихи.

Расставание с сокурсниками было трогательным, никто не знал, когда вновь встретятся. Венья Rogozin, прощаясь с Алексеем, обнял его и сказал:

— Лёха, прости, если что не так. Ты добрый малый, не держи зла.

Валерий Захаров, который сумел выбить при распределении место в городе, в строительной организации, и более того, прописаться «постоянно» в оставленной ему сестрой квартире, заверил друга:

— Всегда буду рад тебя видеть, когда надумаешь приехать в Градосеверск. Останавливаешься у меня.

Они даже не подозревали, при каких обстоятельствах вновь их сведёт судьба. А пока у них начиналась совершенно новая жизнь. Они должны были доказать, чего стоят в этой жизни и смогут ли определять свою судьбу сами.

В начале сентября молодой специалист Алексей Горностаев прибыл в Тайшет и приступил к работе в качестве инженера-экономиста на лесопромышленном комбинате. На предприятии его встретили доброжелательно и всячески помогали освоиться. Ему и самому было интересно заниматься практической работой, и вскоре Алексею стали поручать ответственные задания. Он справлялся, так как с головой ушёл в разработку планов, составление отчётов, оформление нарядов, подготовку запросов и ответов. Как молодому специалисту ему выделили комнату в коммунальной квартире, что вполне его устроило на первое время. Несколько раз он пытался позвонить в посёлок Светлый на домашний телефон родителей Лизы, но телефон не отвечал. Наконец, однажды поздно вечером ответил отец Лизы. Он рассказал, что мама Лизы умерла, что сама Лиза сейчас в Иркутске, продолжает учиться в медицинском институте и назвал номер телефона общежития, где

живёт Лиза. Алексей позвонил, и Лизу позвали к телефону. Но разговор не сложился: девушка всё больше молчала, а потом сказала, что приезжать к ней пока не надо, она всё объяснит в письме. Письмо Алексей получил через неделю. В нём Лиза сообщала, что не может сейчас думать о личной жизни. «Я несколько месяцев молила Бога, чтобы он даровал маме жизнь. Но этого не случилось. Я разуверилась во Всевышнем и разочаровалась в жизни. Я не забыла тебя, но не могу позволить себе быть счастливой. Мне кажется, я поступлю неправильно, если мамы со мной нет, а я буду радоваться жизни и встрече с тобой. Даже не знаю, сколько нужно времени, чтобы я стала прежней, а может, уже не буду. Прости и постарайся понять. Я тебя любила и, может, люблю, но всё меркнет после смерти мамы».

Алексей ответил: «Время лечит. Я не тороплю тебя. Знай только — я рядом».

Через несколько дней Алексея направили в командировку в один из посёлков Тайшетского района, где он столкнулся с другой стороной доброжелательности сибирского населения. До пяти часов вечера он работал с документами в конторе отделения комбината, а затем шёл в обычную поселковую гостиницу того времени: одноэтажное здание с несколькими комнатами, разделёнными коридором. В гостинице он жил один и в свободное время вечерами ходил в местный клуб или читал книжки. В клубе познакомился с местной девушкой Таней. Она была хороша собой, держалась уверенно и сама проявила инициативу знакомства с командированным в посёлок молодым человеком.

Однажды Алексей вышел из клуба «подышать воздухом», и его обступила толпа парней. Договориться и даже выяснить причину агрессии местных ему не удалось. Но силы были столь неравные, что Алексей вырубил ближнего к нему парня и бегом ретировался в гостиницу. Через несколько минут туда же прибежала Татьяна и закрыла изнутри вход в гостиницу. Оказалось, на девушку имел виды приехавший в отпуск к родителям курсант московской милицейской школы. Они были знакомы с ней чуть ли не с детства, но курсант немного старше.

«Опять милиционер! Много их получается в моей жизни», — подумал Алексей, а вслух сказал:

— А толпа зачем? Он так решает вопросы своей личной жизни?

— Да выпили они сегодня. Повод искали. Ты для них — городской фраер. А тут курсант этот рассказал, что ты девушку его отбиваешь. Меня, то есть. Я не успела тебя предупредить.

— Ладно, давай чай пить.

Но только они расположились за столом, как услышали трескучие звуки мотоциклов. Стало ясно: парни на мотоциклах кружат вокруг гостиницы. Так продолжалось несколько минут, а затем через окно влетел камень. Камень разбил стекло и чиркнул по верхней части уха Алексея, который сидел за столом напротив окна. Кровь капала на рубашку, но Алексей сначала даже не заметил этого. В комнате был телефон, связываться по которому надо было через коммутатор. Алексей попросил дежурную телефонистку соединить с местным участковым, с которым он виделся в конторе и даже разговаривал. Участковый ответил, и когда Алексей объяснил, что гостиница окружена хулиганами и уже разбито камнем окно в его номере, тот спросил:

— До утра продержишься?

По голосу Горностаев понял, что участковый пьян и рассчитывать на его помощь нельзя.

Татьяна перевязала Алексею голову, разорвав наволочку с подушки свободной кровати, и они старались не подходить к окнам. Но больше камни никто не кидал, шум мотоциклов стих.

Пару часов спустя Алексей пошёл провожать Татьяну домой, хотя она не хотела оставлять его одного в гостинице.

— Нельзя тебе оставаться. Вдруг участковый очухается и приедет.

Они благополучно дошли до дома Татьяны, а затем Алексей вернулся в гостиницу. На следующий день был выходной, но рано утром в дверь гостиницы постучали. На пороге стояли взрослый мужчина и парень. «Похоже, тот самый курсант», — подумал Алексей и не ошибся. Тот пришёл со своим дядей, который немедля начал вынимать раму из окна, чтобы вставить новые стёкла. Мужчина сделал замеры и отправился куда-то за стёклами, а курсант остался с Алексеем.

— Ты извини за вчерашнее. Перебрал я. Сам почти не пью, а тут с ребятами изрядно выпили.

— Если бы камень, тобой брошенный, прошёлся чуть правее, то попал не в ухо, а как раз в лоб, и я бы сейчас, как минимум, был в больнице, а ты сидел в милицейском обезьяннике. А потом суд и срок.

— Всё понимаю. Слушай, если даже обычный милицейский рапорт на меня будет составлен, меня из школы милиции сразу попрут. Дядька стёкла быстро вставит. У тебя только царапина. Давай замнём. Я «проставлюсь» по полной.

— Шёл бы ты отсюда. Участковый в курсе твоих художеств. Нагрянет скоро, а ты что здесь делаешь?

Но участковый особо не вникал. Он пришёл, как только было вставлено оконное стекло, и сразу спросил:

— Заявление писать будем?

— Ничего я писать не буду.

— Ну и правильно. Дело молодое. Сами разберётесь.

В конторе, куда Алексей пришёл в понедельник, интерес к произошедшему был неформальным. Директор конторы вызвал Горностаева и спросил:

— Тут о тебе легенды, молодой человек, ходят, вроде ты девушку местную спас от хулиганов.

— Да нет, скорее она меня спасала.

— Знаю, заявление ты писать не стал. Может, и правильно. Парня этого, нынешнего курсанта, родители специально в милицейскую школу отправили, причём как можно дальше, чтобы уму-разуму набрался. Он в детстве большим озорником был. А девушка Таня — дочь нашего мастера, у них хорошая семья. Если у тебя с ней сложится, на свадьбу приглашайте.

Одним словом, местное общество представило Алексея неким «героем нашего времени»: смелым, образованным, сильным и одновременно интеллигентным. Сложнее было с Татьяной. Она как-то спросила:

— Не заходил будущий милиционер к тебе больше?

— Заходил. Всё выпить предлагает. И о тебе спрашивает.

— А обо мне что спрашивает?

— То и спрашивает, что жениться на тебе хочет, а я ему помешал. «Отдай, — говорит, — мне Таньку, ты всё равно на ней не женишься».

— А ты что?

— Я говорю: не меня надо спрашивать, а Татьяну.

— Это получается, что ты в стороне? Или ты его испугался? Струсил, что ли?

— Ничего я не струсил. Он наоборот мне в друзья набивается.

— Значит, о женитьбе на мне ты даже не думаешь, если посылаешь его ко мне?

— Таня, мы знакомы меньше двух недель. И уже жениться? Ты не сильно ускоряешься?

— Пошутила я. Больно надо. Надо будет замуж — выйду. И не факт, что за тебя.

Но ситуация снова изменилась. В один из осенних вечеров за клубом курсанта здорово поколотили. Понятно, что сделали это не его друзья, но кто организовал экзекуцию, было неизвестно, и местное общество решило: это сделал командировочный, чтобы отомстить. Сначала прибежала с претензиями Татьяна, но она, по крайней мере, поверила, что Алексей ни при чём. А вот директор в конторе снова вызвал Горностаева и назидательно объяснил:

— Я сначала был на твоей стороне. Думал, ты парень стоящий. А ты сам хулиганов нанял, и они отдубасили курсанта. Я, конечно, на комбинат сообщать не буду о твоих похождениях, но разочаровал ты меня.

Алексей попытался объяснить, что даже не помышлял мстить курсанту, но директор прервал разговор:

— Иди, займись делами.

Через несколько дней Алексей вернулся в Тайшет и продолжил работу на комбинате. Вечерами он возвращался в свою коммуналку и его одолевали грустные мысли: «Жизнь пытается сделать из меня пародию на Казанову. Почему у меня с девушками всё не так? Надо завязать на время со всеми романами, знакомствами и интрижками. Работа, спорт, книги — и больше ничего!»

С романами завязать оказалось проще, чем с приключениями. Однажды в пятницу вечером Алексей пришёл поужинать в привокзальный ресторан. За соседним столиком, вернее за двумя сдвинутыми столиками, сидела компания молодых геодезистов. Они сразу поняли, что Алексей — не местный, и сначала представились, а затем и вовсе предложили к ним присоединиться. Алексей по приезду в Тайшет практически не употреблял алкоголь, но здесь с интересными ребятами из Москвы и других городов расслабился. Ресторан был довольно просторный, посетителей много, места для танцев было достаточно, и парни весело проводили время. Когда ресторан стал закрываться, новые знакомые предложили Алексею поехать с ними, продолжить общение. Тот согласился, парни купили у официантов водки на вынос и на двух машинах, которые таксовали в районе вокзала, отправилась к дому, где квартировалась бригада геодезистов. Сначала всё шло хорошо: разговоры, интересные истории, анекдоты. Алексей к месту прочитал пару своих коротких стихотворений. Ребята попросили прочесть ещё что-нибудь. Автор помнил довольно много своих стихов и читал, в основном лирику. Один из парней спросил:

— А кто автор? Или авторы?

Алексей ответил:

— Автор один. Это я.

Парни заулыбались:

— Ладно тебе, Лёха, прикидываться. Скажи, кто написал стихи? Есенин, Евтушенко, Кольцов?

— Стихи мои. Я написал.

Слово за слово — началась ссора. Самый задиристый требовал:

— Просто признайся, что это не твои стихи, и забудем. Если нет — получишь в рог.

— Повторяю, это мои стихи.

— Тогда пошли, выйдем. Я проучу тебя, как лапшу вешать образованной публике. Мы тебе не местный уровень. Мы ребята московские, тёртые калачи.

— Я знаю московских ребят. У них другой подход.

— Ах ты, заноза, получай! — и попытался ударить Алексея по лицу. Но тот был более трезвым, чем противник, ушёл от удара и легко толкнул нападавшего. Но тому и этого было достаточно, и он упал на стоящий рядом стул, а потом на пол.

— Ты на кого наехал? — закричал старший группы. — А ну, парни, выводим его на улицу и поучим, что врать нехорошо, а тем более руками махать.

Алексей особо не сопротивлялся, но при выходе получил несколько толчков:

— Это тебе для разминки, поэт драный. Сейчас будет настоящая порка.

Алексей, уже привыкший к подобному развитию событий, как только все вышли на улицу, не стал ввязываться в неравный рукопашный бой, а ловко подсёк впередиидущего невысокого парнишку, который тут же шлёпнулся на землю, и Алексей мгновенно дал дёру. Кто-то из парней попытался догнать его, но безуспешно.

С этого дня молодой специалист Алексей Горностаев практически перестал посещать ресторан, впрочем, особого желания и не было.

В конце октября ему вручили повестку в армию. Через неделю предстояло пройти медицинскую комиссию. Поскольку никаких противопоказаний к службе Алексей у себя не чувствовал, то понял: скоро на армейскую службу. Служить предстояло год, как призывнику с высшим образованием, хотя в середине восьмидесятых солдаты-срочники служили два года. Был ещё один плюс: после армии можно было не возвращаться на предыдущее место работы. Это не было прописано законодательно, но фактически такой нормой пользовалось большинство призванных в армию выпускников вузов.

Ночью Алексей долго не мог уснуть. Ему уходить в армию, а он так и не определился со своими девушками. Надо сообщить Миле и Лизе. Утром он дал телеграмму Миле, а вечером позвонил Лизе. Лиза пообещала приехать и проводить его. На работе новость о его скорой службе встретили с откровенным сожалением, как молодой специалист он устраивал руководство и ладил с коллегами. Начальник отдела сам проявил инициативу по организации застолья. Он это объяснил так:

— Знаю, что после армии не вернёшься к нам, но надежду оставляю. Помни: примем как родного. Квартиру дадим, ты главное с невестой определись. Вернёшься — свадьбу шикарную справим и будем жизнь здесь основательно обустраивать. Тебе же Сибирь по нраву. Приезжай, когда определишься.

Через день Алексей получил телеграмму от Мили. В ней был указан поезд, номер вагона. А ещё через два дня он встречал её на станции Тайшет. Ему хотелось показать, как он ценит её приезд, и поэтому сумел договориться в городской гостинице, чтобы ему выделили на сутки номер «люкс». Это стоило недёшево, но смущало молодого романтика другое: директор гостиницы пре-дупредила, что если вдруг неожиданно приедет кто-либо из областного начальства, то «люкс» придётся срочно освобождать.

— Да ты не паникуй раньше времени! Как правило, о таких визитах заранее сообщают, и номер бронируется. Это я так, на крайний случай предупреждаю.

Миля вышла из вагона одна из первых. Она была в плаще, в руках дорожная сумка. Алексей обнял её и не мог разжать объятий. Ему казалось: наконец, всё станет на свои места. Миля приехала, значит, любит, и у них всё будет замечательно. Они пешком направились в гостиницу. Впереди было три дня, ровно столько предстояло провести им вместе. Миля даже не спросила, что за «уютное гнёздышко на сутки, а затем «она познает жизнь» в обычной коммуналке». Миля была согласна на всё. Она так долго ждала этого момента, когда любимый позовёт её. Он, конечно, просто сообщил, что уходит в армию через неделю, но этого было достаточно. Она ему нужна — это главное. Алексей заранее купил продукты, им не пришлось никуда заходить. Номер

оформили на Милю, так как у Алексея была прописка местная, а в гостиницу формально заселяли только иногородних. Номер поразил девушку своими размерами и мебелью. А вид огромной кровати немного смутил её:

— Это для меня?

— Для нас, королевское ложе.

Миля лишь покорно спросила:

— А вино для принцессы найдётся?

— В неограниченном количестве. С него и начнём.

Они сидели сначала за большим столом, потом пересели на диван, поближе друг к другу. Миля засыпала парня вопросами: что у него за должность, чем он конкретно занимается, как много местных и не местных сибирячек пытаются завоевать его сердце?

Алексей отвечал шутливо, иногда подкалывая милую девушку, но Миля реагировала не как раньше, сердясь и бунтуя, теперь она была более спокойная и немного загадочная. Также спокойно она легла с ним в постель, не подавая внешних признаков волнения. Может, помогло выпитое вино. Они не спали практически всю ночь. Наслаждаясь друг другом, они словно чувствовали, что вознаграждены за месяцы и годы разлук. Миля и не скрывала, что сберегла невинность ради этой встречи, ради их первой ночи.

— Ты помнишь наш уговор?

— Какой уговор?

— Ты обещал, что женишься на мне, когда окончишь институт и вернёшься из армии.

— Прямо так конкретно и обещал?

— Да, вот так прямо и обещал.

— Это значит, чтобы отсрочить свадьбу, я должен в армии остаться?

— Не шути так. Я и так боюсь, как бы тебя в Афганистан не направили.

— Сейчас туда призывников не направляют, по крайней мере, для начала обучают несколько месяцев. За шесть лет афганской войны, наверное, наши генералы учли уроки. Давай лучше на другие темы разговаривать. Ты к моим родителям сможешь заехать? Пусть не обижаются, что не навестил перед армией. Комиссия медицинская и всё такое. О работе тоже расскажи, что всё замечательно. Я подарки им приготовил, отвезёшь? О тебе тоже не забыл, правда, не знаю, угодил ли?

— Лёша, ты о чём? Главное, ты служи и возвращайся в Низольск или в Градосеверск. Мне учиться осталось немного, через год на заочное обучение могу перейти, если мы будем вместе. У нас будет двое детей — мальчик и девочка. Я буду тебе хорошей женой. Думаю, ты и сам знаешь. А ещё мы будем много путешествовать. Я иногда даже маршруты мысленно прокладываю, куда мы можем поехать.

— Миля, родная моя, я в тебе не сомневаюсь. Только давай обсудим это после моего возвращения. А эти три дня проведём как отпуск. Я постараюсь тебе показать сибирские просторы.

— Не за просторами ехала. К тебе. Кстати, как твоя спасительница? Она тебя отпустила?

— Она отпустила. Но сейчас ей нужна поддержка, обычное человеческое участие. Долго объяснять, давай потом.

— Ты запомни: так, как люблю тебя я, тебя не будет любить ни одна другая твоя пассия. Ты не просто мой избранник, мы созданы друг для друга. Пойми и смирись.

— Я твой. Какие тебе нужны доказательства? Но давай не будем на крови клятвы давать. Шекспировские страсти пусть останутся в наших причудливых фантазиях.

Три дня пролетели словно миг. Переселившись из «люкса» в коммуналку, они также подолгу не вылезали из кровати, но вторую половину дня гуляли по Тайшету и его окрестностям. Миля умела хорошо готовить и с удовольствием демонстрировала свои способности на коммунальной кухне.

Когда пришло время прощаться, перед тем как отправиться на вокзал, Миля подала Алексею маленькую иконку с изображением Николая Чудотворца.

— Возьми с собой в армию. Не улыбайся. Веками русским людям иконы помогали. Она совсем маленькая, в любом кармане можно спрятать. Пусть оберегает.

— Ладно, сохраню твою иконку-хранительницу. Ты себя береги. Не связывайся с ментами и другими ухажёрами. Надеюсь, когда вернусь, не придётся за тебя воевать с твоими воздыхателями, а то у меня приключений — через край.

— Ты лучше сам не засмотришься на какую-нибудь генеральшу, а то просидишь на губе всю службу.

Когда поезд тронулся, Миля беспомощно улыбалась, стараясь не заплакать, и что-то шептала оставшемуся на перроне любимому. Искренняя и ранимая душа её не могла знать, что её мечтам о жизни с любимым мужчиной не суждено сбыться. Она была переполнена чувствами и не могла представить, что эта поездка в далёкий Тайшет будет одним из самых счастливых эпизодов её жизни.

В армию Алексей готовился основательно: отослал родителям двумя посылками одежду и некоторые дорогие ему вещи (в то время на призывной пункт ребята прибывали в сильно поношенной одежде, в ней ехали и в часть, где их и передевали в солдатскую форму), уладил дела на работе и несмотря на то что ему был предоставлен отпуск до дня призыва, он приходил в управление, когда представлялась возможность. Даже в посёлок, где жила Татьяна, успел съездить, правда, всего на один день. Ему надо было попрощаться с Татьяной, объяснить ей честно, чтобы она не ждала его из армии. Удивительно, но Таня восприняла всё адекватно, а её родители и вовсе накрыли призывнику стол. Пришли две подруги Тани, и получились импровизированные проводы Алексея в армию. Отец Татьяны и вовсе удивил Алексея своей открытостью и доброжелательностью, когда произнёс тост:

— Молодой человек! Уж если зятем нам не стал, то позволь проявить наше уважение к тебе как к призывнику и пожелать возвращения живым и здоровым. Спасибо, что приехал и всё рассказал. Не каждый сможет. Ты «запасные аэродромы» не создаёшь, и это я оценил. А Таня наша судьбу свою встретит, и ты ещё, может, даже пожалеешь... За тебя! Служи достойно!

Алексей прошёл призывную комиссию и уже знал, что его направят служить в ракетные части в Забайкалье. В день отправки приехала Лиза. Она нашла его на призывном пункте, а затем пришла на вокзал, откуда отправлялись будущие солдаты в сопровождении офицеров и сержантов. На вокзал Лиза пришла с объёмной сумкой, наполненной продуктами:

— Тебе неблизко ехать, пригодится в дороге.

— Даже неудобно: слишком много всего. Ребята некоторые налегке едут, а тут целая полевая кухня.

— Овощи и курицу в первую очередь ешь, а потом тушёнка, сгущёнка и копчёная колбаса. Ну и хлеб, конечно.

— Спасибо, что приехала. Для меня это важно. Значит, не разлюбила?

— Нет, не разлюбила. Не суждено этому случиться, хотя было время — обо всём пыталась забыть. Отец меня беспокоит. Выпивать начал. А я редко к нему приезжаю.

— Ему женщина нужна. Мужчина в таком возрасте без женщины очень незащищен и даже беспомощен.

— Мужчина в любом возрасте без женщины не состоятелен как личность. Только тебе об этом беспокоиться, похоже, ни к чему. Девки около тебя просто стаями ходят или как пчёлы дикие на мёд липнут.

— Всё в прошлом. Впереди суровые дни армейской службы, скрашивать которые будут лишь твои письма. Ты похудела, но, надеюсь, осознала, что жизнь продолжа-ется?

— Продолжается, милый. Я буду рядом с тобой всегда, пусть мысленно, но рядом. Обо мне не беспокойся. Теперь я знаю, что делать: ждать тебя.

Лиза крепко обняла Алексея. Он гладил её волосы, а она тихо проговорила:

— Теперь моя жизнь — это ты. Как приедешь на место, сразу напиши.

Раздалась команда:

— По вагонам!

Алексей поцеловал Лизу и скрылся в вагоне. Она увидела его лицо в окне вагона и стала махать рукой. Поезд тронулся, оставляя за собой детство, юность, молодость, взросление. Впереди была новая жизнь — армейская.

Часть 2. Испытания и стремления

До Улан-Удэ призывников доставили поездом, затем этих без пяти минут солдат, в соответствии с сопроводительными документами, которые находились у сопровож-дающих сержантов и офицеров, разместили в автобусы, и парни направились по разным частям и в разные населённые пункты. Горностаеву предстояла служба в Кяхте. Это небольшой город, расположенный на самой границе с Монголией.

Ракетный батальон, куда прибыл Алексей, располагался рядом с городом. Как только новобранцев переодели в военную форму и прозвучала команда «Строиться!», Алексей понял, что все интеллигентные привычки и городские пристрастия надо оставить. Командир батареи капитан Воронин выглядел старше своих тридцати лет, был суров и немногословен, но сразу дал понять, что служить новобранцы прибыли в ракетную часть оперативного назначения, а она в армейской иерархии считается элитным подразделением, куда не берут всякое «чмо», поэтому служить надо как положено. Оценив произведённое впечатление на лицах солдат, капитан добавил:

— Для начала мой заместитель капитан Турулин проведёт с вами собеседования, потом мы распределим вас по подразделениям батальона.

Рядовой Горностаев был направлен во вторую роту, в подразделение топографов. Вот где пригодились институтские занятия по геодезии, когда студенты экономического факультета целый месяц, словно не будущие экономисты, а дорожники или строители, топтали пригород Градосеверска со всеми геодезическими инструментами и оборудованием. Главная задача топографов в ракетном батальоне — определение координат на местности, где в данный момент находятся ракетные установки. Принцип определения координат Алексею был знаком, к тому же всех новобранцев сначала обучали теории, не забывая про строевую подготовку. В армии после принятия присяги молодых солдат, как правило, начинают не только «грузить по полной» воинскими обязанностями, они ещё испытывают прессинг от сослуживцев, которые отслужили год и более. Группа новобранцев, с которой прибыл в часть Алексей, в меньшей степени испытала эту сторону солдатской жизни. По крайней мере, явного унижения и откровенного мордобойства большинство новобранцев избежали. Конечно, «молодых» обязывали драить полы, выполнять чёрную работу, вставать, когда в расположение заходили сержанты или «старрики», исполнять их требования сверх устава, но явного беспредела не наблюдалось. Только через несколько месяцев службы Алексею рассказал один из старослужащих, что солдаты их части, которые отслужили год, испытали в своё время ужасные унижения и побои со стороны старослужащих, и солдаты эти дали клятву, что не будут поступать так же с молодыми воинами, когда отслужат год или полтора.

Рядовой Горностаев быстро освоил свою воинскую специальность. Кроме того, он метко стрелял из автомата. Упражнения со стрелковым оружием для ракетчиков не были основными занятиями, но, как назидательно говорили офицеры, «ракетчик должен уметь многое, а лучше всё». Особо тщательно в части готовились к штатным пускам. Когда батальон в полном составе — а это не только пусковые установки, но и машины обслуживания, командирский пункт, который представлял собой фургон-вездеход, напичканный оборудованием, узики с топографами, полевая кухня и взвод охраны — выдвигался на позиции. Команды «Занять позицию» и «Приготовиться к пуску» поступали на командный пункт всегда неожиданно. Пока батальон готовил ракетные установки к пуску, топографам необходимо было как можно скорее определить координаты местонахождения батальона. Затем командир отделения топографов передавал координаты в командный пункт. К тому времени по радиосвязи поступали координаты цели поражения. Предполагалось, что в военное время их предоставят спутники или разведка. Каждая батарея имела по две пусковые установки, плюс тягач с двумя дополнительными ракетами. Завораживающее зрелище — когда все четыре установки батальона одновременно производили пуск ракет. После запуска нужно было быстро привести технику в походное положение и покинуть место пуска, которое вражеская разведка уже засекала. И чтобы не быть уничтоженным ответным ударом, необходимо уходить ускоренным маршем под прикрытием взвода охраны. Весной и летом пуски производить намного легче, чем осенью и зимой. Климат в Бурятии более чем суровый, но никаких скидок на непогоду и морозы военным не полагается. В зимний период ракетчиков одевали в

специальную тёплую форму, так называемые «танкачи», в комплект которой входили тёплая меховая куртка, утеплённые брюки и валенки.

Однажды на учениях, недалеко от Кяхты, в степи, командир батареи капитан Воронин уехал вечером на одном из уазиков в Кяхту, хотя это было запрещено (на учениях командиру нельзя оставлять своё подразделение), а утром вернулся обратно. Рядовой Горностаев в это время находился с капитаном Турулиным в командирском фургоне и по его заданию решал типовые задачи топографов разными способами, чтобы определить оптимальный, но простой вариант. Командир батареи поднялся на пункт управления батареи явно в дурном настроении. Не дал Турулину сделать рапорт и спросил, кивнув на Горностаева:

— Что он тут делает?

Турулин объяснил, что проводит с рядовым индивидуальное занятие с целью повышения скорости решения топографических задач.

Воронин, недослушав, стал мрачно рассказывать своему заму:

— Я вчера вечером напился, моя жена стала скандалить, пришлось её физически поучить, как должна себя вести офицерская жена, когда муж с полевых учений на несколько часов приехал. На крики твоя жена прибежала (семьи офицеров жили по соседству, у них даже коридор общим был), пришлось и с ней управиться. В общем, я ей халат разорвал сверху донизу. Убежала в слезах. Жаловаться тебе будет.

Турулин ничего не ответил. Взял пачку сигарет и вышел из пульты на воздух. Вслед за ним отправился и Воронин.

Случай этот, видимо, был не первый в семье Ворониных, и они развелись. Рядовой Горностаев узнал об этом лишь потому, что в составе подразделения топографов перевозил вещи из квартиры Ворониных в офицерское общежитие, куда переселялся их командир батареи. Тогда он и увидел жену капитана: это была молодая, очень милая женщина, которая не скрывала своей радости по поводу окончательного расставания с мужем.

Развод, кстати, особо не повлиял на поведение капитана. Он как пил в свободные от службы и дежурства дни, так и продолжал пить. Но обязанности свои и задачи командира батальона исполнял своевременно, во многом благодаря своему заму — капитану Турулину, который был примером несения офицерской службы. Турулина отличала и завидная выправка: он всегда был затянут в ремни и портупей, сапоги до блеска начищены.

Когда батальон находился на месте постоянного нахождения (в Кяхте), то в воскресенье солдатский и сержантский состав отдыхал, за исключением тех, кто был в наряде. В эти дни в казармы или расположение, как по уставу называются казармы, всегда приходил замполит, тоже капитан, всегда душевно расположенный по отношению к солдатам. Иногда он предлагал рядовому Горностаеву сыграть с ним в шахматы. Алексей играл и часто выигрывал у замполита, пока один из сержантов не сказал ему:

— Ты, Горностаев, прекрати здесь свой интеллект показывать. Играй с замполитом, но почаще проигрывай. Он, когда выигрывает в шахматы, потом ходит по территории в хорошем настроении, ни к чему не придирается, но если проигрывает, то обязательно замечания делает, а это значит кому-то придётся в выходной работать. Усёк? Повторять не надо?

Так в дальнейшем Алексею приходилось играть уже без всякого удовольствия. Зато все, кроме него, были довольны.

Непосредственным командиром рядового Горностаева был сержант Криворуков. Фамилия сержанта никак не соответствовала его облику. Это был знающий своё дело специалист, прошедший полгода «учебки». У него не было высшего образования, но он отлично разбирался в топографии и геодезии, умел настраивать все приборы и мог заменить офицера из пункта управления. На ответственных пусках для решения оперативных задач, которые выполнялись на логарифмических линейках в пульты управления, Криворукова иногда

забирали из его подразделения в командирский пункт, где он дублировал решение задач. Так офицеры страховались от ошибок, хотя и контролировали весь процесс ответственных учений. В этих случаях вся организация топографической работы возлагалась на Горностаева и, несмотря на то что он был рядовым, в этих случаях в его подчинении находились ефрейтор и водитель. Криворуков ценил Горностаева за профессионализм и коммуникабельность, у них сложились дружеские отношения.

Сразу после новогодних праздников произошли два знаковых события. Были проведены учения с присутствием проверяющих офицеров из штаба армии. Когда дивизион возвращался в Кяхту, он был неожиданно остановлен на марше, личный состав построен, и к ракетчикам подошли командир ракетного дивизиона и командир дивизии, которому только что пришёл приказ по радиосвязи о присвоении звания генерал-майор. Командир дивизии кратко выступил перед строем, стараясь перекричать зимний холодный ветер. Он поблагодарил ракетчиков за службу и пообещал запросить у командира дивизиона список отличившихся на учениях, чтобы кому-то присвоить очередное звание, а кому-то дать отпуск.

И действительно, слово своё генерал сдержал. Военно-служащие дивизиона и звания получили, а некоторые и в отпуск поехали. Горностаева в списке поощрения не было. Замполит, придя в очередной раз в казарму, не стал лукавить и объяснил Алексею:

— В отпуск из топографов поедет Криворуков. Мы знаем, что ты, рядовой Горностаев, в зимних условиях, в самую непогоду, оперативно определил и предоставил координаты на пункт управления и заслуживаешь поощрения. Но сержант Криворуков служит больше года, скоро полтора, и в отпуске не был. Решили — пусть едет он. Звание сержанта тебе тоже дать пока не можем. Ты ещё и полгода не прослужил, рано давать. В общем, передаю тебе просто «командирское спасибо». А звание сержанта ты ещё получишь.

Наверное, это было справедливо, но на этом история с поощрениями не закончилась. В феврале, когда Криворуков ещё не вернулся из отпуска, дивизион в очередной раз на несколько дней выдвигался на полевые учения. На этот раз выдвигался не весь дивизион, но офицеры и сержанты практически в полном составе покидали место расположения. Горностаева вызвал капитан Турулин и, выслушав доклад рядового о прибытии, сказал:

— С завтрашнего дня дивизион на неделю отправляется в поле, в степь. Но здесь остаётся часть солдат, незадействованных на этот раз: взвод охранения, взвод обслуживания и одна машина топографов. Ты назначен постоянным дежурным по части. Дневальных будешь наз-начать сам. Останется ещё начальник штаба: что ему в поле делать? Там бумаг нет. В дивизионе он тоже редко появляться будет. Одним словом, на тебе полная ответственность. Приступать к обязанностям дежурного по части немедленно. Выполнять команду.

— Есть выполнять команду!

Горностаев был в смятении. Значит звание сержанта давать рано, а назначать на неделю на офицерскую должность — можно.

Вечером вместо поротной проверки дивизион был построен в первом расположении, в полном составе, для последних инструкций от командира дивизиона. Горностаев скомандовал:

— Дивизион, равняйся, смирно! — И пошёл строевым шагом навстречу вошедшему в казарму командиру. А между тем в строю, которым, получается, командовал рядовой Горностаев, стояли поротно, не только сержанты, но и офицеры. — Товарищ майор, дивизион по вашему приказанию построен. Замечаний и отсутствующих нет. Дежурный по дивизиону рядовой Горностаев.

— Вольно! Встать в строй.

Сначала говорил командир, потом замполит, а потом бы-ла вечерняя поверка, которую провёл опять-таки Алексей.

Командовать ему понравилось. Утром он по звонку из штаба поднял дивизион, и после завтрака колонна машин покинула часть.

Дежурному по части спать не полагается, но это когда дежурный назначен на сутки. А если дежурить надо неделю, спать, конечно, необходимо. Главное, чтобы дневальный разбудил, если что-то произойдёт в части.

Через пару дней приехал из отпуска Криворуков, весь какой-то на себя не похожий, и сказал, что ему нужно сутки поспать. Горностаев дал команду, чтобы обед сержанту принесли в казарму, и решил, что тот придёт в себя и сам всё расскажет. На другой день в часть был доставлен пакет с документами. Горностаев, как дежурный по части, расписался в получении и, как положено, вскрыл пакет. Там находилось письмо от военного коменданта города, где проживал Криворуков и куда ездил к родителям в отпуск. Кроме сопроводительного письма там был рапорт начальника отделения милиции о том, что военнослужащий Криворуков был задержан и доставлен в отделение милиции, а потом сопровождён в военную комендатуру. Как понял Алексей, большую часть отпуска Криворуков просидел на «губе» в комендатуре, т.е. в военном следственном изоляторе.

На другой день Криворуков рассказал Горностаеву, что когда он прибыл в свой город и позвонил одной однокласснице, та с восторгом пригласила его на свадьбу.

— Я сегодня замуж выхожу. Свадьба в кафе. Приходи.

Сержант пришёл на свадьбу не один, а со своей знакомой, к которой ещё до армии испытывал симпатию. Пришёл он в гражданской одежде и особо на свадьбе ничем не выделялся. Но много выпил. Вскоре завязалась драка, и скандальных парней попросили разборки продолжить на улице. Подруга сержанта уговорила его пойти домой. Криворуков послушно оделся, они вышли из кафе. На улице, прямо у входа в кафе, всё ещё продолжалась заварушка. Но кто-то из жителей дома, где располагалось кафе, к тому времени вызвал милицию. Когда милицмейская машина подъехала, дерущиеся парни моментально скрылись в кафе. На улице остался лишь Криворуков с девушкой. К ним подошёл лейтенант милиции и двое рядовых милиционеров с предложением проехать в отделение и рассказать, что за дебош они устроили. Тут Криворуков сначала ударил лейтенанта милиции в челюсть, а затем, когда тот замешкался и с головы его слетела шапка, схватил лейтенанта за волосы, пригнул и ударил коленом в лицо. В общем, Криворукова скрутили и привезли в отделение милиции, где он начал кричать, что ему сам генерал дал отпуск, и никто не смеет его задерживать. Начальник отделения написал соответствующий рапорт, отправил сержанта в военную комендатуру, где Криворуков и провёл остаток отпуска. Дело на него заводить начальник гарнизона не стал, сказав, что пусть с нарушителем воинской дисциплины в части разбираются, сделал соответствующие пометки в отпускном листе и отпустил сержанта, чтобы тот ехал в свою часть. А все бумаги отправил спецсвязью. Для Криворукова это был лучший вариант, ведь начальник гарнизона мог передать дело военным следователям, а это значило бы для него как минимум два года дисбата.

— Слушай, Алексей, сделай доброе дело. Не показывай бумаги начальнику штаба. Я отпускной лист тоже сдавать не буду: там отметки коменданта. Скажу, что потерял, может, пронесёт. Представляешь, если замполит или командир дело передадут уже здесь в военную прокуратуру, меня посадить могут, реально. По гроб жизни обязан буду.

Алексею было жалко сослуживца, который, может, что-то и не договаривал, но осудить его точно могут. Всё от командира части зависит. Получается, что сержант доверия не оправдал. Могут наказать. И Горностаев спрятал документы из комендатуры у себя в кровати, под матрасом. Не мог он знать, что о получении таких документов из части в комендатуру необходимо сообщить, что рапорт получен, военнослужащий такой-то наказан и прочее. Одним словом, когда дивизион прибыл в Кяхту, Горностаев сдал полномочия дежурного по части. Прошло ещё пару дней. Криворуков и Горностаев уже надеялись, что «пронесло». Но однажды вечером, когда в части из офицерского состава были только начальник штаба и младшие офицеры (командирский состав и офицеры значимых должностей отдыхали по домам после полевых занятий), рядового Горностаева срочно вызвали в штаб. Там, кроме начальника штаба, находились все офицеры и прапорщики,

которым отдых не предоставили. Как только вошёл Алексей, начальник штаба начал кричать, что тот преступник, покрывает нарушителя воинской дисциплины, и потребовал немедленно принести документы, полученные из комендатуры. Делать нечего, солдат — бегом в казарму. Вернулся с документами. Начальник штаба бегло просмотрел бумаги и снова стал кричать, что Горностаева ждёт суровое наказание, а пока он объявляет рядовому — вечному рядовому, которого никогда не получит повышение, — семь суток ареста. А когда выйдет командир дивизиона, то он, начальник штаба, сделает всё возможное, чтобы Горностаеву добавили пребывания на гауптвахте до десяти суток. Сопроводить нарушителя начальник штаба поручил одному из лейтенантов со словами:

— Пусть на гауптвахте определяют его «в самые лучшие условия», в кавычках, конечно. Пусть узнает, как надувать начальника штаба, а то, похоже, ему служба мёдом казалась.

Лейтенант спросил, что делать с сержантом Криворуковым, на что начальник штаба уже спокойно ответил: «Сержант отсидел своё на гарнизонной «губе».

Когда Алексея доставили на гауптвахту, было уже темно. Его определили в камеру, где находился один солдат, из южан. В камере было маленькое окно под потолком, но там не было стекла, а на улице около двадцати градусов мороза, если не больше. Света в камере тоже не было. Чтобы не замёрзнуть, приходилось в темноте всё время ходить по камере. Впрочем, ни сидеть, ни лежать было невозможно, так как в помещении не было ни скамейки, ни кровати, ни стола. Сосед по камере оказался человеком общительным, они познакомились, и после непродолжительного разговора тот сказал Алексею, что главное — продержаться до полуночи. В полночь в котельной, которая расположена недалеко от «губы» заступает смена солдат — его земляков. Они знают о его пребывании здесь и попросят у дежурного по «губе» направить «арестанта» на работу в котельную, а он в свою очередь возьмёт с собой Алексея. На резонный вопрос «А получится?» южанин ответил:

— Земляки знают, что прапору — дежурному по «гу-бе» — преподнести. От водки с закуской прапорщики не отказываются.

Действительно, в двенадцать ночи с улицы раздалась кавказская речь, и после недолгого разговора через открытое окно дверь в камеру открылась. Довольный прапорщик скомандовал:

— Оба на выход!

Когда солдаты пришли в котельную, где было так тепло, что Алексею казалось: ему больше ничего не надо, лишь бы остаться здесь, чтобы согреться. Его сосед куда-то исчез, явно отправился отсыпаться. А Горностаева сначала накормили, потом дали совковую лопату, которой он часа два с перерывами кидал уголь в топку. Затем, утомлённый, он лёг на топчан, и, странное дело, его никто не будил до самого утра. Дали человеку выспаться. Утром и днём он снова кидал уголь в топку, а в полдень, когда смена южан закончилась, они ему посоветовали вернуться на гауптвахту: «Только постарайся вселиться в другую камеру, лучше в самую дальнюю, в угловую».

Когда Горностаев вернулся на «губу» и доложил уже другому дежурному прапорщику, что прибыл из котельной для дальнейшего пребывания на гауптвахте, тот спросил:

— В какой камере сидишь?

— В угловой, самой дальней.

Прапорщик открыл камеру и запустил Горностаева.

В камере было светло и тепло. В довольно просторном помещении находилось 7 человек. Здесь был топчан, где на матрасах можно спать, и некое подобие низкого стола, где «сидельцы» играли в карты. Встретили

новичка вполне доброжелательно, поинтересовались только, из какого он подразделения. Алексей спросил, может ли он поспать, на что высокий сержант, видимо, главный по камере, сказал:

— Располагайся, но удобств здесь нет. Правда, если есть «гроши», то прапоры могут и подушку принести, а так — только байковое одеяло. Горностаев проспал до ужина. Потом состоялось более подробное знакомство и обычные в солдатской среде разговоры. Из них Горностаев узнал, что через два дня, в воскресенье — 23 февраля. Он не придумал этому значения, надеясь, что просидит в этой камере все семь суток, в тепле и с хорошей компанией. Но в воскресенье утром смену принял один из самых вездыхальных и вредных офицеров, он, увидев в журнале рядом с фамилией Горностаев специальную отметку, понятную только сотрудникам гауптвахты, направил его в хоздвор полка, на территории которого располагалась гауптвахта, якобы для работы. Сопровождающий прапорщик подвёл солдата к куче каменного угля, у которой стоял грузовик-самосвал, дал в руки лопату и приказал:

— Загрузишь уголь, грузовик отвезёт его вон туда. Водитель знает.

Прапорщик ушёл. Алексей взялся за работу. Что делать, он виноват. Стыдно, конечно, ему перед командиром дивизиона, замполитом, капитанами Ворониным и Турулиным, но он надеялся, что после «отсидки на губе» он всё-таки попробует реабилитироваться. Где-то через час он загрузил кучу в грузовик, солдат-водитель отвёз уголь к месту, указанному прапорщиком, и высыпал на землю. Горностаев пошёл на гауптвахту доложить о выполненной работе, но навстречу ему уже шёл прапорщик.

— Сделал? Отлично! Это только начало. Теперь берёшь снова лопату и грузишь уголь, который высыпали, обратно в машину. Отвозите уголь, где он был раньше, высыпаете, и ты снова грузишь его в машину. Сделаешь три рейса до обеда и три после обеда.

— Вы что, издеваетесь?

— Разговорчики? Отставить! Смирно! На тебя отдельная разрядка. Так сказать воспитательный метод. Выполнять приказ!

— Есть выполнять.

Алексею за свою недолгую жизнь приходилось делать разную работу, но любая работа имела какой-то смысл и назначение. А здесь его заставили трудиться впустую, и это была не работа в настоящем смысле слова, а изощрённое издевательство.

— Ну и чёрт с вами со всеми!

Алексей со злостью и остервенением кидал уголь в кузов самосвала, чтобы потом он был высыпан, и он снова должен закидать его обратно. Через какое-то время он устал физически, но продолжал махать лопатой, весь обсыпанный чёрной угольной пылью. Он даже не отдыхал. Злоба и ненависть к чудовищной ситуации целиком охватили его. Он, конечно, нарушил Устав и воинскую дисциплину, но наказание должно быть наказанием, а не издевательством. Ещё через час он понял, что если не передохнёт, то просто упадёт, обессиленный, в эту кучу угля. Но не только физические силы покидали его. Рушился армейский мир, где всё было чётко и понятно. Ведь он пришёл в армию служить верой и правдой. И с чем столкнулся? Его просто унижают. Он непроизвольно перестал кидать уголь и вдруг увидел женщину в модном пальто и меховой шапке. Она стояла поодаль и смотрела на Алексея. Рядовой Горностаев тоже посмотрел на неё. Женщина совершенно не вписывалась в эту абсурдную ситуацию. Хозяйственный двор полка, автомашины, склады, уголь, копоть и ухоженная женщина, непонятно зачем здесь оказавшаяся. Алексей, измотанный морально и физически, смотрел на неё каким-то безумным от отчаяния взглядом. Он смотрел, понимая, что женщина здесь ни при чём, но он уже ненавидел этот мир и в том числе эту красивую женщину. Женщина прочитала выражение его глаз, зачем-то чуть кивнула головой, как бы выражая сочувствие, и ушла. Через несколько минут из здания гауптвахты выбежал прапорщик, подбежал к Алексею и, запыхавшись, проговорил:

— Оставить работу! Немедленно к дежурному!

Когда Горностаев вошёл в комнату дежурного, тот молча протянул ему ремень, который отобрали у солдата при оформлении на «губу», затем проговорил:

— Распишитесь в журнале. Вы свободны.

— Что мне в части сказать? У меня же семь суток.

— Приказы не обсуждаются. Освобождён ты по особому распоряжению командира полка.

Горностаев даже не обратил внимание, что дежурный называет его то на вы, то на ты. Видимо, он и сам был растерян. Алексей пошёл в часть. Он обошёл плац, на котором с утра явно было построение в честь 23 февраля. Сегодня в столовой праздничный обед, но он не пойдёт. Надо сначала помыться, привести себя в порядок, затем доложить в штаб о прибытии. В казарме его встретили просто, без лишних вопросов.

Криворуков помог ему помыться в умывальной комнате: поливал из пожарного ведра воду на спину. Принёс из коптерки чистую гимнастёрку, так как гимнастёрка Алексея была вся мокрая от пота. Сержант даже не пытался оправдываться перед товарищем, ему самому было не по себе. Это ведь он, сержант Криворуков, во всём виноват. Слава богу, для него всё закончилось без последствий, не считая гарнизонной «губы». Алексей почистил шинель, сапоги, переобулся (чистые портянки тоже принёс Криворуков) и направился в штаб, надеясь увидеть там кого-то из офицеров батареи или замполита, даже командира дивизиона. Но все они после праздничного построения уехали в Кяхту по домам, отметить праздник по своим офицерским обычаям. В штабе находился лишь дежурный офицер, тот самый лейтенант, который сопровождал Горностаева на «губу».

Солдат доложил о прибытии в часть и что он освобождён от гауптвахты согласно приказа командира полка, на территории которого находится гауптвахта. Молодой лейтенант был удивлён, но приказ есть приказ, поэтому он только сказал:

— Ты, рядовой, на всякий случай на глаза офицерам не попадайся. Не все уехали по домам. Где-нибудь до вечерней проверки схоронись. На тебя все злые. Ракетчиков нечасто на «губу» отправляют. Ты показатели дивизиону снижаешь. Получишь ещё невзначай пару нарядов вне очереди.

Но прятаться Алексей не стал. В воскресенье личный состав имел право на отдых, поэтому он разделся в казарме и лёг в кровать, укрывшись с головой одеялом.

Вечерняя проверка прошла нормально, а на другой день начались обычные армейские дни. Но перемены в отношении к рядовому Горностаеву произошли. Сержантский состав стал к нему откровенно благосклонен, ведь он пострадал, пытаясь прикрыть сержанта, а что касается офицеров, то они как будто потеряли к нему всякий интерес. Ему уже не давали персональных сложных заданий по расчётам, тем более не назначали дежурным по части. Впрочем, не было больше и случая, когда почти весь офицерский состав покидал постоянное место расположения части. С ним никто не проводил воспитательных бесед, замполит, который вернулся из отпуска через месяц после всех этих событий, уже не предлагал ему сыграть партию в шахматы, а капитан Турулин однажды, отправляя Горностаева в наряд, сказал:

— Удивил ты нас всех, Горностаев. Ошиблись мы в тебе.

Но желание реабилитироваться у Горностаева уже прошло. Его мучил только один вопрос: «Почему его освободили из гауптвахты? Может, это как-то связано с этой странной женщиной, появившейся в полку в момент его «перевоспитания»? Только через несколько дней после выхода с «губы» он решился рассказать о ней «старикам» (военнослужащим, подлежащим демобилизации), которые и объяснили ему произошедшее. Оказывается, командир артиллерийского полка, в распоряжении которого находится гауптвахта, полковник, до этого служил в Подмосковье, затем учился в военной академии. Жена его — московская дама, очень не хотела ехать в Забайкалье, куда мужу дали новое назначение после академии. Она согласилась ехать в Кяхту,

когда полковник дал слово, что будет исполнять любые её требования и капризы. Дама, женщина интеллигентная, не требовала персональной машины и светских развлечений. Она, чтобы досадить мужу, изредка появлялась в полку и отменяла суровые наказания для провинившихся солдат. Потом полковник уговорил её делать это не более, чем раз в полгода. На том и сошлись. Как правило, жена командира полка появлялась осчастливить и амнистировать кого-то от наказания в какой-либо праздник, но 23 февраля делала это обязательно. Безусловно, её тронул взгляд солдата, грузившего уголь в грузовик. Она поняла, что парень на грани психологического взрыва, и освободила его. Перечить ей дежурный по гауптвахте не мог: это было равносильно не выполнить приказ командира полка. Женщину эту, как и того солдата-южанина, сокамерника в ту холодную ночь, Алексей не забывал всю жизнь.

Но служба продолжалась. Когда Криворуков демобилизовался, Горностаеву всё-таки присвоили звание сержанта и назначили командиром отделения топографов. А ещё через полгода он, отслужив положенный срок, вернулся к гражданской жизни.

У родителей, к которым приехал на побывку, он пробыл недолго. Ему хотелось в Градосеверск, и он через неделю после возвращения из армии уехал туда. Он не стал останавливаться у Захарова Валеры, своего друга, понимая, что тот может быть не один, а «снял угол» у одной бабки, почти в центре города. Комната его была проходная, но его всё устраивало. Определившись с жильём, он начал искать работу. Помогла одна из однокурсниц, которая дала номер телефона своего знакомого, а тот в свою очередь познакомил Алексея с начальником планово-производственного отдела ПМК, где требовался инженер-экономист. Его взяли на работу на штатную должность, и вскоре он быстро освоился. У Алексея начался один из самых спокойных периодов его жизни. Страна жила по законам социализма, где всё было понятно с точки зрения властей и большинства населения. Перестройка только начиналась, новые веяния ещё не особенно сказались на жизни общества, но разговоров и слухов было много. В размеренную жизнь Алексея новые душевные волнения внесло письмо от Миля. Они регулярно переписывались, пока он был в армии, но его новый адрес она, видимо, узнала через родителей. Как всегда, она «брала быка за рога»: сообщала, что скоро приедет. Но он переписывался и с Лизой, которая через несколько месяцев заканчивала медицинский институт. Только Лиза не приглашала его к себе и не высказывала желания самой приехать в Градосеверск.

Миля приехала. Практически с порога она заявила, что все сроки их договорённости вышли — она хочет замуж здесь и сейчас. На все возражения Алексея отвечала:

— Самое время заводить семью. Ты работаешь в строительной организации, значит, семейному специалисту дадут квартиру быстро.

— Ты изменилась! Раньше о любви говорила, а сейчас о квартире.

— А я и сейчас о любви. Если у нас ребёнок будет, мы что, по частным углам мыкаться будем?

Миля прожила у Алексея неделю, а потом как-то сникла и попросила проводить её до поезда.

— Я не приеду больше, если не позовёшь. А не позовёшь — замуж выйду и детей нарожаю, как и обещала.

— Дай мне стать на ноги. У меня такие планы!

И снова они расстались. Это было не первое их расставание, но в этот раз Миля больше не писала и не звонила. Алексей ушёл весь в работу. Так прошёл год. За это время Алексей нашёл многих своих друзей и приятелей по институту. Он снова дружил с Валерой Захаровым, который работал в строительном тресте и повстречался со Старым. Только студенческую кличку приятеля пришлось забыть, так как тот занимал приличную должность в одной из строительных организаций и звали его сейчас Вениамин Васильевич Рогозин. Он был женат, вступил в ряды КПСС и очень хорошо вписался в существующую систему. Они редко, но иногда собирались вместе и шутили по поводу, что работают в одной сфере строительства. Все трое мечтали сделать карьеру, но Захаров нашёл способ обойти друзей. Может, случайно, а может, и нет, он познакомился с дочкой третьего секретаря обкома партии, и не только познакомился, но и женился на ней.

Жить дочке секретаря обкома в однокомнатной квартире мужа было не по рангу, и вскоре они переехали в двухкомнатную квартиру элитного дома в центре города. Зятю секретаря обкома было тоже не с руки работать простым инженерно-техническим работником, и вскоре партийный руководитель напрямую спросил Валерия, готов ли он к руководящей должности. Тот был не просто готов, он хотел быть руководителем. Тогда высокий партийный начальник, не мудрствуя, лукаво заявил:

— Пойдёшь директором завода железобетонных конструкций. Назначение не будет проблемой, но вот дальше — сам. Справишься — толк будет, если нет — на нет и суда нет. Но имей в виду, коллектив там расхлябанный, первое, что нужно сделать — наладить дисциплину.

Валерий в первый же рабочий день поступил неординарно, это не вписывалось в социалистические методы воспитания, но эффект имел безусловный. Валерий Леонидович пошёл по заводу в сопровождении главного инженера. В одном из подсобных помещений они увидели группу рабочих, которые, не обращая внимания на вошедших, продолжали играть в карты. Валерий представился, сказал, что он новый директор, и добавил:

— Сейчас — время рабочее, и подобные перерывы не предусмотрены распорядком дня.

Один из работников, в наколках и с сигаретой во рту, ответил:

— Ты, директор, иди пока, знакомься с производством. Не любим мы, когда нам мешают.

Захаров вышел, но через минуту вернулся с метровым куском металлической арматуры, подошёл к столу, за которым играли в карты рабочие, и что есть силы ударил арматуриной по центру стола. Игроки едва руки успели убрать.

— За работу! Быстро! Повторять не буду.

Народ на заводе понял: новый начальник шутить не будет. Валерий Леонидович за несколько недель обновил состав работающих почти наполовину: «Легче новых работать научить, чем разгильдяев работать заставить». Через полгода завод ЖБИ стал одним из самых стабильных предприятий отрасли, а через год ему было присвоено переходящее знамя. Теперь в городе все знали: Захаров не просто жёсткий руководитель, но и умелый организатор, обладающий необходимым кругом знакомств. Первое время поговаривали, что вот, мол, это зять секретаря обкома, поэтому у него всё получается, но потом уже воспринимали как самостоятельного толкового директора. Только Захаров не намерен был останавливаться на этом. Ему хотелось не только должности, но и много денег. Однако система не предполагала излишеств. Если даже завод увеличит выпуск продукции, перевыполнит план, то кроме оклада директор мог получить только премию в размере 25% от оклада. Об этом он и говорил со своим другом Алексеем. Тот неожиданно предложил интересный вариант;

— У нас, несмотря на перестройку, плановая экономика. Вся твоя продукция ещё до выхода расписана, кому будет отправлена. Тебе излишки продукции некуда отправлять, всё расписано по фондам, а производить ты можешь больше. Городские строительные организации всё получают по разнарядкам и фондам, им железобетона хватает, а вот на селе председатели колхозов возьмут твою продукцию за милую душу. Они свои объекты часто строят хозяйственным способом, материалов им всегда не хватает. Добейся разрешения продавать сверхплановую продукцию по прямым договорам с колхозами. Тогда ты полученными от колхозов деньгами можешь распоряжаться без оглядки на трест и министерство. Поговори со Старым, он связан с межколхозными строительными организациями, подскажет, какие из колхозов наиболее платёжеспособные. Но главное — разрешение на работу по договорам.

Разрешение Валерий получил. Трудно отказать зятю высокопоставленного партийного работника, хотя справедливости ради надо сказать, что секретарь обкома в этот раз не знал о затее Захарова ни сном, ни духом.

И дело пошло. На заводе была организована вторая смена, которая трудилась на заказы по прямым договорам. Рабочие стали получать больше, а директор за короткий срок скопил приличную сумму. У него была мечта —

приобрести новую автомашину «Волгу». Но купить её в Советском Союзе было нельзя. Они все шли по разнарядкам через обком партии. Поэтому Валерий ездил на служебном уазике и просчитывал варианты с «Волгой». В этот раз схему придумал сам Валерий. Он убедил первого секретаря горкома партии, который утверждал награды победителям городского соцсоревнования, выделить одну машину «Волга», полученную для города по очередной разнарядке, лучшему промышленному предприятию строительной отрасли. Лучшим предприятием в этой сфере был завод ЖБИ, значит, «Волгу» — заводу. Как сумел убедить первого секретаря Градосеверска, он не рассказывал даже друзьям, но злые языки утверждали, что сделано это было с явной выгодой для обоих. Теперь Захаров был не просто заметной, он был знаковой фигурой города. На совещания к городским руководителям и в управление строительства он приезжал на новенькой «Волге», в дорогом костюме, белой рубашке с галстуком. У него появилась новая страсть — охота. К ней Валерий всегда готовился тщательно и приглашал принять в ней участие, как правило, лиц высокопоставленных. Заранее закупалась ящиками водка, готовилась корзинами закуска, лесники и охотоведы показывали места, где вероятнее всего можно добыть зверя, и на пару дней на двух уазиках Валерий с нужными людьми уезжал в охотничьи угодья. За два года Захаров приобрёл известность не только в городе, но и во всей области.

Гром грянул неожиданно. В область был назначен новый прокурор. На охоту приглашения не принимал, дружбу ни с кем не водил, но был хорошо информирован о всех и вся. На завод ЖБИ нагрянула проверка, по итогам которой выходило, что Захаров нарушал нормы социалистического права. Взбешённый тесть его, секретарь обкома, вызвал зятя в кабинет и орал на него не церемонясь. Даже матом крыл:

— Ты что о себе возомнил? Ты кто такой? Это я тебя из грязи вытащил, должность дал, а ты меня подставить хочешь? Не выйдет! Сдай дела заму и вон из области, иначе посадят. О «Волге» забудь.

— В чём я виноват? Все документы проведены официально. Я же ничего не украл.

— Это ты прокурору рассказывать будешь. И на нарах, сокамерникам. А если не послушаешь меня, дочка с тобой разведётся. Ты понял?

— Я сам разведусь, если понадобится. Без вас проживу.

И ушёл. Из города он уехал, ничего не сказав ни жене, ни друзьям.

Дело заводить прокурор не стал, ему было достаточно того, что в области с ним стало считаться партийное руководство, а ведь, как правило, именно оно давало указания прокуратуре, кого из директорского корпуса прижать, приструнить или посадить. Теперь прокурор дал понять: надзорная правовая инстанция — это он, и партийное руководство смирилось. Времена, похоже, действительно начали меняться.

Алексей продолжал работать в ПМК. Ему выделили комнату в коммунальной квартире, не снимая с очереди на отдельное благоустроенное жильё, но намекнули, что новые квартиры выделяют только семейным специалистам. Его друзья уже работали руководителями, а он всё ещё обычный сотрудник планово-производственного отдела. А тут ещё начались неприятности со здоровьем. Как-то раз он искупался, когда пляжный сезон был уже закрыт, простудился. В поликлинике ему назначили какие-то таблетки, но поскольку у Алексея не было температуры, больничный не выписали, и он продолжал ходить на работу. Через несколько дней его направили в Пермь, в командировку. Алексей пробовал отказаться, сказал, что болен, но не стало руководство его слушать. В Пермь он прилетел на самолёте, поселился в хорошей гостинице и несколько дней провёл в обычных делах командировочного специалиста. С каждым днём он чувствовал себя всё хуже, а однажды, умываясь, заметил, что вместе с мокротой у него откашливается кровь. На другой день он вылетел в Градосеверск. Рассчитывал, что его положат в больницу, но доктор, молодая женщина, послушав, сказала, что в лёгких чисто, и снова назначила какие-то таблетки. Прошло ещё несколько дней, и только тогда Алексея отправили на рентген, который показал затемнение в лёгких. Доктор сказала, что у Горностаева — абцесс верхней доли правого лёгкого, и нужно ложиться в больницу. Она подпишет у заведующего отделением направление в стационар. В тот же день Алексей дозвонился по межгороду до Лизы. Она закончила институт и проходила интернатуру в Оренбурге, куда была направлена по распределению.

— Немедленно вылетай в Оренбург, — твёрдо сказала Лиза. — Я работаю в отделении пульмонологии в областной клинической больнице, здесь прекрасные специалисты, они помогут тебе. Есть где остановиться в Оренбурге? Я живу в общежитии, тебе туда нельзя.

— У меня в Оренбурге сестра с мужем и детьми живёт.

— Замечательно. Я тебя встречу в аэропорту. Вылетай.

Но сразу вылететь не получилось. Доктора местные и слышать не хотели о лечении в другой области — они права не имели направлять Алексея в другую область. Больничный лист тоже не закрывали — диагноз не позволял. Алексей пошёл на хитрость: сказал, что для получения выплат по больничному за прошедший период бухгалтерия требует принести больничный, а с этой даты можно открыть (продолжить) другой больничный лист. Хитрость удалась. Алексей действительно сдал в бухгалтерию больничный лист, где было написано, что он продолжает болеть, и написал заявление на отпуск. Через день он улетел в Оренбург.

За несколько часов до отъезда Алексей получил письмо от Мили. Оно его должно было ошарашить, но состояние молодого человека было настолько неважным, что реакция его была вялой и замедленной. Миля сообщила, что несколько месяцев назад родила сына и это его сын. Она не сообщила сразу, так как ждала письма от Алексея, но поняла, что он не позовёт её. Конечно, при всех прочих условиях он наверняка бы помчался к Миле, но сейчас он ехал в аэропорт, чтобы лететь к Лизе. Несколько часов полёта он перенёс довольно неплохо. Лиза встретила его в аэропорту Оренбурга, и вместе они поехали к сестре Алексея — Анне, а затем в больницу. Алексею ещё не раз в этой жизни приходилось обращаться к докторам в различные медицинские заведения по разным причинам, но самое приятное впечатление у него осталось от Оренбургской областной больницы. Его без всяких проволочек, как только принимающий доктор областной поликлиники, которая примыкала к больнице, уточнил диагноз, сразу направили в стационар. Алексей не знал, что ему придётся провести здесь четыре месяца, но с самого начала верил всему лечебному персоналу. В системе здравоохранения второй половины восьмидесятых годов, наверное, были недостатки, с которыми столкнулся Алексей в Градосеверске, но были и настоящие достижения, чему примером являлась Оренбургская больница. В Градосеверске врачи упустили время для своевременного лечения острого абсцесса, и болезнь перешла в хроническую стадию. Тем не менее в Оренбурге Горностаева попытались вылечить консервативным методом, а это анализы, процедуры, уколы, капельницы, физиотерапия и многое другое. Алексей лежал в просторной светлой палате, рассчитанной на пять человек. Елизавета старалась не показывать своего особого отношения к молодому человеку, но, тем не менее, через месяц всё отделение знало, что у них взаимные симпатии. Заведующая отделением Раиса Борисовна даже хотела перевести Елизавету в другое отделение, но поддалась на уговоры начинающего врача, и все успокоились. Алексея регулярно навещала сестра, приносила продукты, хотя в больнице кормили достаточно хорошо и разнообразно. Лиза видела Алексея почти каждый день. Иногда она оставалась в отделении на ночное дежурство, тогда, поздно вечером, когда все уже спали, они с Алексеем сидели в ординаторской и часами разговаривали. Алексей настолько привязался в Лизе, что в выходные дни, когда её не было в отделении, сидел в палате у окна и ждал, когда она придёт навестить его как обычный посетитель. Увидев её, идущую к их корпусу, спускался вниз, в помещение для свиданий. Он понимал, что нужно рассказать ей о сыне, но боялся этого сделать. Она такая вся правильная и бескомпромиссная, какая у неё будет реакция? И всё-таки решился.

— Ты знаешь, как я к тебе отношусь. Надеюсь, это взаимно. Только есть обстоятельства, которые могут всё изменить.

— Ты что, женат?

— Нет, конечно, и не был никогда.

— Тогда что может нас разлучить?

— У меня есть сын. Только я его ни разу не видел. Если ты после этого захочешь меня слушать, я всё расскажу.

— Рассказывай.

Алексей говорил долго и сбивчиво. Он не столько хотел всё рассказать, сколько сделать так, чтобы Лиза не сомневалась в нём. Когда он замолчал, она сказала:

— Я почему-то не очень удивлена. Видимо, внутренне была готова к такой информации. То, что у тебя романов было предостаточно, я догадывалась, конечно. Теперь тебе самому надо принять решение. Знай одно, если хочешь связать со мной свою жизнь, то я — однолюбка, и я в себе уверена. Что касается тебя: никаких интрижек на стороне я не потерплю. Видишь, как всегда, у тебя есть выбор.

— Нет, для меня всё решено окончательно. Надеюсь, я поправлюсь, и мы будем вместе.

Вскоре доктора объявили, что Горностаеву придётся делать операцию, а именно — удалять верхнюю долю правого лёгкого. Операцию решила делать сама Раиса Борисовна. Алексея готовили так тщательно, что он заволновался: это так опасно? Но Лиза успокаивала: Раиса Борисовна — замечательный хирург, а по степени сложности такая операция ничем особым не отличается.

И вот этот день настал. К нему в палату операционные сёстры привезли каталку, Алексей лёг, анестезиолог сделал укол, и он больше ничего не чувствовал. Очнулся, когда его везли из операционной в реанимацию. Анестезиолог, который сопровождал медсестёр и каталку, спросил больного, шутя:

— Операцию делать будем?

Но Алексей хотя ничего не помнил, сообразил, что доктор шутит.

— Вы её уже сделали.

— Какой догадливый. Только не я, а Раиса Борисовна. Она в восторге от Вас, больной. Говорит, что Ваше лёгкое после завершения всех процедур как бы увеличилось и заняло место удалённой доли. Расскажите: откуда вы родом?

— А можно об этом потом как-нибудь.

— Нет, позвольте разговаривать. Моя задача доставить Вас до реанимации в хорошем состоянии и передать реаниматологам. А когда больной разговаривает — значит, порядок.

В следующий раз Алексей очнулся в реанимации. Первое, что он увидел — это Лизу, которая сидела рядом и плакала. Она плакала и улыбалась одновременно. Через несколько дней девушка со смехом ему рассказывала, что её к нему в реанимацию не пускали, хотя она была в бахилах, медицинском халате и шапочке. Пришлось сказать, что там её муж, тогда и пропустили на несколько минут.

Об этом Алексей узнал позднее, а пока он увидел, что из его груди выходят какие-то тонкие резиновые шланги. Он смотрел на Лизу, и в его мозгу промелькнула мысль, такая простая и значимая: «Если я выживу, то женюсь на этой девушке».

А сейчас он просто спросил, показывая на трубки в его груди:

— Что это?

Лиза, обрадованная, что он разговаривает, стала объяснять, что это необходимо, через несколько дней их хирурги уберут. Алексей потянулся к ней рукой, она взяла его руку в свои ладони и повторила:

— Всё хорошо. Раиса Борисовна говорит, что будет гордиться этой операцией. Всё прошло очень успешно.

— Лиза, я сейчас буду стонать. Мне больно. Иди пока, не хочу при тебе быть таким слабым.

— Да, конечно. Через день тебя переведут в послеоперационную палату, в наше отделение. Увидимся.

В послеоперационной палате первую ночь Алексей провёл очень беспокойно. Ему всё время казалась неудобной поза, в которой он лежит, но поворачиваться было нельзя. Он несколько раз через специальную кнопку вызывал дежурную медсестру, и та или поднимала, или опускала кроватную платформу, на которой лежал больной. Он был обеспечен всеми условиями для выздоровления. Одним словом, через несколько недель он начал чувствовать себя как в санатории. Ему были отменены все назначения, и можно было выписываться, но Раиса Борисовна всё тянула с выпиской, говоря, что надо пока наблюдаться в стационаре.

Однажды в выходной день Лиза смогла организовать своему другу выход в город и сопровождала его целый день. Нагулявшись, они зашли в ресторан «Оренбург» и провели вечер там. Поздним вечером возвращаться в больницу было нельзя, в общежитие идти к Лизе тоже. Они решили ехать к сестре Алексея. Та была очень удивлена, что Алексей приехал в такой поздний час, но накрыла стол, и праздник продолжился. Сестра постелила гостям постель на кровати, но Лиза наотрез отказалась ложиться вместе со своим молодым человеком. У них до сих пор всё ещё не было физической близости, здесь этого тоже произойти не могло, и, несмотря на все уговоры Алексея, она твёрдо сказала: «Нет». Пришлось Алексею перейти спать на диван. Он так и не понял этого свое-образного упрямства своей подруги.

В начале мая Алексея выписали из больницы. Он был искренне признателен всем врачам и медсёстрам за всё, что они для него сделали. В порыве эмоционального настроения пообещал, что пригласит всех на свадьбу. Раиса Борисовна только спросила:

— Значит, увезёшь у нас Елизавету Ивановну?

— Да, постараюсь увезти. — И почему-то добавил: — Если она не передумает.

Алексей с Лизой сидели в аэропорту, в полупустом ресторане, и ждали объявления на посадку. Алексей улетал через Москву в Низольск. Раиса Борисовна написала такую медицинскую справку, по которой его больничный лист можно было продлять ещё три месяца.

— У тебя скоро отпуск, ты прилетишь ко мне в Низольск? — спросил Алексей Лизу.

— А зачем? — спросила в свою очередь девушка.

— Мы там поженимся, — просто ответил Алексей.

— Я подумаю.

Как только Алексей оказался в Низольске, то рассказал родителям о своём намерении жениться на Лизе. Мать сразу спросила:

— А как же Миля?

— Мама, я принял решение.

Всё произошло в течение одного месяца. Лиза прилетела, и они сразу пошли в ЗАГС. Свадьба прошла без происшествий, но после свадьбы, когда молодые уже собирались уезжать в Градосеверск, неожиданно объявилась Миля. Видимо, ей кто-то сообщил, что Алексей прилетела в Низольск с новой девушкой, и она тотчас прилетела в свой родной городок. Когда Миля зашла в дом Горностаевых, Алексей представил ей Лизу:

— Знакомься, моя жена Елизавета.

— Наверное, ещё не жена?

Но Лиза показала ей свидетельство о браке, и Миля только произнесла:

— Лихо вы, однако. Как всё быстро у вас.

Долго она задерживаться не стала, но, уходя, сказала Алексею:

— Я приехала с Артёмом, сыном твоим. Буду здесь ещё два дня. Захочешь увидеть сына, приходи. Я остановилась у тётки.

Алексей собрался к сыну на другой день и попросил Лизу пойти вместе с ним. Мальчик был довольно общительный: он сидел на коленях у Алексея и играл с Лизой. Миля не возражала против их общего присутствия, и они два часа провели с ребёнком. Договорились, что надо показать внука родителям Алексея, и на следующий день Миля отпустила мальчика с Алексеем. Когда мальчика принесли обратно, Миля, воспользовавшись моментом, когда Алексей с Артёмом оказались в другой комнате, сказала Лизе:

— Я не спрашиваю, как ты это сделала, это о вашей свадьбе, и мне известно, что ты его регулярно спасаешь от всяких бед, но знай: я люблю его так сильно, что между нами ничего с вашей свадьбой не закончилось. Он — мой по предназначению, и ты скоро это поймёшь.

— Лучше займись воспитанием ребёнка, а если тебе это трудно, отдай его нам, мы с мужем воспитаем.

— Не ребёнок мой тебе нужен, а лишь мечтаешь перерезать нить между мной и Алексеем. Не выйдет.

— Всё у нас выйдет. Такие, как ты, могут безумствовать в любви и страсти, но дать мужчине уверенность, спокойствие и семью они не могут. Я знаю, что нужно Алексею, он будет счастлив, а значит и я. — Затем обратилась к мужу: — Алексей, нам пора.

Лиза не сразу успокоилась после тяжёлого разговора, но держала себя в руках. В Градосеверск молодожёны ехали поездом. В Москве в министерстве высшего и среднего образования Лизе как молодому специалисту надо было оформить перераспределение из Оренбурга в Градосеверск. Это заняло несколько дней, пришлось записываться на приём к заместителю министра здравоохранения. Но всё получилось, и по приезду в Градосеверск Лиза вышла на работу в городскую поликлинику, а Алексей вернулся на прежнее место работы. Молодые люди энергично взялись обустраивать свою коммуналку. У них осталась часть денег, подаренных на свадьбе, и они потратили их на диван, холодильник и телевизор. Ещё был приобретён шкаф для одежды, и больше в их небольшую комнату вместиться ничего не могло.

Лиза очень приветливо и доброжелательно общалась с соседями по общему коридору, они старались ей отвечать взаимностью, но нет бочки мёда без ложки дёгтя. Сначала одна, а потом и другие женщины-соседки намёками, а потом как бы доверительно и откровенно пытались рассказывать Елизавете, что до неё у Алексея было море, а может, даже океан девок. Лиза отреагировала строго: она чётко ответила соседкам:

— Меня не интересует, что было до меня. И не затрудняйтесь мне что-либо рассказывать. Теперь у него всё по-другому. Он — человек женатый.

Алексей работал на прежней должности, но понимал, что ему нужно нечто большее. Только карьеру в ПМК сделать было сложно. Продвижения по службе не предвиделось, зарплаты в строительных организациях были стабильные, и квартиру здесь было легче получить, поэтому люди держались за свои места. Но однажды Алексей узнал, что на зерноперерабатывающее предприятие — комбинат «Зерно» — требуется начальник планово-производственного отдела. Предприятие было большим, включало в себя весь комплекс хранения и переработки зерна: приёмные пункты, элеватор, комбикормовый завод, мельницу, склады и т.д. Алексей не мешкая записался на приём к директору. Беседа была интересной. Директору понравился напористый, образованный специалист, но он сразу предупредил Алексея, что есть несколько претендентов на эту должность, решение он сообщит по телефону и назначил время, когда можно позвонить. Несколько дней Алексей провёл в нервном возбуждении, Лиза не пыталась его успокоить, она просто говорила:

— Твой час придёт, если не в этот раз, то в следующий.

Но Алексею была нужна именно эта работа, и он её получил. Теперь Алексей Анатольевич, начальник ведущего отдела крупного предприятия, сможет реализовать свои честолюбивые замыслы. Он быстро вошёл в курс дела. Помогли ему в этом сотрудники отдела, женщины, которые очень хотели, чтобы к ним в отдел начальником пришёл мужчина, желательно молодой и перспективный. Они старательно выполняли все его поручения, а любой успех отдела публично ставили в заслугу своему новому начальнику. Скоро всё предприятие знало Алексея Анатольевича как грамотного специалиста и строгого, но справедливого руководителя. К нему стали приходить начальники служб и цехов по самым разным вопросам, и он за всё брался и решал. Как правило, у приходивших за советом уже был вариант решения проблемы, но они боялись выйти за рамки своих полномочий, а Алексей Анатольевич не боялся, смело вносил предложения опытных специалистов директору предприятия. За полгода авторитет начальника отдела стал непоколебимым, и вскоре его назначили заместителем директора предприятия, причём функции начальника планово-производственного отдела оставили за ним, что очень радовало сотрудников отдела, которые души не чаяли в своём непосредственном руководителе. Горностаев внедрил цеховой хозрасчёт, прогрессивную оплату труда, затем была изменена и структура управления, при которой наиболее важные вопросы выносились на Совет предприятия — прототип будущего Совета директоров. Через год для сотрудников комбината «Зерно» сдавался новый многоквартирный дом, и директор из своего так называемого директорского фонда выделил молодому заместителю двухкомнатную квартиру. К тому времени у Алексея с Лизой родилась дочка Катя, и семья переехала в благоустроенное жильё. Алексей иногда уезжал в командировки и на учёбу в Москву. В то время каждое министерство проводило регулярное обучение инженерно-технических и руководящих работников с целью повышения квалификации. Лиза отпускала мужа в такие поездки, она понимала, как много значит для Алексея работа, и с первых дней жизни отдала ему лидерство в семье. У них состоялся только один разговор, который определил алгоритм их совместной жизни на многие годы. Однажды на одном из праздничных вечеров, где присутствовали все значимые фигуры перерабатывающих предприятий области и их жёны, Алексей много времени уделял одной высокопоставленной даме, объяснив жене, что это нужно для продвижения его новой идеи. Придя домой, Лиза не стала скандалить и даже выражать недовольство. Она просто сказала мужу:

— Запомни навсегда: я буду тебе верной женой, но и ты на всю нашу совместную жизнь должен отказаться от своих замашек ловеласа. Я слышана о твоих бывших похождениях и не упрекаю тебя за это. Но теперь у тебя другая жизнь, и я не позволю никаких интрижек на стороне.

— Лиза, милая, какие интрижки? О чём ты говоришь?

— Я знаю, о чём говорю. Ты должен дать слово, что будешь верен мне. Но если измена всё же будет, даже не оправдывайся — мы сразу расстанемся.

Алексею пришлось вполне серьёзно дать клятву жене, хотя в то время он был настолько увлечён работой, что считал это совершенно излишним.

Этот период его жизни был настолько насыщен производственными проблемами, что он долгое время не виделся со своими друзьями. Наконец, они встретились: Рогозин Вениамин Васильевич, Захаров Валерий Леонидович и Горностаев Алексей Анатольевич. У Старого, а ныне известного руководителя в строительной отрасли Рогозина, было всё замечательно: он обзавёлся связями в горисполкоме и крепко сидел в своём кресле заместителя треста. У Алексея, казалось, тоже всё было достаточно надёжно. А вот Валерий удивил в очередной раз. Он рассказал, что после ссоры со своим тестем вынужден был уехать из города. Собрал бригаду из плотников, каменщиков, сварщиков и уже два года выполняет различные строительные работы в колхозах. Бригада «калымщиков» работает, не считаясь со временем, но и зарабатывают его мужики в разы больше, чем обычные штатные работники на предприятиях. Валерий, как бригадир, подписывает договора с колхозами и сам же получает заработанную на всех членов бригады сумму денег. Однажды в бухгалтерии одного сельхозпредприятия выдали такую сумму денег, что она не могла уместиться в его карманы. Тогда он взял у стола главного бухгалтера мусорное ведро, высыпал находящиеся там бумаги и сложил в ведро пачки

денег. Так с ведром, полным денег, и шёл к своей машине УАЗ, которую прикупил в одном колхозе. Половину денег он делил между членами бригады, другая половина оставалась у него.

— Представляете, даже в банк положить деньги не могу. ОБХСС может заинтересоваться, но ведь всё заработано, не украдено, а приходится скрывать.

Рогозин назидательно сказал по этому поводу:

— Всё меняется. Горбачев открывает новый курс, многое будет разрешено.

— Ты дай знать, когда и что будет разрешено, а то я на своих стройках газеты даже не всегда читаю. Может, вам, парни, деньги нужны? Отдадите, когда сможете. Ты, Алексей, в новую квартиру переехал, обставляться нужно. Возьми, сколько надо.

— Сейчас и на деньги приличную мебель купить невозможно. Жена с вечера записывается в очередь в мебельный магазин, если что завезут. Валерий, пока обхожусь. И потом у нас беспроцентная касса взаимопомощи. Ты лучше скажи, как долго собираешься по «калымам» ездить?

— Недолго. Новый закон об аренде выходит. Возьму в аренду пару подходящих помещений. В общем, есть идеи, но пока все карты не открываю.

— Ты не вздумай подпольный цех по производству ширпотреба открыть. Заметут. Твой тесть покрывать тебя не будет.

— Нет, ничего подпольного. Скоро всё будет в соответствии с законом.

Мужчины договорились созваниваться, и снова у каждого была своя жизнь и свои заботы.

Алексею предстояла очередная поездка в Москву. На этот раз на десятидневный семинар, организованный их министерством. Он поселился в своей любимой гостинице «Севастополь». Каково же было его удивление, когда однажды, возвращаясь с занятий, в холле гостиницы он увидел Милю, сидящую в кресле.

— Привет! Ты каким образом здесь?

— Поселилась в гостиницу. Иногда мне тоже в Москве надо быть.

— Миля, я тебя знаю... Как ты меня нашла?

— Очень просто. Все твои сотрудники знают, где ты останавливаешься. Сказала по телефону, что родственница, вот и всё.

— Забавно. Ты что, специально приехала?

— Ты, похоже, «вознёсся выше Александрийского столпа». Увидеть тебя хотела, ну и дела в Москве есть. Может, обойдёмся без допросов и расспросов, а просто вместе поужинаем? Здесь приличный ресторан, заодно фотографии Артёма посмотришь.

Алексей понимал, что Миля снова затеяла какую-то игру, но не мог отказаться.

— Ты собираешься сына навестить? Ему уже больше двух лет, — спросила во время ужина Миля.

— Конечно. Такой парень забавный. Давай, летом привози его в Низольск, мы туда тоже всей семьёй приедем.

— А без спасительницы твоей никак? Как она тебя построила? Ты совсем несамостоятельный в вопросах собственного сына? Ты что, не можешь к нам один приехать? У меня хорошая квартира, родители во всём помогают.

— Нет, Миля, так не могу. А если и приеду к вам в город, то только с Елизаветой.

— Может, ты её уже по отчеству называешь?

— Бывает. Я называю её Лизочка Ивановна.

— Ладно, оставим это. Вечером Москву покажешь?

— Конечно. У меня время есть. А ты мне побольше о сыне расскажешь.

Они долго бродили по вечерней столице. Миля держала Алексея под руку, иногда они держались за руки, но все разговоры были вокруг сына, общих знакомых и новых московских веяний. На Старом Арбате они остановились около большой группы людей, которые слушали бородатого поэта, читающего стихи, ругательные и броские, критикующие политику Горбачева. Алексей и Миля остановились. Они выросли в эпоху, когда никакой публичной критики в отношении правительства не позволялось. А тут: центр Москвы — и такое...

— Это и есть гласность? — спросила Миля.

— Не совсем так. Гласность подразумевает, что всё делается открыто и народ получает полную информацию, о чём желает знать. Часть людей поняла это так, что всё можно. Может, это перегиб, а может, общество наше становится ближе к Западу. Только стихами ничего не поменяешь. Управление экономикой менять надо. Предприятия должны быть самостоятельными, а пока этого нет.

В холле гостиницы, когда они вернулись, Миля попросила Алексея зайти к ней в номер через полчаса.

— У меня есть обновки. Хочу тебе показать. Не отказывайся. Хоть что-то ты можешь для меня сделать?

— Хорошо. Буду.

Миля встретила Алексея в длинном до пола халате из натурального шёлка, на котором ниже пояса не было пуговиц, и, когда женщина делала шаг, взору Алексея были видны ослепительной красоты её бедра. Он попытался шутить:

— Не надо меня обольщать. Я здесь только как эксперт по высокой моде.

— Высокая мода не должна мешать обычным чувствам. У меня хорошее вино. Открой. Я принесу бокалы.

Алексей не мог избавиться от странного чувства. Миля воспринималась им настолько естественно, что казалось, вернулось то прекрасное время, когда они так любили друг друга. Но одновременно надеялся, что у него хватит сил устоять перед искушением и сохранить верность Елизавете. Он любит свою жену, он дал ей слово!

Только когда бутылка креплёного вина была выпита, Миля просто обняла своего Алексея, мужчину, которого она любила всегда, и впиалась поцелуем в его губы. Алексей ничего кроме губ, рук и тела Мили не чувствовал. Он снова целовал эту женщину, обнимал и ласкал её тело, находясь в бесконечной страсти. Рано утром он зашёл в свой номер и уехал на занятия. Вечером состоялся тяжёлый разговор с Милей. Она сама его начала:

— В стране всё меняется. Ты сам говоришь, что многое будет не просто реформировано, а создано по-новому. Давай поменяем и нашу жизнь. Мы не сможем забыть друг друга. Мы созданы, чтобы любить и жить вместе.

— Миля, милая, пойми. Да, ты для меня многое значишь. Но с Лизой я не расстанусь. У меня не просто жена и дочка. У меня — семья.

— Но хоть иногда ты можешь приезжать ко мне, к сыну?

— Давай закроем эту тему. От сына я не отказываюсь, обязательно мы с ним будем видеться, но не у тебя дома. Летом в Низольске все встретимся. И без твоих выкрутасов. Не вздумай намекнуть Лизе о том, что произошло. Этим ты меня не вернёшь, но бед наделаешь немало.

— Я завтра уеду. Давай ходим в театр. Я так редко бываю в Москве.

И снова Алексей не мог отказать. Но для себя решил: всё, связь на стороне — не для него. Он и так часто задумывался, что повторяет в некотором роде судьбу своего отца. В оставшиеся дни он сделал покупки в основном для Лизы и дочки и, приехав в Градосеверск, высыпал перед ними целый ворох подарков. Лиза была несколько удивлена таким обилием нарядов для неё и даже спросила, откуда всё это при нынешнем дефиците?

— В Москве ещё можно что-то купить, и не только колбасу и колготки, — ответил Алексей.

— Ты же хотел копить на «Жигули»?

— Машин на свете много, и они разные, а жена у меня — одна. И я её очень люблю.

Алексей несколько дней не мог загладить чувство вины перед Лизой, и был с ней излишне заботлив и нежен. Она даже спросила:

— Ты никак медовый месяц хочешь вернуть? Что происходит?

— Я просто соскучился. Разлука даёт возможность понять и ещё раз убедиться, как ты мне дорога.

И снова их жизнь шла ровно и плавно. Когда Кате исполнился год, её взяли в ясли, и Елизавета Ивановна снова вышла на работу в поликлинику. Она работала участковым терапевтом и до обеда сидела в своём кабинете и принимала больных, а после обеда шла по вызовам по квартирам своего района. У неё была репутация очень отзывчивого и доброжелательного доктора: она выслушивала старушек, делилась опытом с молодыми мамами по поводу малолетних детей и строго относилась к нарушителям больничного режима. Вечерами за ужином она рассказывала Алексею о неординарных случаях или необычных больных, он в свою очередь — о грандиозных планах предприятия, которое теперь имело гораздо больше самостоятельности в решении своих задач. Перед сном Алексей читал Кате сказки, потом они с Лизой смотрели телевизор. У них появились общие друзья, но выходные они всей семьёй любили проводить в парке или за городом, на природе, а не за столом у гостеприимных друзей. В городе появились первые кооперативные ларьки, и население то восхищалось, то возмущалось грандиозными заработками начинающих кооператоров. У Алексея было много работы, и он, взвалив на себя больший чем положено круг обязанностей, тащил его. Ему нравилось постоянно быть в гуще событий, в этом он находил какое-то упоение и вдохновляющий стимул.

Однажды в его кабинете раздался звонок. Звонила Ирина, теперь уже жена Сергея Галанина. Она спросила: могут ли они увидеться, и Алексей назначил ей на другой день время, когда она может прийти к нему в кабинет. Ирина пришла, несколько смущённая, одетая очень броско, даже с вызовом. Когда они обменялись новостями в их жизни, Алексей сказал:

— Ирина, вижу, у тебя какой-то вопрос ко мне. Я тебя слушаю.

Ирина ответила очень просто:

— Сергей, муж мой, работает в обкоме профсоюзов. Мама его туда устроила. Организация эта чисто официозная. Люди сейчас делом занимаются, а Галанин бумажки перекладывает. Может, сможешь ему приличную работу найти?

— Почему он сам не пришёл?

— Наверное, считает, что ты только рад будешь, что у него с работой не сложилось.

— Фаина замужем?

— Да, приветы передаёт. Она рада за тебя и корит себя, что была не столь напориста.

— Да ладно, она не пропадёт, чай, за своим еврейчиком?

— Не пропадёт. Так что с Сергеем?

— Ирина, как я могу тебе отказать. Пусть звонит Галанин, предложим что-нибудь. Но сразу предупреждаю: здесь работать надо. У нас бумаг тоже много, но первично — производство.

Ирина поблагодарила и добавила:

— Я ведь тебя сразу разглядела. Ты — настоящий, деловой, перспективный. Научи моего мужа таким же быть. Буду обязана. Если всё сложится, будем семьями дружить. Надеюсь, твоя жена не будет против?

— Трудно научиться проявлять инициативу, когда человек живёт на всём готовом. У твоего Серёги всегда всё было: хорошая квартира, шмотки, карманные деньги, связи матери, а теперь и благополучная еврейская семья. Но он неглупый парень и хорошо ориентируется в обстоятельствах. Думаю, когда его прижмёт, он ещё покажет себя.

— Буду надеяться. Спасибо тебе.

Сергея приняли на предприятие «Зерно» в качестве начальника отдела сбыта, в состав которого входил и погрузочно-разгрузочный участок, который занимался приёмкой грузовиков с зерном, выгрузкой вагонов, погрузкой в вагоны и грузовики мешков с мукой и комбикормом, обслуживанием складов и прочими работами. Алексей Анатольевич представил Галанина мастерам и рабочим участка, сказал, что это новый сотрудник, находится под его шефством, и он надеется, что они помогут Галанину войти в курс дела. На комбинате Горностаева знали и уважали. Был один случай, когда он ещё в качестве начальника ППО пришёл в бригаду грузчиков, объяснить систему расценок и положение о премировании. Бригада на складе перетаскивала мешки ближе к эскалатору для последующей погрузки в грузовики их через этот транспортёр. Он увидел, что в бригаде — новичок, и ему на спину напарники шутки ради тяжёлые мешки кладут не ближе к плечам, а ближе к поясу. Мешок свисал со спины, и парень едва его тащил. Горностаев остановил работу, снял пиджак, подошёл к мужикам, которые вскидывали на спины грузчиков мешки, и сказал:

— Кладите мешок вот сюда, чтобы центр тяжести находился на этой линии позвоночника. Тогда груз распределяется равномерно по телу. — И уверенно сделал несколько заходов вместе с рабочими.

— Мы думали Вы — чистоплюй, а Вы, похоже, таскали мешки-то, — сказал бригадир.

— Да, не один состав, наверное, выгрузить пришлось, будучи студентом. И добавил:

— Вы, парни, не обижайте новичков. Сами ведь начинали когда-то.

— Да мы так, «прописки» ради.

Но Галанину пришлось нелегко. Народ на участке, в основном грузчики, — люди или без профессии, или потерявшие специальность из-за прогулов и пьянок. Некоторые и на зоне успели срок отбыть. Разговаривать с ними надо было, учитывая эти особенности. Поэтому Горностаеву приходилось первое время вмешиваться в работу нового начальника отдела сбыта, а сам Галанин и вовсе ежедневно и запросто заходил в кабинет Алексея Анатольевича, показывая, что у него с ним дружеские отношения. Это сработало, и работники управления всячески помогали приятелю заместителя директора.

Ирина сумела сделать так, чтобы обе семьи начали проводить выходные вместе. Маленькой Кате это очень нравилось: если встреча проходила в квартире Галаниных, то Ирина играла на фортепиано и пела детские песни, романсы и даже новые хиты. У Кати был музыкальный слух, и она в отличие от Арины (дочки Ирины и

Сергея) любила повторять за Ириной и мелодии, и слова песен. Казалось, дружба двух мужчин возобновилась, но жизнь — она не может быть равной.

Заканчивались восьмидесятые годы, перемены шли полным ходом. Кооператоры развернули бурную деятельность. Захаров Валерий сразу понял: пришло его время. Он не просто организовал кооператив, он начал брать в аренду с правом выкупа склады, различные пустующие участки в городе, торговые площади. Но розничной торговлей тогда начали заниматься многие, а Валерию не хотелось быть как все, он хотел быть первым. Тогда на каждом предприятии лежали без пользы тонны металлолома. Захаров решил организовать вывоз этого использованного металла на Череповецкий металлургический завод. По случаю сообщил об этом Алексею, мол хочет проехать в Вологду, а затем в Череповец. У Алексея давно намечалась поездка в Ярославль по служебным вопросам, и он предложил Валерию вместе до Ярославля ехать поездом. В Ярославле Алексей остаётся, а Валерий едет дальше. До Москвы доехали благополучно, в одном купе. Но в Москве им дали билеты на поезд в разных вагонах. При посадке каждый зашёл в свой вагон. У Валерия — плацкартный (в купейных вагонах якобы мест не было), а у Алексея — купейный, где был всего один сосед, тоже командировочный. Был январь месяц и, хотя погода стояла необычно тёплая, Валерий был одет в дублёнку, на нём была меховая шапка, а в руках — объёмистый портфель. Сверху в нём были сложены обычные для мужчины вещи: бритва, носки, туалетные принадлежности, одеколон и т.д., а на дне портфеля лежали деньги, которые Захаров вёз для налаживания крепких партнёрских связей с представителями металлургической отрасли. У Валерия после работы в колхозах на «шабашках» появилась привычка носить с собой немалые суммы денег. Там ведь всё время приходилось кому-то платить за услуги: трактористу, чтобы подвёз материал, крановщику за несколько часов внеурочной работы, водителям, которые согласятся сделать «левые» рейсы. Ту же систему он применял и в созданном им кооперативе: он платил сразу и сейчас немного, а получал позднее много и всё. Поэтому он прихватил с собой в поездку немалую сумму денег, примерно годовой доход директора средней руки. Валерий познакомился с соседями по плацкартным местам, сказал, что друг едет в другом вагоне, и попросил присмотреть за вещами. Оставил портфель, дублёнку и шапку на своей нижней полке и пошёл в вагон Алексея. Проходя через вагон-ресторан, попросил официанта принести выпивки и закуски в такой-то вагон и в хорошем расположении духа зашёл в купе к Алексею. Сосед Алексея оказался человеком компанейским, и трое мужчин пили коньяк, водку, закусывали сёмгой, печенью трески, сервелатом и фруктами. Таких продуктов давно не было даже в московских гастрономах, но в вагонах-ресторанах это всё было. Алексей и Валерий, соскучившиеся по дружеской застольной беседе, наперебой делились своими новостями и планами. Захаров в порыве откровенности признался:

— Я раньше всегда давал понять, кто у меня тесть, чтобы решать вопросы, а сейчас, веришь, скрываю это. Слово «обком» уже не так звучит, как прежде. Я безо всякого обкома сам построю империю, и ты, Алексей, ещё гордиться будешь своим другом.

К вечеру поезд прибыл в Ярославль, Алексей и Валерий вышли на перрон, обнялись, попрощались. Алексей пошёл в город, а Валерий — по перрону к своему вагону. Проводница, стоявшая у вагона, увидев пьяного, без верхней одежды мужчину, не пустила его в вагон, потребовала билет. Захаров пытался объяснить, что он ехал с другом в другом вагоне, а вещи его в этом вагоне. Но проводница упёрлась, утверждая, что она не помнит его, и требовала показать билет. Валерий не нашёл в карманах билет и в растерянности пытался убедить проводницу, что он пассажир поезда и билет у него есть. Поезд тронулся, мужчина остался стоять на перроне. Через несколько минут он обнаружил билет в нагрудном кармане костюма и направился в привокзальную комнату милиции. Немолодой лейтенант, видимо, давно не получавший повышения, выпроводил Захарова из помещения со словами:

— Иди, проспись, иначе в «кутузке» ночь проведёшь.

Валерий вышел из здания вокзала, поймал такси и поехал в ресторан, как он выразился, в «приличный». В ресторане дал денег швейцару и сказал:

— Я посижу здесь, в фойе, в кресле, а ты сделай так, чтобы меня не беспокоили.

Три часа швейцар охранял сон Захарова. Потом Валерий проснулся и снова поехал на вокзал. Там в отделении милиции, наконец, выслушали, при каких обстоятельствах он отстал от поезда, тем более, что он предъявил билет. Затем уже другой лейтенант связался по телефону с Вологодским привокзальным отделением милиции и распорядился, чтобы вещи отставшего пассажира забрали и первым попутным поездом отправили в Ярославль. Утром Валерий получил свою дублёнку, шапку и портфель. Он не рассчитывал, что в портфеле сохранятся деньги, но, когда, поблагодарив представителей доблестной советской милиции за содействие, сел выдохнуть в зале ожидания вокзала и открыл портфель, оказалось, всё на месте.

«Меняется страна, но люди остаются по сути прежними — советскими. Никто, видимо, портфель даже не открывал», — подумал Валерий и пошёл в кассу: он не хотел менять планы, и решил несмотря ни на что ехать в Вологду и Череповецк.

Об этом приключении Валерий рассказал своему другу только спустя несколько месяцев, уже после летнего отпуска, который, как правило, семья Горностаевых проводила в Низольске. Алексей купил подержанную, но в хорошем состоянии «копейку» (ВАЗ-2101), и в отпуск к родителям теперь возил семью на своей машине. Миля тоже в это же время приезжала с сыном к тётке в Низольск, и Алексей мог общаться с мальчиком. Часто Алексей и Лиза, забрав с собой Катю и Артёма, уезжали в деревню, где летом любили жить родители Алексея. Артём называл Алексея папой, а Елизавету Ивановну — мамой Лизой. Катя на это реагировала своеобразно, спрашивая родителей, почему у Артёма две мамы, а у неё — только одна, и может ли она называть тетю Милю мамой Милей? Лиза объясняла маленькой дочке, что мама — одна, Артём вырастет и будет называть её не мамой Лизой, а Елизаветой Ивановной.

Брат и сестра отлично ладили между собой, может быть, потому, что Катя признавала брата старшим, а тому нравилось покровительствовать над младшей сестрёнкой. Через несколько лет у Мили появился муж, но подросший Артём наотрез отказался называть его папой, показав взрослым своё свидетельство о рождении, где в графе «отец» было написано «Горностаев Алексей Анатольевич».

В конце восьмидесятых годов комбинат «Зерно» занимал прочные позиции в своей отрасли, а все новые веяния, принесённые перестройкой, руководство обрабатывающего комплекса использовало в интересах развития предприятия. Директор «Зерна», занимавший этот пост, уже несколько лет уверенно руководил всеми структурами, а когда уезжал в командировку или уходил в отпуск, знал, что Алексей Анатольевич, ставший к тому времени первым его заместителем, справится с любой нестандартной ситуацией. Ни он, ни его первый зам не подозревали, что новые времена несут другие правила игры, а точнее, игру без правил. Все министерства разослали своим подведомственным заводам, комбинатам и фирмам официальные письма, в которых содержались рекомендации по проведению выборов директоров трудовыми коллективами. Поскольку письмо на предприятии посчитали обычной формальностью, то и подготовительной работы к выборам практически не вели. Председателем избирательной комиссии Советом предприятия был назначен Горностаев, которому поступило всего три заявления от кандидатов на пост директора: от действующего руководителя, начальника транспортного цеха, который подал заявление, поскольку выборы должны быть на альтернативной основе, и от некоего юриста со странной фамилией Иканов. Согласно положению о выборах, всем кандидатам необходимо было предоставить возможность встретиться с коллективами цехов, участков и подразделений. Действующий директор считал, что его все знают достаточно хорошо, и от встреч отказался, второй кандидат тоже не вёл предвыборную агитацию, а вот Иканов развернул бурную деятельность. Он не просто выступал на встречах с коллективами, а общался с группами и уделял время лицам, которые хотели с ним поговорить отдельно. Неожиданно на предприятии пошли разговоры о просчётах и излишней строгости нынешнего директора, что надо менять руководство и тогда многое изменится к лучшему. Когда Горностаев узнал, какие обещания и заверения делает новоявленный кандидат на пост директора, то пришёл в изумление. Тот обещал увеличение зарплаты всем работникам в два раза, значительную материальную помощь уходящим в отпуск, единовременные баснословные суммы при выходе на пенсию и обеспечение квартирами всех нуждающихся в жилье. Оказалось также, что его на встречах с коллективами часто сопровождает Галанин. Горностаев вызвал Галанина к себе в кабинет и попросил объяснить, что за ахиною несёт Иканов на своих выступлениях:

— У него есть все шансы выиграть голосование. Да, возможно, он много лишнего обещает, но людям свойственно верить и надеяться на лучшее. На этом он сыграет и выиграет, — ответил Галанин.

— Да не выиграет он голосование. Я, как председатель избирательной комиссии, запросил характеристику с его предыдущего места работы. Ты смотри, что там написано: он не в ладах с законом, постоянно в каких-то аферах и махинациях замечен. До суда не доходило, но его бывший руководитель буквально рад, что Иканов уволился из его организации. На собрании представителей коллективов перед голосованием я зачитаю эту официальную бумагу и всё: большинство представителей, имеющих право голоса, за него голосовать не будет, — парировал Алексей Анатольевич и положил бумагу в папку, а её — в верхний ящик своего стола.

— Ты, Алексей Анатольевич, не горячись. Иканов на нейтральной территории с тобой встретиться хочет, он, если ты его поддержишь, зарплату конкретно тебе реально увеличит. И потом, он знает, как можно заработать большие деньги.

— Передай ему: я с человеком, который уже на первом этапе выборов всем врёт, встречаться не буду.

Через неделю состоялось собрание, где уполномоченные представители от всех цехов и участков выбирали директора. Народу собралось много — полный актовый зал. Собираясь на собрание, Алексей достал из стола заветную папку, открыл её и увидел, что характеристики на Иканова в ней нет. Это была катастрофа. Но ещё больше его потрясла мысль, что папку видел только один человек — Галанин. Значит, он рассказал о ней Иканову, и они организовали похищение документа. Оставалась ещё надежда на благоразумие голосующих, но этого не произошло. Новым директором был избран Иканов, который буквально на другой день приступил к своим обязанностям. Контракт с ним был подписан председателем Совета трудового коллектива на пять лет. Все свои предвыборные обязательства он тут же забыл и начал своеобразную активную деятельность. Через несколько дней Алексей был отправлен на очередные двухнедельные курсы в Москву, а когда вернулся, то увидел, что на предприятии многое изменилось. Новый директор действовал совместно с Галаниным, который теперь стал заместителем директора, и главным бухгалтером, молодящейся женщиной, давно желавшей играть ведущие роли на предприятии. Ещё через несколько недель Горностаева стала понятна и схема обогащения названной троицы. Галанин как зам по реализации и сбыту заключал договора с колхозами и совхозами на покупку зерна по государственным ценам, а реализовывали они зерно и муку в другие регионы страны по рыночным ценам, которые сами и устанавливали. Разница составляла баснословные суммы, но главный бухгалтер «размывала» её по разным счетам, а затем полученную прибыль на вполне якобы законных основаниях они распределяли между узким кругом заинтересованных лиц.

Вскоре Иканов пригласил Горностаева на серьёзный разговор:

— Во-первых, не держите зла на Галанина, он действовал по моему указанию. Понимаете, теперь такие времена, что все средства хороши. Во-вторых, мы бы всё равно не позволили Вам выступить с той характеристикой на собрании, так что Вы ещё легко отделались со своей никому ненужной принципиальностью. Как видите, говорю с Вами откровенно. Вы, Алексей Анатольевич, мне нужны. Давайте обговорим некоторые условия и будем работать вместе. Сейчас не запрещается зарабатывать любые суммы, так надо этим пользоваться, чтобы деньги у нас оставались, а не у других. Твоя задача — создать несколько кооперативов на базе предприятия, через которые мы будем перегонять потоки денег. Вы представляете, какие это возможности? И суммы, которые мы можем иметь лично?

— Ваши методы на грани фола. Правоохранительные органы поймут, что вы обираете и разоряете колхозы и совхозы, когда-нибудь наступят последствия за это. Мне с Вами не по пути.

— Ну, Вы же не идеалист! Правоохранительные органы сами учатся зарабатывать на всём. И потом, у меня уже есть там связи. Подумайте, я не тороплю. Назовите свои условия.

Через несколько дней Алексей уволился с комбината, и новой работы ему искать не пришлось. Слухи о произошедших событиях на его бывшем предприятии по городу разошлись стремительно. На многих городских предприятиях приостановили намечавшиеся выборы руководителей. Никто не хотел испытывать

судьбу, а вскоре каждое предприятие самостоятельно стало решать, как избирать или назначать руководящий состав. Горностаеву поступило предложение от бывшего старшего коллеги Утенова Вячеслава, с которым он работал в ПМК, организовать многопрофильный кооператив. Алексей согласился. Новому кооперативу предполагалось передать в аренду на приемлемых условиях промышленную базу на окраине города от мелиоративно-строительного объединения. Утенов, используя связи с начальником объединения Ефименко, договорился с ним, что в течение года, пока кооператив обрастает заказами, арендная плата за базу будет минимальная, точнее говоря, даже условная. Кооператив назвали «Ладога». Уже через несколько месяцев в нём было несколько подразделений: лесозаготовка и лесоперерабатывающий цех, мебельное производство, транспортный цех, строительный участок, небольшой завод по производству стройматериалов и даже своё проектное бюро. Во всей палитре многогранной сферы деятельности кооператива не было только торговли. Тогда большинство кооператоров открывали ларьки, киоски, а затем и магазины, но Алексей не хотел заниматься розничной торговлей, как он говорил «не представляю себя в роли приказчика». В зоне ответственности Алексея находились реализация продукции, финансы, отчёты, кадры. Он снова с головой ушёл в работу. Появились первые свободные деньги. Алексей поменял машину, продал свою «копейку» и купил «девятку». Со своим другом Валерием Захаровым он встречался нечасто. Тот сдержал слово и создал несколько кооперативов, где торговля занимала одно из ведущих мест. Но Захаров одним из первых понял, что киосками и ларьками желанного размаха не достичь, а потому начал сотрудничать с местной меховой фабрикой, надеясь со временем приобрести и её. Кроме того, он начал интересоваться и другими промышленными предприятиями.

Своего другого однокурсника Рогозина Алексей видел ещё реже. Вениамин Васильевич работал заместителем главы городской администрации и редко звонил своим друзьям, но это было объяснимо: в городском и областном управлении тоже происходили бурные перемены. А вскоре их однокурсник Старый, а ныне Вениамин Васильевич, был назначен главой администрации города, которого первым из градоначальников можно было называть мэром. Это ему пришлось взять на себя ответственность за полную ликвидацию власти партии КПСС в Градосеверске.

Однажды перед концом рабочего дня ему в кабинет принесли большой, запечатанный сургучом пакет из Москвы. В нём предписывалось, что сегодня вечером необходимо опечатать все принадлежащие городскому комитету партии помещения. Технически сделать это было несложно: администрация города и горком партии находились в одном здании, но на разных этажах. Рогозин вызвал к себе начальника милиции города, показал ему бумагу из Кремля и сказал, что сегодня необходимо всё опечатать, а завтра с утра — организовать посты охраны, чтобы никто на этаж горкома партии пройти не смог.

— Это сделаем. Но если что-то в Москве поменяется, нам с вами не сносить головы, — только и сказал седой полковник милиции.

— Если за ночь ничего не изменится, завтра страна будет жить без КПСС.

— Есть ещё один момент. У первого секретаря горкома партии пистолет имеется, он обычно его в сейфе держит. Он чувствует, что власть уходит, а вдруг пистолет с собой носит? Не дай бог утром, когда его в кабинет постовые не допустят, начнёт оружием перед милиционерами махать. Он ведь привык главным быть, а тут — низложен. А если стрелять начнёт?

— Постовым тоже оружие выдай и проинструктируй: не допускать партийцев в кабинеты в любом случае. Сам тоже, на всякий случай, утром здесь, в моём кабинете, будь.

Чуть позже, уже вечером, Рогозин позвонил Горностаеву:

— Алексей, мне сегодня не уснуть всё равно, давай встретимся и выпьем по рюмашке.

Алексей согласился, и они встретились в одном из ресторанов. Рогозин не хотел, чтобы его видели посторонние, поэтому официант их обслуживал в банкетном зале. Сидеть вдвоём в большом пустом зале было

неуютно, но, выпив, приятели разговорились. Однако Рогозин не открывал истинную причину своего беспокойства, а Алексей настаивать не стал. Когда они расставались, Старый сказал:

— Не могу тебе ничего объяснить, поверь — это государственная тайна, но если вдруг со мной что-нибудь случится, вы с Валерой позаботьтесь о моей семье.

— Давай я парней к тебе приставлю для охраны. Они боксёры, каратисты — одним словом, люди подготовленные, — предложил Алексей.

— Это не тот случай. Завтра позвоню и расскажу.

Но рассказывать Рогозину не пришлось. На следующий день уже к полудню весь город знал, что власть КПСС закончилась. Обошлось без происшествий. Первый секретарь сначала кричал и угрожал «всех сгноить» в тюрьме, но потом утих и отправился домой. Через день ему разрешили взять из кабинета личные вещи и изъяли из сейфа пистолет. Остальные партийные работники вели себя тихо и обречённо. Рогозин впоследствии так прокомментировал эти события:

— В отличие от семнадцатого года наш переворот произошёл тихо и даже буднично. Одним словом, яблоко перезрело и упало, едва к нему прикоснулись.

Алексей эти события встретил с удовлетворением и надеждой. Несмотря ни на что, так называемая социалистическая законность, установленная в стране, сохранялась до последнего времени. Незадолго до низложения КПСС с Алексеем произошёл комичный и в то же время дикий с точки зрения логики случай. Как-то председатель кооператива, его соратник и партнёр Утенов Вячеслав Николаевич, пожаловался своему заместителю Алексею Горностаеву, что скоро у него семейный праздник, а он нигде не может купить хорошего сервелата. Алексей пообещал помочь и поехал на привокзальную торговую базу, где ещё студентом выгружал вагоны и с тех пор у него остались хорошие знакомые из числа товароведов и заведующих складами. На базе, в отличие от магазинов, можно было приобрести много товаров, которые практически отсутствовали в розничной торговле. Он купил у знакомой две палки сервелата, но на пути к месту стоянки машины Алексея остановили два милиционера и попросили объяснить, что у него в пакете. Алексей ответил, что продукты. Милиционеры потребовали показать содержимое пакета, а затем посадили Алексея в служебную машину и отвезли в отделение милиции, где настойчиво требовали объяснить, где и у кого он приобрёл колбасу. Горностаев, возмущённый нарушением всех гражданских прав, потребовал в свою очередь, что разговаривать будет только с начальством. Его провели в кабинет к майору, который предложил задержанному рассказать: у кого на базе он приобрёл колбасу. Алексей потребовал объяснить, на каком основании его задержали и по какому праву милиция хватает людей, идущих по улице, проверяет, что у них в пакетах и требует объяснить происхождение продуктов.

— Предприятия, хозяйства, страну разворовывают — вы этого не видите, а на обычных граждан облавы устраиваете? — возмущался Горностаев.

И тут взорвался майор:

— А я и борюсь с теми, кто разворовывает! В магазине такой колбасы не купишь! Ты где её взял?

— Так надо создать условия, чтобы в магазинах все продукты были, а не население третировать.

— А ты не население. Костюмчик-то у тебя не в сельмаге купленный. Похоже, ты из этих, кооператоров новоявленных. Жируете на шальные деньги!

— Я закон не нарушал, требую немедленно вернуть продукты и отпустить. Я отсюда пойду сразу в прокуратуру.

— А ты никуда не пойдёшь, а поедешь в «кутузку». Если права не перестанешь качать, сейчас понятых приглашу и составлю протокол, что оскорблял представителя власти и ругался матом в моем кабинете. Пятнадцать суток светит.

С таким беспределом милиции Алексей не сталкивался давно. Поэтому заявил майору, обиженному на весь белый свет, что больше говорить ничего не будет. Его отпустили, но колбасу не вернули, сказав, что это вещественное доказательство. Алексей, забрав свою машину, вернулся в офис, обо всём рассказал Утенову. Тот поведал ему свою историю, как его остановили сотрудники ГАИ: он был за рулём машины, а когда он попросил их показать ему свои служебные удостоверения, то они попытались одеть на него наручники и отвезти в отделение. Утенов оказался парнем крепким, и гаишникам пришлось вызывать подмогу. Одним словом, пришлось провести несколько часов в отделении.

— Вячеслав Николаевич, в стране не просто реформы нужны. Всю конструкцию государственной власти менять надо, — подвёл итог их беседы Алексей.

Он ещё раз убедился, что за яркими лозунгами, с которыми жила все годы его страна, скрывается жуткая несправедливость и безответственность власти и силовых структур. Горностаев не стал рассказывать этот случай Рогозину, зная, что у того проблем немало, куда более важных. Но когда через пару лет всё же поведал другу историю с колбасой, тот заверил Алексея, что такие майоры сейчас стали «оборотнями» и «крышами», а чистка органов ещё не начиналась даже. Но всё впереди...

Через какое-то время на работу к Алексею приехал Галанин. Он настоял на встрече, аргументируя это особой важностью. Однако никаких особых разговоров не заводил, а пытался убедить Алексея, что он его друг и что спас его от неприятностей, когда рассказал Иканову о той характеристике, которую впоследствии они похитили из кабинета Горностаева:

— Ты сейчас сам кооператор, должен меня понять. Деньги позарез были нужны. Понимаешь, старшее поколение моей еврейской семьи как-то пренебрежительно ко мне относилось. А с Икановым «финансовый ручей» стабилен и силу набирает. Теперь родственники жены мне не указ, хотя через них я хочу план один отработать.

— В Америку, что ли, собрался?

— Откуда знаешь?

— Так сёстры Ирина и Фая уже несколько лет назад об этом твердили. Только ты сейчас здесь на бабках поднялся. Зачем уезжать? И потом, Ирина уже сомневается, нужен ли этот переезд.

— Что касается Ирки, то в Штатах жену поменяю, если артачиться будет. Знаешь, какая у меня сейчас любовница? Жаль, нельзя её с собой взять! Скоро я тебя с ней познакомлю. Предложение такое: заказываю столик в ресторане, в соседнем городе, и едем вчетвером, прилично отдохнуть. Без лишних вопросов, скажу: четвертой будет подруга моей Инны — красавица неопишная. Только не упрямясь. Давай забудем о делах, бабках, политике. А просто как друзья проведём время вместе.

— У тебя двое детей. Надеюсь, ты о разводе с Ириной сгоряча болтаешь?

— Время покажет.

— Слушай, а как ты собираешься выкачанные из комбината деньги на валюту менять и за рубеж перевозить? Такие суммы тебе не поменяют и с собой взять не позволят.

— Ничего проще. За десятки лет скрытой и открытой эмиграции евреи отработали этот вопрос. Мы свои деньги оставляем в Москве определённым лицам, а в Израиле, по прилёту, у других лиц получаем уже валюту. Как правило, здесь работают обычные родственные связи.

Алексей понял, что Галанин говорит об Америке вполне серьёзно, и, не желая расставаться с бывшим другом, может быть, навсегда, сохраняя в душе обиду, согласился. За последующие полгода они провели несколько вечеров вместе в компании новых знакомых, а иногда и без них. Серёга кутил в ресторанах, нанимал такси на целый день, снимал номера в хороших гостиницах для встреч с Инной. Он изливал душу перед Алексеем и однажды признался, что переезд его семьи состоится буквально на днях. Сначала они едут в Израиль, а уже оттуда в США. Визы в Израиль уже оформлены.

— Слушай, Алексей, ты ведь прав оказался. ОБЭП расследование ведёт по нашему предприятию «Зерно». Одним словом, мне надо срочно уезжать за границу. Иканов, похоже, откупится, у него денег — вагоны, а мне исчезнуть из страны надо. Провожать придёшь?

Провожать Галанина Сергея, его жену Ирину, дочь Арину и сына Савелия пришли многочисленные родственники и друзья. У отъезжающих было невероятное количество сумок и чемоданов, для которых были куплены места в нескольких купе. До Москвы Галанины ехали поездом, далее — самолётом на Тель-Авив. Ирина нашла момент и подошла к Алексею:

— Спасибо тебе за всё. Береги свою семью. Не хочется говорить «прощай». Скажу «до свидания».

Поезд тронулся, но вдруг через минуту со скрежетом остановился. В толпе заволновались: что случилось? Горностаев тихо сказал:

— Наверное, Инна на рельсы легла...

Смысл этой фразы был непонятен для окружающих, а поезд через несколько секунд снова тронулся, и вскоре его уже не было видно.

Через несколько недель Алексею позвонила главный бухгалтер комбината «Зерно». Она истерично кричала в трубку, что Галанин бросил её на съедение органам, что Иканов лежит в больнице, потом уедет на длительное лечение, возможно, тоже за границу. И ей, бедной женщине, придётся держать ответ за все их дела и делишки! Горностаев выслушал стенания несостоявшейся миллионерши и посоветовал вернуть на счёт предприятия хотя бы часть средств, выкачанных через подставные фирмы, созданные вокруг комбината, а самой немедленно уволиться.

— Я получала меньше, чем они, а внести должна одна я? — возмущалась и плакала женщина.

— Если не хочешь в тюрьму, лучше верни, что можешь.

Впоследствии эта дама не рассказывала, как сумела выпутаться из этой сложной ситуации, но всегда поздравляла своего бывшего коллегу Алексея Анатольевича с праздниками.

Часть 3. Испытания

Девяностые годы прошли по стране, принося новое, но одновременно ломая старое с такой силой и жестокостью, что многие люди просто не выдержали этого напора. Они не смогли принять другую, по сути, страну и не смогли найти себя в новом, непонятном для них обществе. Когда началась кампания по приватизации и созданию акционерных обществ и обществ с ограниченной ответственностью, Валерий Захаров не упустил свой шанс и приобрёл контрольный пакет акций шубной фабрики. Конечно, пришлось работать над этим проектом на пару с директором фабрики, но через некоторое время уже немолодой директор понял: лучше, если управлять фабрикой будет такой человек, как Захаров, и передал ему свой пакет акций в обмен на пожизненное членство в совете директоров. К тому времени Валерий развёлся с женой, оставил ей квартиру и начал строительство собственного дома, похожего на замок: с башенками, колоннами и террасами. Внешне Валерий мало изменился: всё такая же крепкая спортивная фигура, густые волосы и большой открытый лоб, но внутренне бывший бабник и ловелас изменился кардинально. Его сейчас интересовали только крупные экономические проекты, и казалось, что сам процесс ему нравится даже больше, чем конечный финансовый результат, ради которого он не жалел ни партнёров, ни противников. У него всегда был свой, особый стиль поведения. Тогда появившиеся ниоткуда бизнесмены подчёркивали свой статус, например, тем, что ездили на пригнанных из-за границы далеко не новых машинах. Причём в машине находилась сопровождающая везде новоявленного бизнесмена яркая девушка, а то и две, в короткой юбке или броской одежде. У Валерия это вызывало улыбку. Сам он снова стал носить дорогие костюмы и ездил на внедорожнике с собственным водителем. Время от времени он знакомился с женщинами, у него в этом никогда не было проблем, а теперь они были готовы сами в любое время запрыгивать в его машину и кровать. Однако он был разборчив и не допускал к себе разукрашенных молодых и не очень особ. Отчасти потому, что был теперь осторожен: знал, что в противостоянии бизнесменов всякие методы хороши. Однажды его знакомому бизнесмену, якобы за удачно проведённую сделку, партнёры решили сделать подарок: привезли за город, в зону отдыха, несколько молодых девушек — на выбор. Довольный бизнесмен выбрал двух девушек, а когда уединился с ними в отведённом домике, откуда ни возьмись нагрянула милиция. Оказалось, девушкам (всем, кого привезли на утеху) не было шестнадцати, а это серьёзная статья. Подстава была явная и грубая, но бизнес пришлось отдать.

Валерий вскоре женился на скромной простой девушке, которая боготворила его и родила очаровательную дочку, а затем и сына.

Свой первоначальный капитал Валерий заработал ещё на строительных «шабашках» и в этом плане был в несколько выигрышном положении, но денег на большие проекты, например, на приобретение крупного завода, у него, конечно, не было. Но судьба благосклонна к смелым и решительным людям. Однажды Rogozin как мэр города пригласил Горностаева и Захарова к себе в кабинет. Вениамин Васильевич был очень озабочен, что московские бизнесмены скупают не только обычную недвижимость в их городе, но и делают попытки купить крупные действующие предприятия, поэтому сделал Захарову предложение:

— На днях будет объявлен аукцион на торги завода «Биоприбор». Надо сделать так, чтобы предприятие досталось местным бизнесменам. Москвичи вывезут самое ценное, остальное пустят на металлолом. Мы, по закону, не можем их не допустить к торгам, но торги надо выиграть «нашим». Впряжётесь?

— Это миллионы. Где их взять?

— На открытых торгах контрольного пакета акций надо предложить самую высокую цену. Сразу нужно внести только 10% от стоимости. Остальную сумму в бюджет города можно внести через два месяца. Вообще срок — месяц, но мы потерпим.

— 10% я найду, но где потом взять остальную сумму?

— «Биоприбор» платит налоги в бюджет города и области, там работают сотни людей. Вы хотите, чтобы всё это пошло прахом? Москвичи камня на камне не оставят от завода. А торги я не имею права не проводить.

Валерий, тебе эти деньги потом не один раз окупятся. Придумаешь что-нибудь. Время будет. Губернатор в курсе. Покупай завод.

И Валерий согласился, кинулся за идеей приобрести завод очертя голову. У него были магазины, шубная фабрика, мелкие предприятия, но о таком заводе он мог только мечтать. Торги Захаров выиграл, назвав на них такую сумму за контрольный пакет акций, что москвичи не решились предложить больше. Но где взять миллионы для оплаты обязательства? Дни и недели пролетали, срок уплаты приближался. Кредит брать бессмысленно: банки требовали в этом случае передать в залог шубную фабрику, но для этого нужно одобрение сделки на внеочередном собрании акционеров. Время будет упущено. Помог случай. Однажды в Москве старые друзья Горностаева, когда в очередной раз он был в столице, познакомили его с адмиралом из Мурманска. Дело было на одной закрытой вечеринке. Валерию было интересно пообщаться с представителем Северного флота столь высокого ранга, и он нашёл повод завести с адмиралом разговор. Уже через несколько минут подвыпивший адмирал жаловался новому знакомому, что президента страны Ельцина совершенно не интересуют российская армия и флот. Через несколько недель адмиралу надо выводить эскадру военных кораблей в море, в автономное плавание, а чем он будет там кормить матросов и офицеров? Служба тыла с ног сбилась, но не может приобрести достаточное количество мясных консервов. Деньги для Северного флота бюджетом выделены, но где взять продукты? В общем, во флотском снабжении абсолютный бардак.

Вернувшись в гостиницу, Алексей из номера позвонил Валере и передал ему суть разговора с адмиралом:

— Представляешь, адмирал готов любые деньги заплатить за три вагона мясной тушёнки. Он так и сказал: «Цена меня не интересует». Ему главное, чтобы эскадра вышла в океанское плавание с запасом продуктов.

У Валерия коммерсанта мозги работали с удивительной скоростью, он сразу оценил ситуацию с выгодой для себя:

— Ты можешь привезти этого адмирала в Градосеверск, под любым предлогом?

— Как я его привезу? Мы знакомы всего несколько часов. Знаю только, что он остановился в гостинице «Метрополь».

— Тогда уговори его задержаться на пару суток в Москве. Я завтра с утра переговорю с директором мясокомбината о покупке необходимого количества консервов, а послезавтра буду в Москве и предложу адмиралу нашу тушёнку, уже от своей фирмы и по другой цене.

Мясокомбинат ещё не был приватизирован, и продукция отпускалась по государственным ценам. На этом и базировалась идея Захарова. Ему не потребовалось больших усилий для того, чтобы обговорить с директором мясокомбината отгрузку трёх вагонов продукции, после чего он сразу же вылетел в Москву. Адмирал, предупреждённый Алексеем о том, что есть человек, который решит его проблему, Захарова ждал. Разговор состоялся, выражаясь протокольным языком, и был продуктивным. Адмирала действительно мало интересовала цена продукции — он согласился заключить договор о покупке тушёнки по цене в десять раз превышающую цену, по которой Захаров через свой кооператив покупал консервы на мясокомбинате. Такие фантастические и парадоксальные сделки были возможны только в девяностые годы. Невероятной маржи по этому соглашению Захарову хватало, чтобы внести оставшиеся девяносто процентов суммы за акции «Биоприбора». Так Валерий Захаров стал владельцем одного из самых значимых заводов города и области. Продукция его от лекарственных препаратов и медицинского оборудования до новейших разработок сверхпрочных материалов пользовалась спросом, и вскоре завод снова стал рентабельным. Московские бизнесмены, не сумевшие приобрести завод на торгах, поняли, что промахнулись, и сделали попытку перекупить завод у Захарова. Приехали с чемоданом денег, которые предложили Валерию как задаток, но он в присущей ему манере объяснил московским гостям, что завод не продаётся, поскольку он, Захаров, народной собственностью не торгует. «Завод принадлежал при социализме народу, и сейчас он не мой фактически, я лишь его сохранить и приумножить должен для людей. — Так объяснился с покупателями Валерий и добавил: — Разговор закончен, в противном случае чемодан денег, который вы привезли, я сейчас в окно выкину, и

собирайте свои купюры по заводскому двору, если, конечно, успеете». Народная молва этот случай разнесла с добавлением эпизода: Рогозин выкинул из своего кабинета, с пятого этажа здания, чемодан москвичей, и они собирали деньги во дворе завода несколько часов. В глазах населения города Захаров на какое-то время стал очень популярной личностью, почти народным героем.

Но это было чуть позднее, а сейчас, здесь, в Москве, после заключения договора с Северным флотом Алексей Горностаев и Валерий Захаров решили отпраздновать сделку. Они сидели в ресторане «Прага», за столом, уставленным дорогими напитками и изысканными блюдами, заказывали оркестру музыку и танцевали с дамами, которые были не прочь провести время с импозантными мужчинами.

— Валера, представляешь, когда я был студентом, мне постоянно не хватало денег, и однажды, будучи в Москве, я вынужден был на Казанском вокзале по перрону таскать чемоданы пассажиров, которые садились на поезд, чтобы не приехать домой совсем без денег. А сейчас сижу в престижном столичном ресторане, многое могу себе позволить. А вообще с Москвой меня многое связывает.

— Ты лучше расскажи, как у тебя Миля поживает? Ты к ней ездешь?

— Нет. Слово жене дал. Стараюсь держать.

Но о Миле он вспомнил снова, придя в гостиницу, и позвонил ей по межгороду, хотел узнать, как учится в школе его подрастающий сын. Миля взяла трубку и сразу стала говорить, что разыскивает Алексея несколько дней. Оказалось, её муж неплохо стал зарабатывать и ведёт себя с ней и Артёмом очень грубо. Недавно побил её.

— У меня синяки на теле. Хорошо, хоть Артёма дома не было. Не хочу с ним жить, но квартира — наша общая собственность. Если даже разведусь, он не уйдёт, и будет издеваться.

— Ты точно решила порвать с ним отношения?

— Да, только боюсь его.

— Не бойся, я не дам в обиду мать моего сына. Выезжаю к вам прямо сейчас.

Он зашёл в номер Валерия, рассказал ему о разговоре с Милей и о том, что выезжает к ней ближайшим поездом.

— Одному тебе нельзя. Мало ли что. Я еду с тобой. За пару суток управимся.

И друзья в ту же ночь выехали в город, где проживала бывшая любовь Алексея. Поезд пришёл утром. Когда они пришли к Миле, её муж уже был на работе. Артём в школу ещё не ушёл и очень обрадовался, увидев отца. Алексей проводил его до школы и встретил после уроков. Они втроём (Валерий остался отсыпаться в квартире) гуляли по городу, а после сидели в кафе. Казалось, все забыли, что у Мили в семье серьёзные проблемы, а когда вспомнили, наступил уже вечер. Возвращаясь с прогулки, они увидели сидящего на скамеечке около подъезда Валерия.

— Почему здесь? А где этот муж-ревнивец? — спросил Алексей

— Всё в порядке, вещи собирает. Я ему дал сорок минут.

— Что случилось? — спросила удивлённая Миля, — Он говорил, что не уйдёт из квартиры и покажет мне все прелести совместного проживания, после развода.

— Получается, передумал. Иногда люди меняют своё мнение.

Муж Мили действительно собрал вещи и ждал машину, чтобы переехать. Оказалось, вернувшись с работы, он увидел спящего на кровати чужого мужчину и начал кричать: «Эта сучка совсем обнаглела и уже приводит

любовников домой! Где она? Я вас обоих урою. Немедленно выметайся из моего дома!» Валерий хотел объяснить, что они с Алексеем приехали поговорить с ним, но взбешённый мужчина не хотел ничего слушать и продолжал оскорблять Милю, Алексея и Валерия. Тогда Захаров спокойно подошёл к нему и отработанным ударом бывшего боксёра «приложился» к продолжавшему орать мужику прямо в лоб. Тот сразу упал и несколько минут не шевелился. Валерий даже испугался: не умер ли, как бы и бил не со всей силы. Но мужик очнулся, Валерий посадил его на стул:

— Твоё счастье, что это я тебя ударил, а не Алексей. Тот может просто убить. Ты руку поднял на мать его сына. Он такое не простит. Значит так: с квартиры исчезаешь, и мы забудем этот эпизод. Если нет, начнём сначала, но уже без разговоров.

Незадачливый муж понял, что этот уверенный и сильный человек, нагнавший на него страху, не шутит, и решил не испытывать судьбу. Когда Алексей, Валерий, Миля и Артём входили в квартиру, тот уже с сумками и чемоданом собирался уходить. Валерий, как человек воспитанный и доброжелательный, помог донести вещи до машины. Алексей же сказал вслед покидавшему квартиру мужу Мили:

— Запомни, если вздумаешь устроить разборки с Милей — мы вернёмся.

В Градосеверск друзья вернулись полные оптимизма и новых планов. Только что закончились девяностые годы, и всё было непредсказуемо. Рэкетирство и бандитизм были обычным явлением, но фирмы Алексея и Валерия не испытали на себе явных наездов. «Ладога» была производственным кооперативом, а рэкету чаще подвергались торговые точки, рестораны, гостиницы, казино и т.д. — объекты, где в обороте были наличные деньги. Фирмы Захарова не трогали по другой причине: все знали, что их хозяин обладает взрывным характером и может сам покалечить незваных гостей или пристрелить. У Валерия, кстати, к тому времени был целый арсенал оружия, причём все карабины и ружья были официально зарегистрированы как охотничье оружие.

Дружба Алексея и Валерия дала трещину совершенно неожиданно. Захаров приобрёл порт в одном из городов на Волге и пригласил на собрание акционеров порта Горностаева, чтобы тот помог в некоторых тонкостях проведения собрания акционеров и работы счётной комиссии. Выехали друзья на мерседесе Валерия ночью, чтобы в десять утра быть в порту. Утром они были уже на берегу Волги, чтобы на пароме переправиться на другой берег, где находилось здание управления порта. Капитан парома, который принадлежал порту, был предупреждён, что прибудет новый хозяин фирмы, и сам встретил машину Захарова, показав, где её разместить на пароме. Когда все машины, стоявшие в очереди, заехали на паром, а пассажиры разместились в трюме и на палубе, паром отчалил от берега. Волга — река особенная, иногда преподносит сюрпризы. Утро и так было пасмурным, а когда судно отошло от причала, туман и вовсе закрыл всё вокруг. Как говорится, ни зги не видно. Из диспетчерской поступил радиосигнал, что все суда, находящиеся в это время на данном участке реки, должны прекратить движение и стать на якорь, что и сделал капитан парома. Но Захаров потребовал от капитана продолжить движение. Он не мог опоздать на собрание акционеров. Капитан попытался объяснить, что двигаться судну нельзя, возможно столкновение, погибнут люди, так как старый паром не выдержит удара. Захаров начал кричать, чтобы тот немедленно начал движение, грозил всеми карами и обещал уволить капитана. Однако старый речник приказал не только бросить якорь, но и заглушить двигатель.

— На берегу Вы вправе поступить, как Вам угодно. Здесь, на судне, главный я, — только и ответил седой капитан.

— Ты ответишь! Ответишь так, что всю жизнь будешь помнить, — уже хриплым голосом проговорил Захаров.

На пароме установилась необычная тишина. Вокруг была белая пелена, которая вместе со зловещей тишиной вызывала жуткое ощущение нереальности происходящего. Люди и машины словно растворились в густом тумане. Так продолжалось не менее часа. Когда туман рассеялся, люди на пароме увидели, что буквально в

нескольких десятках метров от них по курсу движения стоит на якоре гружёная баржа. Если бы паром продолжил ход, столкновение было бы неизбежным. Уже на берегу, в машине, Алексей сказал Захарову:

— Ты что творишь?! Из-за твоей неуёмной горячности десятки людей могли погибнуть. И мы с тобой тоже. Ты не можешь рисковать людьми. Это недопустимо.

— Если бы я не рисковал в своей жизни, у меня ничего бы не было. Бизнес — всегда риск.

— Ты так ничего и не понял? Мы живы все, только благодаря капитану парома.

— Я его уволю. Никто не может перечить мне, когда я отдаю распоряжения. На этом держится мой авторитет и построенная мною авторитарная система управления.

— Твоя система построена лишь для получения дохода. Ты о людях совсем не думаешь?

— Думаю, если они полезны.

Так они не ссорились ещё никогда и остались настолько недовольны друг другом, что, вернувшись из поездки, перестали созваниваться. Впрочем, у каждого из них была своя дорога, и каждый должен был её пройти по-своему.

Годы пролетали, оставляя за собой радости, горести и даже жизни. В семье Горностаевых появилась ещё одна дочка — Маша. За несколько лет успешной работы фирмы «Ладоба» Алексей приобрёл новый круг знакомств. У него появились новые развлечения, например, казино и стриптиз-бары, где отдыхали его партнёры и конкуренты. Старые друзья иногда всё же давали о себе знать. Время от времени звонил из Нью-Йорка Галанин. Первое время он просил узнать, закрыли или нет возбуждённое против него и его «соратников» уголовное дело по комбинату «Зерно», а затем, когда Галанин понял, что можно посетить Россию, которую он покинул более пяти лет назад, и ему за это ничего не будет, объявил, что постарается прилететь на несколько дней всей семьёй. И действительно, вскоре он и его семья прибыли самолётом в Москву, а затем на поезде приехали в Градосеверск. Остановилась у матери Галанина, бойкой старушки, занятой общественной работой в совете ветеранов. Сергей ещё и небольшой номер в гостинице снял, где собрал для встречи некоторых своих приятелей и бывших однокурсников. Алексей, тоже присутствовавший на вечеринке, обратил внимание, что закуски было немного, а водка и вино — дешёвых марок. Сергей много и восхищённо рассказывал о жизни в Америке, о своих успехах и заработках, но когда Алексей уходил из гостиницы, сказал:

— Давай завтра встретимся. Хочется многое рассказать, и, скажем так, непублично.

Они встретились, и Сергей поведал о своей жизни в Штатах. Еврейская диаспора в США помогает всем прибывающим эмигрантам — евреям и их семьям, поэтому поначалу всё было неплохо. Семье Сергея выдали пособие, бесплатно предоставили репетиторов для повышения уровня английского языка, а позднее предложили учиться на машиниста башенного крана. Когда же Галанин сказал, что он ехал в Америку не за тем, чтобы работать на кране, ему предложили на выбор: или он следует всем рекомендациям диаспоры и получает помощь, или он действует по своему усмотрению, но тогда — никакой помощи. Галанин схитрил: согласился, но как только прошло несколько месяцев адаптации и надо было начинать учиться на курсах и потом работать, где определит диаспора, он отказался от услуг еврейского сообщества и решил пробиваться самостоятельно. Кем он только не работал: почтальоном, разносчиком продуктов, таксистом... В конце концов, освоил язык до приличного уровня и теперь работает в солидном учреждении. Дети учатся в школе, Ирина, к сожалению, по специальности работу не нашла и устроилась гардеробщицей в больнице. Они собираются купить дом в пригороде Нью-Джерси, поскольку для еврейских семей это необходимый атрибут. На вопрос о том, что хотел поменять жену в Америке, Серёга ответил честно, что они там с такими сложностями столкнулись, и это их очень сблизило, в общем, никакого развода. Но мечту свою переспать с негритянкой он осуществил и неоднократно. Об этом он рассказывал во всех подробностях, словно это было самым ярким впечатлением от Америки.

Алексей рассказал об общих знакомых, о ком Галанину было интересно узнать. Тот неожиданно для себя сделал вывод, что почти все однокурсники нормально устроились в этой жизни, а некоторые даже значительно продвинулись. Конечно, он задумался: а стоило ли уезжать? Но «поезд уже ушёл». Лиза, жена Алексея, настояла, чтобы была организована программа пребывания Галаниных в Градосеверске, и они снова двумя семьями ездили на машинах по окрестностям, купались в озёрах, парились в бане, ходили в театры и просто гуляли по городу. Прошла неделя, и Галанины собрались возвращаться в США. Снова их провожали многочисленные родственники и знакомые. Через полгода Галанин позвонил Алексею и попросил об одолжении:

— Американская система налогообложения устроена таким образом, что если я кому-то дал денег в долг и на то имеются документы, эта сумма может быть вычтена из налогов, которые я должен заплатить. Ты напиши расписку, что получил от меня несколько десятков тысяч долларов (сумму уточню). Тебе это ничего стоит не будет, а у меня налоги сильно уменьшатся.

Алексей не согласился. В любой момент по расписке можно взыскать всю сумму через американскую или российскую судебную систему. Галанин понял, что его идея не проходит, и несколько лет не звонил Горностаеву. Да и Алексею было не до Галанина. Его партнёр по бизнесу Утенов Вячеслав Николаевич не выдержал давления со стороны Ефименко, который запросил платить ему такой ежемесячный процент от выручки, что не было смысла работать. Поэтому после нескольких лет успешной работы «Ладогу» оставили и Утенов, и Горностаев. Ефименко сбежал за границу, предварительно переведя туда около миллиона долларов целевых бюджетных средств. Счастья ему эти деньги не принесли. Хотя правительство США (он скрывался в Америке) отказалось выдавать Ефименко российскому правосудию, всю оставшуюся жизнь он прожил в одиночестве и страхе. Много лет спустя умер в церковном приюте. Утенов перешёл работать руководителем филиала одного из коммерческих банков, а Алексей — в правительство области. Он сам пришёл на приём к губернатору и высказал желание работать в областных структурах. Его приглашал на работу в мэрию Рогозин, но Алексей понимал, что работать под началом друга будет довольно сложно. Губернатору были нужны новые образованные деловые люди, и у Алексея в очередной раз появился шанс проявить себя, что он и сделал. Он работал в администрации губернатора, возглавлял службу занятости области, затем областное управление государственного имущества. Губернатор был доволен новым членом своей команды и не раз высказывал сожаление, что Горностаев слишком молод, а так — самая подходящая кандидатура на пост губернатора на предстоящих выборах. Сам губернатор в силу возраста не собирался баллотироваться, но и замену себе не готовил. В таких случаях всегда надо ждать «чёрта из табакерки». Но всё это было ещё впереди.

В начале двухтысячных годов в стране продолжался экономический хаос, хотя часть населения надеялась, что из него страна выйдет очищенной, с новым экономическим содержанием. Денег в бюджете области и города хронически не хватало. Рогозин Вениамин Васильевич, мэр города, как только не исхитрялся, чтобы зарплату бюджетникам выплатить. Однажды помогла кампания по борьбе правоохранительных органов с «оборотнями» из полицейских кругов, которые создали организованную преступную группировку, связанную криминальными нитями с московскими полицейскими начальниками. Громкое дело полицейского полковника из Градосеверска было на контроле у ФСБ. Высокопоставленного полицейского арестовали в Москве, изъяв при аресте два чемодана денег. Судить его должны были в Градосеверске, и чемоданы с деньгами, как вещественное доказательство, были доставлены в Градосеверск. Рогозин сумел уговорить министра финансов области, чтобы конфискованные деньги были обращены не в федеральный бюджет, а в бюджет города. Операция была рискованной, тянула как минимум на превышение служебных обязанностей, но Вениамин Васильевич нашёл доводы для министра, и город из конфискованных денег выплатил и зарплату, и отпускные школьным учителям. Это был разовый случай, а деньги городу нужны постоянно.

Как-то к Рогозину приехал Захаров. Оказалось, на него вышли представители одной из стран Латинской Америки, чтобы купить комплекты оборудования, производимого «Биоприбором». Сделка сулила многомиллионную прибыль, но имела скрытые особенности. Такое оборудование имеет двойное назначение и может использоваться не только для спасательных или поисковых работ, но и для уничтожения конкретных

целей, имеющих биологическую природу. Прибор, которым заинтересовались иностранцы, работал по принципу лазера, находя конкретного человека по любому физиологическому или генетическому параметру разыскиваемого. Причём прибор этот не только обнаруживал цель, но мог её уничтожить соответствующим специфическим лучом лазера, который мог иметь любую траекторию направления, не обязательно по прямой линии. Разброс лучей составлял несколько метров, то есть уничтожался не только конкретный объект, но и люди, находящиеся рядом, а также здание, автомашина или самолёт.

— Ты полагаешь, южноамериканцы интересуются как раз этой, второй стороной вопроса? — напрямую спросил Rogozin.

— Не думаю. Откуда они про это знать могут? В предложении к сотрудничеству чётко прописано «оборудование для поисковых и спасательных работ». По сумме валюты таких сделок мы ещё не проводили. Заплатим налоги — городу на многое хватит.

— Допустим, так и есть. Но как быть с таможней? Она может не пропустить такой груз без согласования с Министерством иностранных дел и Министерством обороны?

— Мы не будем согласовывать с этими министерствами. Отгрузим как гражданскую продукцию. Надо просто в Москве к нужным людям обратиться. — И добавил: — Вы лучше, Вениамин Васильевич, поговорите с Горностаевым. У него в Москве связи. Он поможет нам вопрос с таможней уладить. Но на меня он сердит. Надо нас помирить, и дело, думаю, выгорит.

— С Горностаевым я поговорю. Только надо и губернатора предупредить, а то потом скандала не избежать: это непростая сделка.

На другой день Rogozin беседовал с Горностаевым. Тот сначала идеей загорелся, сказал, что нужно время для изучения материала, а через несколько дней попросил встретиться втроем: Rogozin, Захаров, Горностаев.

Собрались в кабинете у мэра. Алексей Анатольевич начал без предисловий:

— То, что вы собираетесь сделать, серьёзной статьёй уголовного кодекса может обернуться. Оборудование, которое запрашивает латиноамериканская страна, имеет двойное назначение. А если они его арабам потом продадут? А если за этим предложением стоят террористические группировки? Конечно, сейчас такие грузы на таможне ФСБ контролирует, и вряд ли у вас что получится, но, если даже всё прокатит, вы не только себя, вы страну подставите под международный скандал. Этого хотите?

— Ты, Алексей, вечно подводные камни ищешь, — возражал Захаров. Какие террористы? Давай упростим ситуацию: одна зарубежная фирма покупает нашу продукцию. Мы больше знать ничего не хотим.

— Но ты знаешь, что эта продукция двойного назначения! Давайте рассматривать не только бизнес-варианты, но и политические последствия. Здесь не деньги считать надо. Мы монополию государства на торговлю оружием нарушаем.

— Пожалуй, Алексей Анатольевич прав, — вмешался Rogozin. — Такой бизнес может крупными неприятностями обернуться. Ты, Валерий Леонидович, предложи латиноамериканским партнёрам подождать, а мы у этого оборудования технические параметры изменим, то есть прибор будет только обнаруживать, но не уничтожать.

— Для этого много времени понадобится, — неуверенно возражал Захаров, — но предложение сделаю.

Много лет спустя они втроем вспоминали этот случай и сошлись во мнении, что тогда, в трудные для страны годы, они «не переступили черту», хотя соблазн был очень велик.

Однажды Алексею позвонили из почтового отделения и сказали, что на его имя пришла срочная телеграмма. Оказалось, умер отец. Алексей и Лиза выехали на похороны, Катю оставили дома. Она училась в средней

школе и дополнительно занималась биологией, танцами, иностранными языками. Родители не захотели прерывать на неделю её занятия.

Мать при встрече рассказала, что перед смертью отец успел сказать ей:

— Передай Алексею, он обещал мне...

Алексей понял, что отец хотел напомнить ему. Сразу после похорон он рассказал жене о своём брате из Мурманска, и добавил, что больше поездку в Заполярье он откладывать не может. Лиза предложила:

— Если нужно, я поеду с тобой.

— Нет, поеду один.

Они вернулись в Градосеверск, и Алексей стал готовиться к поездке. Он верил, что найдёт брата, но очень волновался, ведь они оба давно взрослые. Что даст им эта встреча? Через неделю Алексей на поезде отправился в Москву, а оттуда в Мурманск.

Мурманск его встретил легкой северной прохладой. На привокзальной площади Алексей взял такси и отправился в отель «Арктика». Гостиница оказалась рядом, но словоохотливый таксист успел рассказать о городе, о погоде и сложностях проживания в Заполярье. Алексей устроился в гостинице и в этот же день решил направиться по адресу, который у него был. Там Карпенко не проживали, но Алексею повезло: у жильцов квартиры был домашний телефон Богдана, брата Алексея. Вернувшись в гостиницу, он позвонил. Ответил мужской голос.

— Могу я переговорить с Богданом Карпенко?

— Да, я Вас слушаю.

Много лет Алексей представлял, как и что он скажет брату, но оказалось, всё довольно просто. Богдан выслушал Алексея и сразу пригласил к себе. Их первая встреча прошла в квартире Богдана. Тот приветливо познакомил Алексея со своей женой и дочкой. Галина Михайловна, мама Богдана, проживала отдельно, а сын — в Санкт-Петербурге. Четырёхкомнатная квартира Богдана с высокими потолками и дорогой мебелью находилась в центре города, недалеко от площади Пяти углов. С первого взгляда было видно, что обитатели такого жилья далеко не бедные люди. Весь вечер Алексей пробыл у брата, но настоящий, откровенный разговор у них произошёл на другой день, они встретились в ресторане «Дары моря». Богдан угощал Алексея свежей сёмгой и морскими деликатесами. Официант, обслуживающий их столик, был излишне предупредителен перед Богданом Анатольевичем, что сразу заметил Алексей.

— Похоже, ты заметная фигура в Мурманске? — спросил он брата.

— Скажем, не последняя, а вот заметной в наше время быть небезопасно.

Братья сидели и разговаривали, причём каждый отвечал на вопросы, не торопясь, понимая, что по этим ответам у собеседника будет складываться произведённое впечатление. Постепенно Богдан понял, что Алексей хочет услышать его историю «из первых рук» и рассказал о себе примерно так:

— Я всегда знал, что у меня есть отец, но так его и не увидел. Фотография была, она и сейчас сохранилась. Мама не держала на него обиду, но и других мужчин я около неё долгое время не видел. Она устроила свою личную жизнь поздно, когда я уже был женат. С детства я знал, что могу рассчитывать только на себя, а потому после школы поступил в Мурманское высшее морское училище (теперь оно Академией рыбопромыслового флота называется), на специальность «штурман». Порядки в училище — а я учился в семидесятые годы — были суровые, дисциплина строгая, но зато полное обеспечение и гарантия высоких заработков после окончания училища. Уже со второго курса мы практику проходили на судах рыболовного флота и зарабатывали во время её прохождения хорошие деньги по тем временам. Училище наше — чисто

мужское, а в городе есть пединститут (сейчас университет), где учились в основном девушки, поэтому ничего удивительного, что мы дружили с девушками из пединститута. Я не стал исключением и женился на выпускнице с физмата. После окончания училища ходил в море в качестве штурмана, а затем капитана. Семья моя не шиковала, но жила в достатке, не бедствовала. В девяностые годы вся система рыболовства начала рушиться. Рыболовный флот Мурманска перестал существовать как единая структура. Флот распался на десятки, а может и сотни небольших предприятий, у некоторых из них было всего одно или два судна. У меня был друг Игнат (он женился на подруге и однокурснице моей жены), тоже бывший капитан рыболовного судна, который быстро понял, что надо делать в этой ситуации, и меня научил. Мы организовали две небольшие фирмы, где было по два судна, и начали самостоятельно работать. Но дело не пошло. Оказалось, наша рыба стала никому в Мурманске не нужна, её не хотели брать рыбоперерабатывающие заводы и торговые сети. Мы оказались в долгах. Многие наши коллеги начали выгружать рыбу в норвежских портах. Это позволяло выжить, быть на плаву, но недостаточно, чтобы отработать долги. И тогда Игнат созвонился с партнёрами из Испании, где мы неоднократно выгружали рыбу ещё в советское время. Нам объяснили, что там, в испанском порту, от нас примут любое количество рыбы по привлекательным ценам. По факсу заключили предварительный договор, где было прописано, что три процента от стоимости отгруженной продукции испанцы оплачивают в качестве премии лично Игнату. Остальная сумма перечислялась на счёт фирмы Игната. Такой же договор зарубежные партнёры заключили со мной и моей фирмой. Мы стали ловить рыбу и выгружать её в испанском порту. Месяцами пропадали в рейсах. Когда стояли в порту, принимающая сторона даже небольшой ремонт наших судов производила за свой счёт. Иностранные парт-

-нёры исправно соблюдали договор и платили нам в валюте. Когда я через полгода проверил свой счёт в банке, то ахнул: там была огромная сумма. Хотел сразу много чего купить: новую машину, мебель, квартиру. Но жена — умница, не зря физико-математический факультет окончила, она настоящий аналитик по призванию, объяснила, чтобы я не «светился». Рэкет уже гулял по Мурманску и стране. Мы, конечно, всё, что задумали, приобрели, но не сразу и не соря деньгами. Жена подсказала, что деньги должны быть не на одном счёте, а в нескольких зарубежных и российских банках. Ещё через пару лет она настояла, чтобы мы часть средств потратили на недвижимость. И мы купили две квартиры в Санкт-Петербурге, а затем и дом недалеко от Финского залива. Сейчас у нас уже три квартиры в северной столице, и в следующем году планируем переселиться в Санкт-Петербург. Сын живёт уже там, у него свой бизнес. В море я теперь не хожу, но свой процент имею, правда, он стал несколько ниже, приходится делиться с новыми капитанами судов. Но нам вполне хватает.

А Игнат выбрал другой путь. Когда у него появились большие деньги, он начал их вкладывать в новые бизнес-проекты. Взял в аренду складские помещения и приобрёл портовый кран. Часть грузов, которые проходили через Мурманский порт, выгружалась и отгружалась через его площадки. А это уже очень большие деньги. Игнат стал известным в городе спонсором, начал дружить с губернатором. Несколько раз в год с семьёй уезжал в Европу, где они жили в шикарных отелях, брали напрокат дорогие автомобили и яхты, совершая разного рода путешествия по европейским странам. В Мурманске Игнат попытался при поддержке губернатора заняться политической карьерой, но уже был известен как один из самых богатых людей Заполярья, а богатых у нас не любят, и политическая карьера не сложилась. Зато на его званые вечера приезжала вся элита города. Ему приходилось общаться и с серьёзными людьми из криминала, видимо, приходилось чем-то делиться с ними, иначе ему бы не позволили так развернуться. Одним словом, Игнат вёл себя так, словно держал Бога за бороду. Но однажды всё закончилось. Он привык сначала к дорогим алкогольным напиткам, а затем и просто к алкоголю. Вскоре уже не мог контролировать свой бизнес, и окружение в его фирмах начало воровать по-крупному. Игнат несколько раз пытался «завязать», но хватало его ненадолго. Он стал злым, нетерпеливым и раздражительным. Фирмы быстро обрастали долгами. Однажды Игнат, выйдя из очередного запоя, решил образумиться и ехать лечиться, то через неделю трезвой жизни у него обострились всякие болезни, и вскоре он умер. Все считали, что семье достанется крупный капитал, бизнес, недвижимость. Но всё оказалось не так. Фирме, в которой он был единственным учредителем, кредиторы выставили крупные финансовые требования, и наследникам пришлось подписать добровольное соглашение о передаче фирмы кредиторам. Вилла в Крыму, гордость Игната, оказалась оформлена на одного

из его друзей, который неожиданно уехал за границу и не выходил на связь. Личной автомашины «Мерседес» не оказалось в гараже, Игнат выдал доверенность на право управления собственному водителю, а тот попал в крупную аварию, и машину было уже невозможно восстановить. Элитную квартиру в центре города опечатали судебные приставы за долги нескольких фирм, где Игнат был учредителем. В распоряжении семьи остались только трёхкомнатная квартира, которую получили ещё родители жены, и небольшая квартира, купленная на имя сына Игната. Жена Игната, привыкшая к роскошной жизни, сначала была вынуждена продать драгоценные украшения, а затем вспомнить, что она учитель по образованию, и пойти работать в школу. Ей было совсем непросто. Коллеги-учителя не верили, что жена покойного местного олигарха не имеет миллионов, и в один голос обсуждали, что она пришла работать, чтобы показать, как она бедна и несчастна. В этой ситуации её не бросила лишь бывшая однокурсница — жена Богдана, она брала подругу, оказавшуюся в сложной жизненной ситуации, на отдых и другие поездки, чтобы отвлечь от свалившихся проблем.

Возможно, мне на пользу пошло, что я воспитывался без отца. Своих детей тоже старался не баловать, считаю, что если человек с детства привыкает жить на всём готовом, ничего путного из него не получится.

— А чем сын занимается?

— Всё очень непросто. Но расскажу, может, собственного сына уберёжешь от подобных деяний. Я уже говорил, что привил сыну мысль: хочешь иметь собственные деньги — учись зарабатывать. И он усвоил. Когда учился в университете, организовывал через автобазы перевозки товаров с юга России в Мурманск и Санкт-Петербург. В этом не было ничего плохого. Но в конце девяностых годов начал ездить в Прибалтику и Центральную Европу, особенно ему нравилась Германия. Одним словом, сын с такими же как он приятелями приезжал в европейскую страну, там они находили человека их низших слоёв общества и оформляли на него кредит. Часть кредита использовали на приобретение в аренду просторных помещений, якобы для открытия крупного торгового центра, и устанавливали там банкоматы. Торговый центр никто не собирался открывать, но через официально установленные банкоматы по своим хакерским технологиям успевали снять большие суммы. Самое главное — вовремя покинуть страну. Пока Запад не потерял многие миллионы валюты и не ужесточил выдачу кредитов и оформление банкоматов, русские продвинутые парни в конце девяностых — начале нулевых успели провернуть подобные махинации неоднократно. Сын мне признался, что последнюю поездку пришлось совершать в парике, поскольку за границей везде видеокамеры и он явно на них засветился. У меня с ним состоялся серьёзный разговор. Я предлагал ему крупную сумму денег для открытия легального бизнеса в России, но он отказался, сославшись на то, что деньги у него есть и что я сам учил его самостоятельности. Взял с него слово, что больше мошенничества не будет. Жена моя о подобных бизнес-проектах сына не знает. Надеюсь, и ты не поделишься этой информацией во вред нашей семье. Да и вряд ли сейчас можно что-либо доказать. Ты лучше расскажи о своей жизни.

— Я сейчас чиновник. Но бизнесом тоже занимался, правда, у меня всё было гораздо скромнее... — И Алексей тоже откровенно рассказал историю своей жизни.

Ещё два дня он пробыл в Мурманске. Богдан показывал ему сопки, «Долину уюта», порт, причалы, мурманские длинные пешеходные лестницы и современные улицы с магазинами и ресторанами. Расставались они родными людьми, ведь у каждого из них был только один брат.

Нулевые, так называли годы первого десятилетия нового века, набирали стремительный ход, но не сразу страна освободилась от наследия девяностых. Приближались губернаторские выборы, и надо было определяться с кандидатурой на пост губернатора. Ещё за полгода до выборов в Градосеверске сложился некий пасьянс из кандидатов. В нём была и кандидатура Рогозина Вениамина Васильевича. Он работал мэром достаточно долго, сумел удержать позиции города в самое смутное время, и политологи области считали его реальной кандидатурой. Кроме Рогозина, на должность губернатора претендовало ещё несколько человек: генерал в отставке, местный бизнесмен, партийные выдвиженцы и депутат Государственной Думы. Рогозин собрал ближайший круг соратников, где самыми авторитетными были Валерий Захаров и Алексей Горностаев. Надо было определиться с ведением избирательной кампании и назначить ответственных лиц за

конкретные направления. На совещании решили, что Захаров отвечает за финансовую составляющую кампании, а Горностаев возглавит избирательный штаб кандидата Рогозина. Действующий губернатор даже обещал отпустить Горностаева на время предвыборной кампании в двухмесячный отпуск. За несколько дней перед регистрацией в кандидаты Рогозин пригласил друзей к себе.

— Ситуация сложилась так, что мы сами можем в дальнейшем определять ход развития области. Давайте договоримся: результаты могут быть, только если вся команда будет едина. Проследите, чтобы люди из нашего окружения были подобраны заранее, и они в дальнейшем могли работать в первую очередь на общество, на результат. Если это получится, никто в материальном плане ущемлён не будет. Сейчас самое главное — правильно провести избирательную кампанию. Если выиграем, сами выберете должности в правительстве. Кроме первого зама, его я назначу сам.

Поскольку они собрались узким кругом, Алексей посоветовал Рогозину как можно реже употреблять спиртное:

— Вы, Вениамин Васильевич, последнее время чуть ли не каждый день выпиваете. С этим надо заканчивать. Журналисты в своих статьях превратят нашу команду в залихватских собутыльников.

Рогозин спорить не стал, сослался только на висящие годами проблемы и заботы. А тут ещё выборы...

Официально предвыборная кампания ещё не началась, но Горностаев уже почувствовал некое неприятие им правил игры. Как-то раз к нему в кабинет зашли два знакомых бизнесмена с обычными пластиковыми пакетами, которые были наполнены денежными купюрами. Они поставили пакеты на стол Горностаеву со словами:

— Это наш взнос в избирательную кампанию Рогозина.

— Подождите, деньги нужно вносить на специальный счёт в банке, — пытался возражать Горностаев.

— Нет, светиться мы не хотим. Никаких банковских переводов. Мы как бы вообще в кампании не участвуем, но если выиграете, надеемся, не забудете о нашем добровольном взносе.

— Ладно, пусть так, но финансовой стороной дела у нас занимается Захаров.

— Алексей Анатольевич, мы пришли сюда, потому что доверяем Вам лично. О нашем визите никто кроме Вас и Рогозина знать не должен. Деньги вам понадобятся на избирательную кампанию. А Захаров — он бизнесмен до кончика ногтей, и у него свой принцип использования денег.

После ухода бизнесменов Горностаев позвонил Рогозину, рассказал о визите предпринимателей, а потом спросил:

— И как нам эти деньги сейчас оприходовать?

— Не надо ничего оприходовать. Захаров приедет — заберёт. Нам понадобятся и наличные деньги. Скажем так, резерв на непредвиденные расходы.

— Да, но это крупная сумма.

— Вот и замечательно. Без денег выборы не выигрываются.

Когда приехал Захаров, Алексей только и сказал:

— Вы там осторожнее с наличными деньгами. Это большое нарушение.

— Алексей, нам надо с разными людьми сотрудничать. Некоторым из них надо просто дать денег. Сейчас по-другому дела не делаются.

С тяжёлым сердцем возвращался Алексей домой. Получается: они (команда Рогозина) идут во власть, чтобы изменить ситуацию в обществе, а действуют такими же методами, которые сами же хотят искоренить: подкуп, взятки и т.д.

Но много времени для переживаний конкуренты по избирательной кампании не дали. Они решили вывести Рогозина, как основного конкурента, из игры. Сначала со стороны представителей другого претендента — бывшего прокурора — были предложения Алексею Горностаеву и Валерию Захарову перейти в их лагерь, а когда те заявили, что не намерены уходить от Рогозина, стали применяться другие методы.

Однажды вечером Алексею позвонила Миля:

— Артём дома не ночевал. На сотовый не отвечает. Он бы обязательно предупредил. Ему шестнадцать лет, он знает, что я буду беспокоиться, и всегда, когда задерживается, предупреждает.

— В больницы звонила?

— Да, даже в морг. — Миля заплакала.

— Иди в полицию, а я выезжаю на машине с водителем.

Лиза, когда Алексей ей сообщил о случившемся, сказала:

— Я почему-то думаю, что пропаша Артёма связана с выборами. Ваш соперник, кандидат в губернаторское кресло, бывший прокурор и одновременно бывший депутат Госдумы, фигура ещё та. Один мой пациент, которого мы с того света вытащили, рассказывал по секрету, что этот бывший прокурор с криминалом связан и с большими людьми в Москве. Я не стала тебе об этом рассказывать, ведь слухов много всяких ходит, и о вашей команде тоже.

— Мне надо выезжать. Поеду на служебной машине с водителем. Только Сидору позвоню. А ты детей из дома не выпускай.

Сибирский приятель молодости Сидор несколько лет назад нашёл Алексея и переехал в Градосеверск. Он сумел оставить криминальный мир, но определённые связи остались. Они виделись нечасто, но Алексей знал, что на него можно положиться. Сидор всё понял и сказал, что поедет с Алексеем. Тот позвонил водителю, и они выехали. В дороге Алексей звонил начальнику полиции Градосеверска, чтобы тот связался с полицией города, где жила Миля, а Сидор звонил по своим каналам. Но всё закончилось благополучно. Когда Алексей и Сидор входили в квартиру Мили, Артём уже был дома. Он рассказал, что, когда возвращался из школы, к нему подошли двое крепких мужчин, показали удостоверения полиции, посадили в машину. Потом надели наручники, завязали глаза и отвезли за город в какой-то большой деревянный дом. Его не били, ничего не спрашивали, кормили, а, продержав чуть меньше двух суток, снова завязали глаза и отвезли на окраину города, где и оставили со словами:

— Отцу передай, что в следующий раз ты не вернёшься.

Алексей отвёз Артёма в полицию, где он всё рассказал, а когда они возвращались, предупредил:

— Журналистам ничего не рассказывай. Лучше с ними совсем не общайся. Я подумаю, что дальше делать. Наверное, вам с мамой на время из города надо будет уехать. Подберём приличный санаторий или в Низольск уедете.

Вернувшись в Градосеверск, решили, что во время предвыборной кампании дочерей Катю и Машу отвозить в школу и забирать оттуда будет Сидор. Остальное время они тоже должны быть под присмотром. Артёма Миля отвезла в Низольск, где он временно будет ходить в местную школу. Елизавета Ивановна также настоятельно рекомендовала Рогозину и руководящему составу его предвыборного штаба пройти медицинское освидетельствование и, в первую очередь, сдать анализы. Когда Алексей сдавал на анализ кровь

из вены, то медсестра поликлиники долго не могла попасть ему иглой в вену, поэтому пригласила другую, более опытную медсестру. Алексею пришлось подождать вместе с ещё одним пациентом, у которого были такие же слабые вены, но в итоге анализы были сданы. За результатом он пришёл через два дня. Девушка в регистратуре взяла его медицинскую карточку и сразу провела к доктору. Тот посмотрел результаты анализов и сказал Алексею, что у него онкология. Тот в растерянности спросил, что теперь делать? Доктор лишь покачал головой: наука и медицина пока не имеют лекарства от рака.

— Если это произойдёт, то человеку, придумавшему лекарство от рака, присудят Нобелевскую премию. Пока могу только сказать, что Вам надо в первую очередь привести в порядок собственные дела.

Вечером Алексей всё рассказал жене. Лиза смогла взять себя в руки и объяснила, что доктор не имел права говорить такое пациенту.

— Даже если всё так, мы будем бороться! Сейчас медицина продвинулась в этом направлении.

Но было видно, что она едва сдерживает слёзы.

Следующий день прошёл в суматохе. Лиза созванивалась с коллегами, консультировалась, а Алексей поехал к Рогозину: надо было решать вопрос о новом руководителе штаба, так как Алексей наверняка не сможет работать в полную силу с таким диагнозом, в первую очередь, по психологическим причинам. Рогозин согласился и сказал, что лично поднимет всех медицинских светил на ноги, чтобы помочь Алексею. Алексей пребывал как будто в другом измерении. Внешне в окружающем мире ничего не изменилось, но он трезво оценивал ситуацию и понимал, что всё так и останется, только без него. У него не было паники и депрессии, а была некая аура философии сознания, которая подсказывала, что надо простить всех недругов и попытаться успеть сделать неотложные дела. Он видел, как вечером жена украдкой вытирала слёзы, понимал, что она переживает, но сделает всё возможное, чтобы победить его болезнь. Через два дня Елизавета Ивановна отвела мужа в свою больницу, где он повторно сдал анализы. И чудо: результаты показали, что у Алексея всё в норме. Она повела его в другую клинику, платную, и он ещё раз сдавал кровь, и снова — хороший результат. Объяснение могло быть только одно: в поликлинике, где Алексей первый раз сдавал кровь, перепутали пробирки.

На следующий день Горностаев поехал в штаб и увидел удручающую картину. В большой комнате стоял накрытый стол, на котором было множество алкогольных напитков и разнообразная закуска. Все, кто приезжал или заходил в штаб, подходили к столу, выпивали, закусывали, уходили и снова возвращались. В комнате находились редактор газеты, организованной на время выборов и финансируемой Захаровым, глава одного из районов области, произносящий тосты за будущего губернатора Рогозина, главный режиссёр драматического театра, директор филармонии, два мелких бизнесмена и два доверенных лица кандидата в губернаторы. Горностаев зашёл в кабинет Рогозина:

— Что здесь происходит? Вам, Вениамин Васильевич, надо по районам ездить, перед людьми выступать, а вы с пустобрехами и прихлебателями приалкашиваете.

— Угомонись, Алексей Анатольевич! Давай лучше выпьем за твоё чудесное выздоровление. А может, и болезни не было? Ты, случаем, не повод искал, чтобы оставить нас и поставить на другую лошадку?

— Веня, это не смешно. Через пару дней из Москвы представитель президента страны приезжает, чтобы на месте оценить обстановку и доложить в Кремль, кто способен не только выиграть выборы, но и управлять областью. Ты, надеюсь, понимаешь, кого Москва поддержит, у того и будут реальные шансы на победу.

— Так я на тебя рассчитывал, думал, что основные переговоры с кремлёвским посланцем вместе проведём, А ты где? Почитай вот газеты. Пишут, что ты оставил команду Рогозина потому, что не веришь в его победу.

— Если надо, я вернусь в команду, пусть неформально. Интервью для телевидения запишем. Программу надо обнародовать, и, самое главное, тебе надо каждый день перед избирателями выступать. Шанс ещё остаётся. Только тебе надо с пьянкой заканчивать. Пресса соперников только и пишет о твоих возлияниях.

В порыве полемики Горностаев перешёл на ты с Rogozinym, но тот этого как бы даже не заметил. Да и друзья ведь они.

— Смотрю, тебя нравится указания раздавать, а сам в стороне остался. Как-то всё у тебя хорошо складывается. Сына похитили и отпустили, рак объявился и исчез. Может, у тебя это всё продумано было?

— Ты сейчас думаешь, что говоришь? Давай так: образумишься — звони. Приду и всё, что могу, сделаю.

Но около Rogozina сформировалась уже группа людей, не желающая видеть рядом с их лидером Горностаева. Rogozin не позвонил, но приехал Захаров, который уже понял, что кампания проиграна, и пытался вывести часть денег из избирательного фонда, чтобы сохранить их для «будущего бизнеса» Rogozina, ведь тот гол как сокол.

Через много лет, когда друзья анализировали причины их проигрыша, они так и не пришли к однозначному выводу, почему проиграли. Может, хитрые схемы их соперника сработали или его засланные казачки в команде Rogozina постарались, а может, просто было не их время. Особых переживаний по поводу неиспользованного шанса не было. Каждый снова пошёл своей дорогой. Rogozin оставил мэрию, политику и открыл две заправочные станции. Текущие вопросы там решал директор фирмы, назначенный Rogozinym как единственным учредителем, и у бывшего мэра было достаточно времени, как он выражался, «отдохнуть от проблем и забот за годы работы на руководящих должностях». Горностаев тоже оставил службу в республиканских структурах, хотя не сразу. Ему снова дали время подумать. Новый губернатор, бывший прокурор и депутат Государственной думы, лично беседовал с Горностаевым. Говорил якобы откровенно:

— Я пришёл в область надолго и пришёл для того, чтобы заниматься экономикой. Здесь есть ресурсы, чтобы бизнес приносил огромную прибыль, и не какую-то обезличенную, а лично для меня. Мне нужен такой аналитик и практик, как Вы, Алексей Анатольевич. Будете иметь многое, если не всё, но работать надо на меня. Личная преданность — необходимое условие.

Горностаев поймал себя на мысли, что уже слышал нечто подобное. Для приличия, чтобы не навлекать на себя гнев нового губернатора, он ответил: ему нужен отпуск, чтобы уладить семейные дела и подумать над лестным предложением. На самом деле он для себя уже решил, что уйдёт со всех должностей и из политики тоже. У него было достаточно связей, опыта и энергии, чтобы открыть независимую фирму, которая будет заниматься консалтингом и юридическими вопросами, но он знал, что делать это надо, не вызывая раздражение новой власти. Это было непросто, так как люди губернатора старались контролировать всё, что приносит доход, но всё же фирма была зарегистрирована и приступила к работе. Алексей взял в аренду не отдельно стоящее помещение, чтобы не бросаться в глаза, а несколько комнат в офисном здании. В таких случаях, как правило, люди губернатора обязывали производить «добровольно-принудительно» отчисления в различные специально созданные фонды владельцев здания, а не мелких арендаторов, в среде которых и пытался затеряться Горностаев. Больше всех «досталось» от новой власти Захарову. Его пригласил губернатор и сразу предложил своеобразное «сотрудничество», которое заключалось в том, что Захаров отдаёт контрольный пакет акций завода «Биоприбор», а взамен остальные фирмы Захарова получают возможность беспрепятственно работать в области. Им как бы дают зелёный свет. Захаров твёрдо сказал:

— Нет!

— Вы, Валерий Леонидович, наверное, ещё не знаете, что такое каток государственной власти. Если будете упорствовать, Вас просто раскатают. Здесь будет так: кто не со мной, того здесь нет.

— Не пугайте, пуганый. Я свой бизнес с нуля начинал, а когда окреп, ни бандитам, ни ркетирам, ни ментам был не по зубам. Налоги я плачу исправно, какие ко мне претензии со стороны власти?

— Вы, кроме налогов, немалые суммы тратите на благотворительность, даже персональные пенсии выплачиваете заслуженным, но бедным местным актрисам. Мы о Вас многое знаем. Будет лучше, если Вы свою деятельность мецената с нами согласуете. Мы подскажем, кому помогать. Забота о социальной сфере — наша прерогатива.

Вот здесь, что называется, «нашла коса на камень». Захаров отказался от всех предложений губернатора, цель которых была очевидной: надо делиться. И для него наступили трудные времена. Часть бизнеса, например, речной порт он перевёл под юрисдикцию соседнего региона, другую часть — крупные магазины — пришлось закрыть из-за постоянных проверок различных контролирующих структур. Завод «Биоприбор» и вовсе какое-то время вынужден был простаивать, и только крупный заказ от Министерства обороны помог ему выйти из трудного финансового положения. Захарову пришлось увеличить штат юристов: теперь с ним судились юридические и физические лица по любому поводу.

Однажды он приехал к Горностаеву и, рассказав о сложившейся ситуации, предложил:

— Надо создавать фирму, которая имеет право быть держателем акций акционерных обществ. Иначе в этой сфере всегда можно найти повод для обжалования в суде того или другого количества акций у конкретных акционеров. Возьмись за это дело, организуй, и пусть у нас будет независимая фирма-регистратор.

— Лицензия для такой фирмы стоит 50 миллионов. Пятьдесят миллионов! И плюс людей надо обучать, чтобы у них были квалификационные аттестаты для занятия регистраторской деятельностью на рынке ценных бумаг.

— Людей сам подберёшь и направишь на обучение. А с финансами я разберусь. Не только мои фирмы будешь обслуживать, но и другие акционерные общества. Многим бизнесменам нужна гарантия безопасности хранения и ведения ценных бумаг. Они будут к тебе обращаться, а мы им условие выставим: надо помочь с оплатой за лицензию. Одним словом, малой кровью обойдёмся.

— Валерий, имей в виду: деятельность регистратора строго регламентирована. Здесь непозволительны любые вольности или особые трактования. Регистратор не может идти на поводу у руководителей акционерного общества. Я твои замашки знаю, ты далеко не святой, поэтому сразу предупреждаю: в деятельность регистратора не влезай. Передаёшь реестры акционеров регистратору, а дальше — всё только согласно закону.

— Я и хочу «по закону», чтобы люди губернатора не смогли ничего предпринять с реестрами акционеров. Хотя, если откровенно, ты о законе говоришь, а власть сама творит беззаконие. Может, оппозицию создадим, газету выпускать будем, глядишь, и свалим этого бизнесмена в политику.

— Думаю, это сейчас не прокатит. Он только во вкус власти входит. На корню уничтожит любую оппозицию. Ты аккуратнее в высказываниях на публике. Видишь, как получается: мы даже в девяностые годы такого наглого давления и шантажа не испытывали, как сейчас.

Друзья ударили по рукам. Алексей с азартом взялся за дело, и через два месяца был зарегистрирован новый регистратор под названием «Альтернатива». Проект получился удачным, и уже через два года «Альтернатива» обслуживала пятьдесят акционерных обществ.

В семье у Алексея всё было благополучно. Дочери выросли: Катя оканчивала институт, а Маша училась в школе. Елизавета Ивановна пользовалась признанием и уважением у местного врачебного сообщества, ей было присвоено звание «Заслуженный врач России». Отпуск семья старалась проводить вместе. Они могли себе позволить провести его за границей. На этом благополучном фоне весть о том, что умерла Миля, казалась нереальной. В последние годы Алексей даже не звонил ей. Сын Артём учился в высшем военном училище в Санкт-Петербурге и сам приезжал в отпуск к отцу. У них сложились пусть не особо тёплые, но добрые отношения. Артём позвонил, сказал, что мамы больше нет, и он выезжает на похороны. Алексей предложил Лизе поехать на похороны вместе, но та ответила:

— Поезжай один. Это часть твоей жизни. Простись, как положено. Я никогда не держала на неё зла. Она была такой, какой была. Артёму скажи: он нам родной. У него сейчас никого не осталось, будь с ним добрее. Он хоть и будущий офицер, но юноша ранимый и впечатлительный. Это, видимо, от тебя передалось.

После похорон, когда Алексей вернулся в Градосеверск, ему сообщили, что о нём спрашивал губернатор. Новость эта совсем не обрадовала Горностаева, но и отказаться от встречи он не мог. Однако принял его не сам губернатор, а его первый зам, который и рассказал о сложной схеме, придуманной губернатором по одному из предприятий региона. Предполагалось, что сначала на этом предприятии проведут дополнительную эмиссию, и вновь выпущенные акции приобретёт конкретное лицо, у которого и будет контрольный пакет акций, а затем этот пакет акций будет продан за условную сумму одному из родственников губернатора. Горностаева, как практика-профессионала, просили дать оценку эффективности и законности такой схемы, а заниматься её осуществлением будут юристы. Горностаев дал пояснения, а потом ещё несколько раз консультировал по телефону первого заместителя главы правительства. Первый зам в свою очередь передавал результаты разговоров губернатору, и тот уверовал, что Горностаев действительно разбирается в сфере рынка ценных бумаг как никто другой в городе. Пару раз он, недовольный работой своих юристов, орал на них и требовал:

— Если вы тупые и несведущие в этих вопросах, найдите Горностаева. Пусть он вам всё объяснит. Только тогда зачем вы мне нужны?

А однажды и вовсе решил реестры нескольких акционерных обществ, ему подконтрольных, передать «Альтернативе» на обслуживание. Горностаев не стал отказываться, но поставил условие: все последующие сделки проводятся в строгом соответствии с законом. Губернатор снова кричал, но теперь уже в адрес Горностаева: «Кто он такой? Что он себе позволяет? Ставит условия главе региона? Закрыть его «Альтернативу»!

Надо отдать должное юристам администрации губернатора, которые объяснили, что регистратор подотчётен федеральным структурам, просто и быстро закрыть его не получится. Нашли компромиссный вариант: пригласить Горностаева к губернатору. Встреча эта имела для губернатора смысловое значение. Горностаев сумел убедить руководителя области, что проводить сделки с акциями с нарушениями невыгодно никому, и в первую очередь, самому губернатору. Через несколько лет, когда губернатора сняли с должности, а потом и судили за должностные преступления, в сделках по ценным бумагам не нашли состава преступления. Горностаев давал в суде показания в качестве свидетеля и признал, что губернатор прислушивался к его рекомендациям и не допускал явных нарушений при операциях с ценными бумагами. Губернатора осудили за получение взяток, но пункта о махинациях с акциями не было в приговоре. Это привело в ярость Захарова:

— Алексей, ты покрываешь вора и взяточника. Он мой бизнес больше десяти лет уничтожил. Я потерял так много, что уже никогда не смогу вернуть. А ты на суде выгораживал его?

— Нет, Валерий, я его не выгораживал. Я говорил правду. К остальным эпизодам я отношения не имею, а что касается акций, все операции, проводимые «Альтернативой», были оформлены в соответствии с законом. Ты знаешь мои принципы. Я думаю, он мне признателен, что я уберёг его от более сурового наказания, но не в зале суда, а тогда, несколько лет назад, в его губернаторском кабинете, когда убеждал не нарушать соответствующие инструкции.

— Ладно, я по другому поводу. «Биоприбор» вновь понадобился государству. К нам на завод важный генерал со свитой из Министерства обороны приезжает. На заводе часть цехов простаивает. Надеюсь, генерал с толковыми предложениями едет. Надо встретить как полагается. Соответствующие распоряжения я уже дал по приёму и застольям, а ты можешь принять участие в переговорах? Побудь на деловых переговорах и на банкете, потом свою оценку дашь.

— Так не первый раз из Москвы к тебе на завод военные чиновники приезжают. Ты их встречаешь, поишь, кормишь, возишь по разным охотничьим угольям и базам отдыха. Они обещают рассмотреть вопросы, и... забывают.

— Этот генерал, мне кажется, из другой серии. Но давай посмотрим. Завод надо возрождать. Обстановка в мире напряжённая. Военные заказы снова востребованы.

Переговоры были непростые. Генерал обещал заказы от военного министерства, но предлагал Захарову передать 51% акций государству в лице Мингосимущества. Захаров в отдельной комнате разговаривал по этому поводу с Горностаевым:

— Слушай, почему все пытаются отобрать у меня завод? Московские бизнесмены с чемоданами денег, бывший губернатор-прохвост, теперь генералы из министерства контрольный пакет просят продать по минимальной цене.

— Валерий, если хочешь, чтобы завод работал, надо с министерством сделку заключать. На одной гражданской продукции завод не вытянуть. Станки и оборудование, ты сам говорил, уже морально устарели. А военные, если у государства контрольный пакет будет, новое оборудование поставят и заказ на продукцию обеспечат.

— Я уже не буду полноценным хозяином завода. Если соглашусь, останется 25 процентов акций.

— Но ты сохранишь завод, а людям — рабочие места. А на свои оставшиеся 25 процентов акций дивиденды приличные получать будешь.

— Заказ можно разместить и без передачи акций. Что мешает?

— Страна стала другой. Путин олигархов построил равноудалённо и чиновников заставляет считать бюджетные деньги. Акции «Биоприбора» государству нужны для гарантии того, что ты будешь соблюдать все сроки и объёмы поставок, завод не будет перепрофилирован без ведома министерства, и что любую причуду твою на корню можно пресечь.

Но Захаров согласился не сразу. Он с Горностаевым поехал к Рогозину, который жил с женой в небольшом загородном доме. Друзья, виски которых уже стали седыми, сидели в беседке, пили домашнее вино и вспоминали дни юности, затем восьмидесятые, девяностые и нулевые годы. Идёт второе десятилетие нового века, а проблем меньше не становится. У всех троих взрослые дети, подрастают внуки, а им, как и тридцать лет назад, приходится обсуждать и решать задачи, от которых зависит не только их собственная жизнь и судьба. Постепенно они перешли на темы судеб каждого из них.

— Вот ты, Алексей, — говорил Валерий, — в жизни старался балансировать, явно не нарушая людские и божеские законы. Тебе это много добра принесло?

— Я небедный человек, если ты про деньги, но и не такой богатый, как ты. А сам ты счастлив со своими заводами, портами, пароходами и кучей денег?

— Кучи денег как раз нет. Всё в деле. А насчёт счастья? Иногда кажется, если бы можно было вернуться в ту советскую эпоху, когда мы были студентами и молодыми специалистами, я, не задумываясь, отдал бы все фирмы и шагнул туда, где всё было понятно, не надо было врать и ловчить, крутиться и выкручиваться. Теперь молодёжь только о деньгах думает. Я одному такому молодому человеку говорю: давай я тебе дам денег, сколько хочешь, но с условием, что ты мне их вернёшь через три года, а всё, что через них заработаешь, твоё. Он говорит: а зачем мне работать, если у меня деньги будут? Лучше Вы мне дайте меньше, но чтобы не возвращать. Второму предлагаю: скажи, куда потратишь много денег, если я тебе их подарю. Он говорил о машинах, домах, яхтах, девках и прочих своих потребностях. Если бы он сказал, что отремонтирует дорогу на кладбище, построит спортивные площадки или церковь, я бы знал, что новое поколение лучше и чище нас. А

нет! Мы деньги делали не только ради себя, только они этого не понимают. Только и тебя, Веня, я не понимаю. При власти был столько лет, мог бы дом и побогаче иметь.

— Валерий, это ты не видишь смысла жизни без получения дохода, а для меня власть не была средством к богатству. Это нынешние чиновники глупостью считают жить на одну зарплату. Но давайте вернёмся к «Биоприбору». Выбора нет: чтобы сохранить завод, надо с государством сотрудничать.

— Это не сотрудничество. Я патриот, и страну свою люблю, хотя, сами знаете, от власти всякого натерпелся. Только, если я лишусь контрольного пакета акций, меня в любое время от руководства заводом отстранить можно.

И всё же Захаров был реалистом и понимал, что в данной ситуации лучше лишиться контрольного пакета, чем ждать, когда заводская продукция перестанет быть востребованной. Слишком много сил он потратил на этот завод, и не мог допустить, чтобы, как многие другие заводы, известные ещё в советское время, «Биоприбор» перестал существовать. Он сделал свой выбор, передал пакет акций, но остался в совете директоров предприятия. Завод фактически ему уже не принадлежал, но в городе всё равно навсегда осталось неформальное название завода «Биоприбор Захарова».

Жизнь продолжалась. Друзья время от времени собирались втроём, делились не только текущими новостями, но и воспоминаниями. Однажды вспомнили о Теплянове Вадиме. Алексей рассказал его историю. Теплянов в девяностые годы неоднократно приезжал в Градосеверск и при встречах с Алексеем всегда сетовал, что, будучи студентом, он, считай, был отличником, а Рогозин и Захаров никогда не были лучшими в учёбе, а теперь один занимает важный пост в городе, а другой — известный предприниматель. В то время как он, Теплянов, работает преподавателем в районном техникуме и получает совсем незавидную зарплату. Алексей тогда посоветовал бывшему студенческому приятелю окончить курсы арбитражных управляющих и заниматься банкротством предприятий, выгодным по тем временам делом. Теплянов так и сделал. В Татарии, где он жил, дел по банкротству было много, и Теплянов, быстро освоившись, стал прилично зарабатывать. Его жена сначала тратила деньги на разные покупки и развлечения, а затем пристрастилась к алкоголю. Когда Теплянов начал принимать меры, было уже поздно: жена пила запоями. Он не бросил её, а пытался лечить, но лечение в клиниках давало лишь временные результаты. В этот непростой для него период жизни он познакомился с молоденькой девушкой, которая работала бухгалтером, и у них завязался роман. В конце нулевых пассия Теплянова родила ему дочку, а от законной жены у Вадима двое детей. Они уже люди взрослые и живут самостоятельно. Вадим жил на две семьи: в одной — пьющая жена, в другой — молодая красивая женщина и очаровательная дочка. Если бы Вадим в то время ушёл от жены к любовнице, его бы никто не осудил, даже дети, но он до последнего боролся за жену и... чудо: она после кодирования перестала пить. Через несколько месяцев трезвой жизни жена стала запрещать видеться Вадиму с маленькой дочкой. Она скандалила, ругалась и грозилась при разводе отобрать половину имущества. Вадим как-то сказал буйствующей супруге:

— Если бы я с тобой несколько лет не возился, ты давно бы сдохла в канаве. А сейчас мне запрещает ходить к дочке?

— Да, запрещаю. Или уходи навсегда, а квартиру оставляешь мне.

Вадиму пришлось развестись со скандалом, оставить квартиру жене и покупать себе другую жилплощадь, где он и живёт сейчас с молодой женой и маленькой дочкой.

Друзья выслушали историю их однокурсника, и Рогозин проговорил:

— Это получается из серии «Не делай добра женщине — не получишь от неё зла».

И тут прорвало Захарова:

— У Теплянова хотя бы выбор был, а бывает, что и выбора нет.

— Это как? — попросил уточнить Rogozin.

— Сын у меня пьёт. Сделать ничего не можем. Рос нормальным парнем. Конечно, мы его не воспитывали в спартанских условиях, но и баловали, казалось, в меру. Окончил институт, женился, внуки у нас замечательные. Я ему дело своё помог открыть, но он в бизнесе долго не продержался. Закрыл я его долги, снова помог открыть фирму и профинансировал, и снова провал. Он сначала втихую пил, а теперь не стесняется ни меня, ни жены, ни детей. Мне его семью приходится содержать. Лечиться он не хочет, говорит, что не алкоголик, а жизнь испортил ему я. То есть, куда он не придёт, ему с порога: «Захаров? А Захаров Валерий Леонидович твой отец?» То есть он жалуется, что его только как сына моего воспринимают, а ведь он — личность, и совсем другая.

— Если у нас сегодня вечер откровений, позвольте и мне сказать то, о чём не решался, — вступил снова в разговор Rogozin. Моя жена на старости лет ревновать надумала. Куда ни поеду, вопросы: зачем, когда вернёшься? Звонит через каждые полчаса. Меня это раздражает, я возьми и скажи ей однажды, что раньше надо было ревновать, когда я был важной персоной и парень хоть куда, а сейчас на меня элитные дамы не смотрят, так как ни должности нет, ни денег больших. Тут она совсем взъелась: значит, говорит, когда при должностях был, с элитными барышнями гулял, а сейчас — с кем придётся? В общем, тоже не знаю, что делать. Разводиться, конечно, не резон, но и жить в постоянном напряжении невозможно. Получается, из нас троих только у Алексея семейная жизнь — тишь да гладь?

— Мне на Елизавету Ивановну грех жаловаться. А сам я, видимо, в молодости на всю жизнь нагулялся и накуролесил, что заслужил сполна спокойную семейную жизнь. Обе дочки — умницы. Старшая — замужем, внуков мне подарила.

— Не зарекайся, Алексей. Сегодня — счастье, а завтра — ненастье, — философски заметил Rogozin.

И как в воду глядел. Начало второго десятилетия нового века Горностаев встретил спокойно и уверенно. Он не занимался политикой, не брался за авантюрные проекты, ценя стабильность на работе и в семье, и надеялся, что все штормы и бури в его жизни уже позади. Только благими намерениями вымощена дорога в ад. Его отношения с женой Лизой были испытаны на прочность самым жёстким образом.

Однажды в одной компании его представили симпатичной молодой женщине. Когда познакомились, девушка подала руку и сказала:

— Олеся Сергеевна.

— Гармоничное сочетание, — отметил Алексей.

— Она вся гармоничная, — вмешалась в разговор Наталья, художница, которая и познакомила Алексея с Олесей. — У неё как у классика: всё прекрасно — лицо, душа и мысли.

— Нет, Наташа, ты неправа. Мысли у меня бывают очень даже порочные. Только давай не будем смущать Алексея Анатольевича. Кстати, я о Вас много слышана. Вы и в самом деле такой, как гласит молва?

— И что говорит молва?

— Что Вы профессионал в своём деле, и с Вами считаются все: чиновники, бизнесмены и даже криминальные личности.

— Не знал, что я уважаемая личность среди криминала. А как Вы различаете, кто криминальная личность, а кто нет?

— Ой, я в этом не специалист. Мне ближе другие сегменты человеческой цивилизации.

Они разговорились. Оказалось, Иванова Олеся Сергеевна, искусствовед по образованию, свободно владеет английским языком, недавно была назначена директором Галереи. У неё было много идей, планов, и она с удовольствием рассказывала Алексею о выставках, творческих мастерских, вечерах, посвящённых художникам и поэтам, знаменитым и не очень. Олесе было тридцать с лишним лет, наверное, ближе к сорока, но выглядела она очень молодо и современно. Среднего роста, стройная, тёмная шатенка, имела правильные черты лица. Её серые глаза с едва заметной голубишной смотрели на собеседника спокойно, без женского лукавства и кокетства. Она была в разводе, но её взгляд не был оценивающим, что часто отличает незамужних женщин. Она вела себя настолько естественно и свободно, что это произвело определённое впечатление на Алексея, и он в первый вечер их знакомства достаточно много времени провёл с Олесей. В конце вечера он получил от неё приглашение на открытие в Галерее выставки картин из Русского музея и пообещал, что непременно придёт. Обычно на такие светские мероприятия он приходил с женой, но в этот раз Лиза не могла освободиться раньше, и он поехал один. По дороге купил букет роз и вошёл с ним в вестибюль здания. Не успел он раздеться, подошла Наташа:

— Вы, Алексей Анатольевич, как всегда галантны. Я догадываюсь, для кого цветы.

— Понимаешь, Наташа, большинство гостей деньги платило за билет на выставку, а я, получается, бесплатно пришёл, поэтому решил частично компенсировать затраты Галереи.

— Всё понимаю. Цветы исключительно как меру компенсации мы, женщины, воспринимаем. Пойдём в кабинет Ивановой, вручишь ей свою компенсацию.

Олеся приняла цветы без тени смущения, но была рада:

— Восхитительный букет. Цветы подобраны со вкусом, творчески, — сказала она.

— Алексей Анатольевич сам человек творческий, в молодости стихи писал замечательные, а его статьи в газетах на разные темы всегда вызывают интерес, — безапелляционно встряла в разговор художница.

— Надеюсь, Вы мне что-нибудь прочтёте. После официального открытия и просмотра экспозиции в буфете будет чаепитие для узкого круга лиц. Оставайтесь. На время официоза я поручаю Вас Наташе, но позднее буду рада поговорить с Вами.

Алексея было трудно удивить предметами художественного искусства, он бывал не только в известных музеях и выставочных залах Москвы и Санкт-Петербурга. Во время совместных с супругой путешествий по Европе он посещал Лувр, Версаль, Дрезденскую галерею. Но когда Олеся Сергеевна во время просмотра экспозиции стала рассказывать об истории написания картин Аргунова, Кустодиева, Айвазовского, Серова и других художников, Алексей был впечатлён её манерой рассказа и глубоким знанием деталей. Она несколько раз бросала взгляд в его сторону, как бы говоря, что ей приятна его проникновенность к теме выставки. За чаепитием она тоже не уделяла много внимания Алексею, но приняла предложение развезти её и Наташу по домам. Однако Наташа вдруг заявила, что они сейчас троём едут к ней домой на «самую лучшую в мире сёмгу».

Наташа жила недалеко от центра, и вскоре они сидели на кухне её квартиры. В остальных комнатах, как и полагается художникам, был полный беспорядок. Более того, гостям не разрешалось даже смотреть на незавершённые и готовые полотна, куски ватмана, рисунки, наброски, которыми была заполнена квартира. Дамы пили вино, Алексей, поскольку был за рулём, довольствовался чаем. Сёмга действительно была хороша. Оказывается, Наташа покупает её свежемороженную в рыбном магазине, а затем сама засаливает. Алексей, раскрепостившийся от непринуждённой обстановки, читал, как в юности, стихи и рассказывал интересные истории.

Потом они с Олесей ехали по ночному городу и любовались огнями бульваров, проспектов и улиц. Алексею хотелось, чтобы Олеся рассказала о себе, но она деликатно переводила разговор на другую тему. Когда он остановил машину около её подъезда, вышел и подал Олесе руку, помогая выйти. Она встала рядом с ним —

её рука осталась в его руке. Она как будто не замечала этого и, поблагодарив за вечер, поцеловала его в щёку, скрывшись в подъезде, оставив Алексея ошеломлённым и обескураженным. Так начиналось их увлечение, едва не перевернувшее их жизни. Олеся была очень женственной и заботливой, при встречах могла сначала слушать эмоциональные рассказы Алексея, не перебивая, и только потом монолог превращался в диалог. Вскоре Алексей делился с Олесей чуть ли не всеми своими проблемами. При каждом удобном случае, когда было свободное время, он ехал в Галерею. Если бы она была просто милой, симпатичной женщиной, возможно, всё закончилось бы обычной интрижкой. Но Олеся разглядела в Алексее те творческие струны, о которых, казалось, он сам забыл. И не просто разглядела, а способствовала их раскрытию, иногда довольно удачно. Она просила Алексея помочь ей с работой над сценариями различных мероприятий, затем убедила написать несколько пьес для городского Театра юного зрителя. Алексей работал с увлечением, не думая даже, что его пьесы будут востребованы. Ему было просто интересно заниматься этим. Он был искренне удивлён, когда режиссёр Театра юного зрителя объявил, что ставит на сцене две его пьесы. Потом Олеся убедила Алексея написать сценарий документального фильма об истории Градосеверска, затем ещё один — об известных людях города. Оба фильма были направлены на телевидение России в рамках конкурсов на лучший краеведческий фильм, и были отмечены поощрительным призом. Алексей, всю жизнь занимавшийся экономикой, организацией производства и юриспруденцией, вдруг осознал: всё, чем он занимался, было важно, но душа его хотела творческого начала. И он окунулся в эту стезю полностью, не заметив даже, что вместе с творческими идеями он охвачен обаянием Олеси, без участия которой не обходился ни один его литературный или сценический проект. Олеся обладала обширными познаниями в области культуры, литературы, искусства и помогала возвышенность и романтичность задумок Горностаева как автора направить в практическое русло создания драматической пьесы или организации съёмки фильма. Олеся прекрасно знала психологию мужчин и не претендовала на первую роль в разработке новых идей и постановок, но её мягкое вмешательство давало Алексею удивительный стимул доводить до завершения возникшие идеи и начинания, хотя иногда он хотел забросить начатое и переключиться на что-нибудь новое.

В круг его новых интересов втягивались и его друзья. Алексей знал, что уже несколько лет в одном из офисов Захарова пылятся десять портретов известных полководцев и первых лиц Российского государства, написанных по заказу Захарова местным художником. Это были портреты русских князей Юрия Долгорукова, Василия II, Ивана III, полководцев Александра Суворова, Григория Потемкина, Павла Нахимова, Фёдора Ушакова, Михаила Кутузова, Георгия Жукова и императора Петра I. Захаров заказывал их давно, работы сделаны хорошо, было видно, что писавший картины художник тоже патриот России, но так нигде и не выставлялись. После получения гонорара, который ему выплатил Захаров, художник пил беспробудно несколько недель. Потом заявил заказчику, что картины надо доработать, но вскоре умер в Архангельской области, куда уехал по святым местам с надеждой излечиться от пагубной привычки. Горностаев уговорил Захарова выставить портреты в Галерее, что Олеся живо поддержала.

На открытие выставки была приглашена вся элита города. В таких случаях принято приходить парами, и Алексей присутствовал на мероприятии с женой. Когда вечер заканчивался и гости выпили не один ящик шампанского, Елизавета Ивановна неожиданно сказала мужу, кивнув в сторону Олеси:

— Тебе, наверное, нужно к ней подойти. Я не буду скучать.

— Я не совсем понял, — растерянно пробормотал Алексей.

— Просто подойди к ней. Видишь, переживает.

В эту ночь Алексей долго не мог уснуть. Он даже предположить не мог, что Лиза о чём-то догадывается. Нет, не догадывается, похоже, она знает всё. Но почему нет разборок, скандалов, ультиматумов? Что это значит? А значит это только одно: или ей абсолютно всё равно, или у неё самой кто-то есть. Алексей даже взмок от одной такой мысли. Лиза никогда не давала повода ревновать её. Она была замечательной женой и матерью. Так в чём дело? Неужели их брак изжил себя и нужно расставаться? Алексей был уверен, что этого не хочет. Более того, он вдруг осознал, что любит свою жену и всегда любил. Что делать?

Лиза по субботам ходила заниматься бальными танцами в один из домов культуры. Он знал, что она занимается с партнёром, высоким блондином, чуть моложе её, но раньше относился к этому совершенно спокойно. В ближайшую субботу он решил встретить её с занятий и пригласить в кафе, чтобы хоть что-то выяснить и поговорить. Когда он пришёл в зал, где занималась группа Лизы, там никого не было, кроме преподавателя, пожилой, стройной не по годам женщины с седыми волосами.

— Они иногда в квартире у старосты после занятий собираются. Запишите адрес, это недалеко.

Буквально через полчаса Алексей стоял перед этой квартирой. Было слышно, что за дверью звучала музыка. Алексей потянулся рукой к звонку, а потом передумал и просто открыл дверь, которая оказалась незапертой. В коридоре никого. Слева дверь вела в зал, она закрыта, но было ясно, что именно там собрались гости, а прямо через стеклянную дверь кухни он увидел силуэты двух людей. Даже через матовое стекло он узнал фигуру своей жены и открыл дверь. У окна стояла Лиза, она держала в руках телефон, смеялась и что-то говорила высокому блондинистому мужчине, который стоял совсем близко к ней и держал свои руки у неё на талии и даже чуть ниже, можно сказать, на её бедрах.

— Алексей? Что ты здесь делаешь? — удивлённо спросила Лиза. — Вот познакомься, это мой партнёр.

— Я уже понял. Надо полагать, партнёр в полном смысле слова, так сказать, всеобъемлющий?

— Извините, я пойду, — сказал блондин и вышел.

— Ты зачем так? Тебе не идёт скандалить, — как-то неуверенно сказала Лиза мужу. — Иди на улицу, я пре-дупрежу хозяйку и тоже выйду.

Алексей, стоя на улице, закурил, нервно затягиваясь. Он давно бросил курить, но сигареты в кармане оставил, так, на всякий случай. За несколько минут его сознание «переформатировалось». Если до этого момента он думал о Лизе исключительно в положительных тонах и даже готов был у неё просить прощения, то сейчас находился в полной растерянности. Даже в тот день, когда доктор объявил ему о неизлечимой болезни, он, осознавая всю серьёзность ситуации, не окунулся в панические настроения и думал, что нужно сделать в первую очередь, чтобы на жену и детей не обрушились его незавершённые дела при самом плачевном итоге. А что можно сделать сейчас? Даже в самом дурном сне он не мог себе представить, чтобы его жена была неверна ему. Это Лиза, которая спасала его жизнь, была рядом во всех несуряницах его жизненного пути. А сегодня он сам видел, как её обнимает другой мужчина и даже не обнимает, а лапает. Возникло желание вернуться в квартиру и что есть силы дать в морду слащавому блондину. Он подспудно понимал, что это хоть как-то снимет с него нахлынувшую душевную боль. Помешала Лиза, она вышла из подъезда и спросила:

— Ты хотел поговорить? Сегодня, наверное, не получится. Ты не можешь адекватно воспринимать ситуацию.

— Это я неадекватен? А ты, значит, ведёшь себя порядочно и адекватно со своим блондином. И давно у тебя с ним?

— Что именно?

— Кувыркаешься с ним давно? Я хочу знать.

— Я ничего объяснять не буду.

— Я твой муж и отец наших детей, имею право спрашивать, а ты отвечай и не лукавь.

— Вспомнил о семье? Не слишком поздно? Семья — это когда люди вместе, а ты «вместе» с другим человеком. Об этом не хочешь поговорить?

— У меня там ничего такого нет. Я не тискаюсь по кухням и подворотням.

Алексей и Лиза понимали, что сегодняшний разговор ни к чему не приведёт и, вернувшись домой, разошлись по разным комнатам. Оба долго не могли уснуть. Оба понимали: нужно принимать решение, хотя в любом случае оно не будет единственно верным и правильным, как и любое другое. Они оба не раз «разруливали» на работе и в жизни непростые ситуации, но личная жизнь — другая субстанция, к ней не могут быть применены логические постулаты и алгоритмы. Но есть некоторые моменты, в которых мужчины действуют примерно одинаково. На следующий день Алексей напился и в таком виде вечером приехал к Олесе домой. Он пытался ей высказать свою боль и растерянность, и она слушала его, затем заставила принять прохладный душ, напоила горячим чаем и вызвала такси:

— Тебе надо ехать домой. Все решения принимаются на трезвую голову.

Алексей покорно согласился, пробормотав лишь:

— А где мой дом? Дом — это где ждут. А кто меня ждёт?

На следующее утро Лиза сказала проспавшемуся мужу:

— Давай поговорим вечером. Надеюсь, ты Кате не звонил? В любом случае дети пока ничего не должны знать.

День Алексей провёл в ужасном беспокойстве: «Она хочет поговорить. Сама. Может, уже приняла решение и собирается разводиться? Неужели у неё с блондином серьёзно? А ведь он был готов поверить ей, что у них ничего нет, если бы она это сказала. Но она хочет поговорить. В любом случае ему не следует пороть горячку».

Однако Лиза в очередной раз показала свою неординарность и мудрость одновременно. Вечером она приготовила чай, отправила Машу в свою комнату, разлила по чашкам ароматный напиток и обратилась к мужу:

— Тебе надо определиться, что для тебя важнее: семья или «там»? Только после этого мы можем продолжить разговор.

— «Там» у меня творчество, идеи, интересные беседы и необходимое общение с разными людьми из мира культуры и искусства. Ты меня этого хочешь лишить? Но я «засохну» без того, что мне интересно.

— Я о другом. Я говорю об Олесе Сергеевне.

Алексей был готов к подобным вопросам и спокойно ответил:

— У меня с Олесей Сергеевной дружеские отношения. Она мне помогала в разных творческих проектах. Никаких других отношений у нас нет.

— Как мы построим наш разговор, если ты отрицаешь очевидное?

Алексей по тональности фраз жены определил, что она не может привести ни одного факта, а пользуется только слухами и подозрениями, потому решительно всё отрицал, причём очень уверенно. Ему очень хотелось закрыть эту тему и перейти к отношениям Лизы и блондинистого партнёра. Однако Лиза сказала очень просто, когда он настоял на ответе на мучивший его вопрос:

— Мне рассказывать нечего. У меня с ним ничего нет. Да, мы с ним танцуем второй год, иногда общаемся в нашей компании, но ничего более. Танцевальные пары во время занятий и выступлений вынуждены прикасаться к телу партнёра и к этому настолько привыкают, что эти прикосновения не вызывают никаких романтических ассоциаций. Ну, держал он меня за талию во время разговора, когда ты вошёл, но это ничего не значит. Я скажу вот о чём: если хочешь сохранить семью, помни: я больше не буду требовать клятв верности. Если же у тебя повторится нечто подобное, что было с Олесей, тогда никаких разговоров не будет.

Я просто уйду от тебя. В твоей жизни я принимала слишком большое участие, чтобы теперь в таком возрасте терпеть твои похождения. А сейчас давай поговорим, сможем ли мы жить дальше, как прежде.

Алексею пришлось уже искренне заверять жену в намерении ценить её, семью и годы, проведённые вместе. Он был настолько рад такому развитию событий, что не сразу сообразил: надо потребовать, чтобы Лиза сменила партнёра, но неожиданно для себя сказал:

— Танцевать теперь будешь со мной. Будем ходить с тобой на вечера «Для тех, кому за 50». Нет, ты молодо выглядишь. Будем посещать «Для тех, кому за 40». И никаких блондинистых партнёров и занятий в вашей группе.

— Танцуем, не менее, чем раз в неделю, танцуем, — согласилась Лиза. Но для начала надо взять несколько уроков у профессионалов. Я договорюсь с преподавателем из другой группы, будем заниматься у него.

Внешне всё закончилось благополучно. Но как только схлынула волна панического страха потерять Лизу, у Алексея начались переживания по другому поводу. Как быть с Олесей? Несколько дней он не ездил к ней и не звонил, но однажды на такси приехал к ней домой с бутылкой виски.

— Прощаться приехал? — спросила проницательная Олеся.

— Я не знаю, как мне жить дальше. Не могу бросить семью, но и без тебя я тоже не могу. Ты мне дала возможность заниматься тем, к чему я стремился, но забрала у меня душу, сердце. Я не буду счастлив без тебя. Даже не в счастье дело, а просто в жизни. Ведь прежним я уже не стану.

— Клин клином вышибают. Заведёшь себе барышню одноразовую. Елизавета Ивановна не простит, если со мной останешься, но любую другую, временную связь на стороне, думаю, не заметит.

— Как ты можешь так говорить! Я о самом сокровенном, а ты о плотских утехах на стороне.

— А обо мне ты подумал? О моих чувствах? Я тебя успокой, обогрей, поддержи, совет дай, а каково мне? Перед женой ты нюни не распускаешь? Если принял решение, так будь добр, выполняй, — выговаривала Олеся, но было видно, что она тоже переживает и чего-то ждёт.

У каждого классического любовного треугольника свои углы и все треугольники — неправильные и неравносторонние. Более того, длина сторон и величина углов у них может постоянно меняться. И только если удалить одну из вершин треугольника, он может снова стать линией, которая соединяет две точки, две, а не три. Это прекрасно понимала Елизавета Ивановна и нашла возможность встретиться и поговорить с Олесей Сергеевной.

— Надеюсь, Вы понимаете, что я не буду Вас упрекать и выговаривать. Мир так устроен, что мужчины иногда выходят из колеи. Но у нас особый случай. Не думайте, что я надоевшая жена, которая не понимает, что у Алексея может быть другая, счастливая жизнь, полная творчества и впечатлений с молодой, любимой женщиной. Ведь Вы так считаете? Только Вы ошибаетесь. Да, мой муж увлёкся Вами, но это не значит, что ему с Вами будет лучше. Лучше ему — быть со мной. Если бы я была уверена в обратном, поверьте, отпустила бы. Творческие начала и душевные всплески хороши как дополнение, когда дома уют, покой и уверенность. Но если всплески и волнения становятся самой жизнью, без уюта и покоя, то это не для Алексея. Я прожила с ним не один десяток лет и знаю его лучше Вас.

— Но если Вы у него отнимите то, что он приобрёл в последнее время, я имею в виду его работу в литературе, он может потерять себя, — возразила Олеся.

— Много лет назад, когда мы с Алексеем были молоды, перед ним тоже стоял выбор — из двух любимых женщин он выбрал меня и никогда об этом не жалел, не пожалеет и сейчас. Пришла сказать: даже не помышляйте, чтобы удержать его. Не надо. Иначе приму меры. Десятилетия работы доктором, когда, спасая жизни, надо принимать жёсткие решения, позволяют мне и в этой ситуации поступить жёстко, но во благо.

Надо отдать должное Елизавете Ивановне: в дальнейшем она никогда не отзывалась плохо о своей сопернице. Да и вообще не вспоминала о ней, по крайней мере, в разговорах с Алексеем. Алексей Анатольевич после всех этих событий сначала держался молодцом. Снова наладил пошатнувшиеся дела в «Альтернативе», но вечерами, придя с работы, уединялся в своём кабинете, наливал в фужер коньяк, делал несколько глотков и перебирал печатные листы незаконченных рукописей. Однажды за таким занятием его застала дочка Маша. Она спросила:

— Папа, почему ты плачешь?

— Нет, Маша, я не плачу.

— Но у тебя на глазу слезинка. Тебе плохо? Ты чем-то очень огорчён?

— Нет, дочка, всё хорошо. Я рад, что у меня есть ты, твоё мама, Катя, её дети, Артём. Всё остальное, возможно, слишком эфемерно и недоступно. Знаешь, то, что реально в сказке, не всегда возможно в жизни.

Однако спустя некоторое время Алексей настолько пристрастился к спиртному, что это стало заметно для окружающих. После работы он не торопился домой, а заходил в какое-нибудь кафе, садился в самый дальний угол и сидел в одиночестве, выпивая одну за другой рюмки водки. И снова его женщины решали его судьбу. Олеся Сергеевна позвонила Елизавете Ивановне:

— Меня беспокоит судьба Алексея, я не собираюсь вмешиваться, хочу помочь.

— Хотите провести с ним психологические сеансы, восстанавливающие поведение человека?

— Возьмите отпуск и поезжайте с Алексеем в Италию. Он там не был, но я знаю, хотел побывать. Ни в чём не упрекайте и ни в чём не отказывайте. Поймите, мы все виноваты в том, что происходит. А когда вернётесь из поездки, попробуйте поговорить о его начатых, но незавершённых литературных работах.

— Вы действительно так любите его, что находите силы звонить жене и бескорыстно помогать? Или всё же надеетесь на что-то?

— Можно, я Вам не буду отвечать. Если не хотите потерять мужа в прямом смысле — спасайте его.

Всё на свете имеет свой конец. Завершился и этот непростой период в жизни Алексея и Лизы. Они давно не были в Европе и прекрасно провели там вместе отпуск. Алексей с удовольствием пробовал разные сорта вин, но не напивался, а вернувшись из отпуска, и вовсе надолго отказался от алкоголя. Шло время, душевные раны в семье заживали, но однажды Алексей с Лизой отправились в театр, где столкнулись с Олесей. Олеся Сергеевна была с высоким мужчиной в коричневом пиджаке и красных вельветовых брюках. Пары встретились в вестибюле, на втором этаже театра, и вежливо поздоровались друг с другом. Алексей успел подумать, что такая одежда не очень подходит взрослому мужчине, и тут его охватила паническая волна ревности. Когда начался спектакль, он смотрел на сцену, но следить за действием актёров не мог. В антракте, когда они с Лизой пили кофе в буфете, он снова увидел Олесю и сопровождающего её мужчину. Она подавала тому пирожное и улыбалась откровенно нежной улыбкой. Елизавета Ивановна тихо проговорила:

— Держи себя в руках. На тебе лица нет! Ты перевернул страницу. Она имеет право на личную жизнь.

На следующий день Алексей позвонил Олесе. Та не удивилась его звонку и сразу спросила:

— Мой спутник не даёт тебе покоя? Но я тебя отпустила. Отпусти и ты меня. Так будет лучше для всех. Ты мне потом признателен будешь.

И снова Алексей вспомнил, что нечто подобное ему уже говорила его любимая учительница Анна Васильевна.

— Я просто хотел узнать: кто он? По тебе было видно, что ты буквально боготворишь его.

— Конечно, боготворю. Это мой брат. Приехал на несколько дней из Англии. Но с большой долей вероятности ты можешь меня увидеть и с мужчиной, просто с мужчиной. Я в монастырь не собираюсь. Если уж ты позвонил, расскажи, что у тебя с творчеством?

— На рассказы и пьесы как-то вдохновение не приходит, — ответил Алексей.

— Оставь пока рассказы, их пишут тысячи писателей, и большинство опубликованного материала благополучно тонет в следующей лавине писательских опусов. Ты прекрасно знаешь экономику региона, расклад общественной и политической ситуации, плюс владеешь словом. Пиши статьи на злободневные темы, которые интересны населению.

— Я думал об этом. Мне даже знакомые блогеры темы предлагали. Они потом статьи в интернете разместят. Я, надеюсь, могу тебе на электронную почту эти материалы посылать для ознакомления?

— Если только с разрешения Елизаветы Ивановны. Но даже если не пришлешь, прочту в прессе и в интернете.

Они говорили ещё несколько минут. Затем Алексей, перед тем как попрощаться, сказал:

— Олеся, милая, спасибо тебе за всё! Спасибо, что была в моей жизни. Я буду помнить тебя всегда. Очень хочу, чтобы ты была счастлива!

Олеся молчала, она боролась с нахлынувшими слезами, потом тихо ответила:

— Береги себя. Прощай.

Осень 2013 года прошла в тревожных сообщениях из Украины. Киевский Майдан не оставлял равнодушными россиян к происходившим событиям. Сергей Галанин, который звонил перед новым 2014 годом, вскользь упомянул о киевском противостоянии и сказал, что его сын Савелий уже несколько месяцев работает в Киеве. Алексей Анатольевич даже пошутил по этому поводу:

— Надеюсь, не по заданию ЦРУ? Там без американцев явно не обошлось.

Весной Галанин позвонил снова и сказал, что приедет с женой в отпуск в Россию. И действительно, он приехал с Ириной, а через день из Киева прибыл и сын — Савелий, которого Алексей не видел много лет и не узнал бы при встрече. Это уже был взрослый мужчина, сформировавшийся по западному образцу, и, как показалось, не имеющий особых идеологических и политических предпочтений. Алексей начал общаться не только с Сергеем, но и с Савелием, который проявлял особый интерес к работе регистратора — фирмы Горностаева. Он даже просил, чтобы Алексей Анатольевич передал ему списки акционеров каких-либо акционерных обществ, чем очень удивил Алексея. На резонный вопрос: «Зачем ему списки акционеров?» он ответил:

— США — страна, где всё и вся кредитуются. Банки Нью-Йорка могут предоставить вашим акционерам кредиты по ставкам в разы меньше российских банков. Не все, но кто-то из этих списков согласится на условия наших банкиров.

Алексей понимал, что американец лукавит, и спросил:

— А тебе какая выгода от этого?

— Есть компании, которые хорошо заплатят за любую системную информацию: списки акционеров, списки абонентов, списки избирателей и т.д. Вы можете на этом хорошо заработать.

Горностаев понял, что это ближе к истине, и что Сава не так прост, как хотел бы казаться. Алексей Анатольевич знал: Галанин-младший работал в одной из риэлторских контор Нью-Йорка, и спросил:

— Савелий, а чем ты занимался в Киеве столь долгое время?

— Выполнял свои обязанности по заданию риэлторской компании. Необходимо было подыскать квартиры в Киеве, чтобы заключить с хозяевами жилплощади договора на аренду. Я там не один работал, все наши сотрудники были русскоговорящими.

— А для кого квартиры предназначались?

— Я точно не знаю. Жилплощадью, которую мы снимали, — а это сотни квартир — активисты Майдана распорядились.

Парень даже не скрывал, что работал на активистов переворота по заданию служб из США. Алексей Анатольевич под удобным предлогом закончил разговор и в этот же день позвонил Галанину-старшему:

— Ты знаешь, чем занимался на Украине твой сын?

— В общих чертах. А что?

— Поговори с ним. Если его использовали и используют втёмную, это одно. А если он знал и знает, на кого работает, это другое.

— Слушай, мы через несколько дней улетаем в Штаты, давай я поговорю с ним там. А ты поможешь со списками?

Горностаев был в шоке. Значит, Сергей знает, чем занимается его сын. Он был настолько не готов к такому повороту, что прервал разговор на эту тему. Потом жалел, надо было выяснить, как много знает Галанин-старший о сборе информации, которой занимается Галанин-младший.

Через месяц после отъезда Галанина Алексей позвонил ему в США и спросил, разговаривал ли он с сыном? Галанин уходил от прямых ответов, и тогда Горностаев твёрдо ещё раз задал вопрос:

— Ты знал, на кого работал твой сын в Киеве?

— Это что, допрос? — начал нервничать Галанин.

— Допрос тебе устроит ФСБ, если ты не убедишь меня в том, что не знал о связях твоего сына со спецслужбами США. Неделя тебе на раздумья. Определись: с кем ты? Если ты стоишь на другой стороне, как твой сын, то всякое общение с тобой будет прекращено и, думаю, тебе не стоит больше приезжать в Россию.

Галанин не позвонил ни через неделю, ни через месяц. Алексей всё рассказал своим старым друзьям — Валерию Захарову и Вениамину Рогозину.

— Надо было сразу в ФСБ сообщить, пока они здесь, в России, находились, — сказал Захаров. — Всегда было в этом Галанине что-то скользкое, не принимал я твою с ним дружбу.

— Какие факты Алексей привёл бы ФСБ? Фактов нет, — не соглашался Рогозин. — Думаю, Галанин в дальнейшем остережётся приезжать сюда. Воздух наш, российский, чище без него. Неужели всё их семейство скурвилось и Родину за доллары продало?

— Ирина, наверное, не знает о делах сына. Она — еврейка, человек другой, не галанинской породы. Даже жалко её. Она американкой в Штатах не стала, но и с Россией связи утеряны, — попытался защитить Ирину Алексей.

— Надо тебе, Алексей, статью обо всём этом написать, — предложил Рогозин. — Среди народа вырастают не только герои, но и отщепенцы, предатели, те, кого вербуют американские спецслужбы. Это своевременная тема, она будет востребована.

Десятые годы пролетели ещё быстрее, чем предыдущие. Закон природы не менялся: с каждым прожитым годом время ускорялось. И вот уже наступил 2020 год. Возраст Алексея приблизился к пенсионному, но о пенсии он не думал и строил новые планы. Елизавета Ивановна продолжала работать в больнице, а по совместительству преподавала в медицинском техникуме. Обе дочери жили отдельно, были замужем, но всегда старались вместе с внуками навещать родителей. Артём в последний год звонил реже. Он уже несколько месяцев находился со своим воинским подразделением в Сирии. У него своя семья и квартира в Москве.

Захаров Валерий, так и не справившись с пагубными привычками сына, воспитывал внука Николая, надеясь передать ему впоследствии «заводы, фабрики и пароходы». Он уже не думал о расширении своей бизнес-империи, а оптимизировал управленческие структуры тем, что создал одну управляющую компанию для всего холдинга, которую, кстати, возглавлял не сам, а высокооплачиваемый менеджер, его он готовил целенаправленно несколько лет.

Вениамин Рогозин несколько лет назад продал свои заправочные станции и стал обычным пенсионером, занимался общественной работой в Совете ветеранов и являлся внештатным советником мэра Градосеверска. Вениамин Васильевич купил новый комфортный внедорожник и любил сам на нём ездить. Он совершенно не употреблял алкоголь и заботился о своём здоровье.

Олеся Сергеевна уехала в Санкт-Петербург, прошла тщательный отбор среди многочисленных конкурсантов и теперь работала в Эрмитаже. По слухам, сам Пиотровский доверяет ей, и Олеся, кроме научной работы, проводит экскурсии для особо важных делегаций.

Сидор в 2015 году отправился в Донбасс, чтобы «заняться по-настоящему мужским делом», и остался там, но уже не в окопах. Теперь он охранял важные объекты самопровозглашённой республики. О его судьбе Горностаев написал очерк, который был опубликован в газете «Звезда».

Рогозин, Захаров и Горностаев регулярно встречались в одном из уютных небольших кафе, где для них по пятницам с обеда накрывали отдельный столик. Алексей с Захаровым позволяли себе иногда выпить бутылочку коньяка, а Вениамин Васильевич пил чай. Они вели долгие разговоры, которые с годами не становились менее эмоциональными.

— Расскажите мне, друзья-приятели, на чём сегодняшнее молодое поколение деньги зарабатывает? Что нынче в тренде? — спросил как-то Рогозин.

— Сейчас в моде дурить иностранцев от имени красивых девушек и выкачивать у них деньги. Перепиской подобного рода целые конторы занимались до недавнего времени. Часть прикрыли органы, но такой своеобразный «бизнес» всегда будет иметь место, — ответил Захаров.

— Это уровень не очень продвинутых молодых людей. А большие деньги теперь на производстве и обороте криптовалюты делают, — продолжил тему Горностаев. — Надо отдать должное: не всё в зарубежные счета прячут. Знаю некоторых одарённых парней из нашего города, они операции с криптовалютой на Кипре проводят. На полученную прибыль скупают недвижимость и фирмы в России, так чтобы финансово вложиться, не напрягаясь особо, иметь стабильную маржу от вложенных средств.

— Они не только в бизнесе особые пути ищут, они даже отдыхают по-другому. Например, охотятся, если охоту отдыхом назвать можно, — снова рассказывал Захаров. — В своё время, чтобы добыть медведя, я часами сидел на вышке, ожидая, когда он появится на расстоянии выстрела. Нельзя было чихнуть, кашлянуть, зевнуть и даже перекусить. Зверь чует любой запах и сразу уходит. А если зимой в берлоге его добывать, так это совсем серьёзное и опасное дело. Теперь новые бизнесмены не заморачиваются. Один мой знакомый покупает килограммами просроченные торты, подкармливает ими всё лето медведя, чтобы тот на определённое место приходил, как на обед, а потом, когда открывается охотничий сезон, он зверя без лишних потуг просто стреляет.

— Тем не менее есть и другие примеры, — снова вступил в разговор Горностаев. — У меня приятель, Виктор, из Вологодской области занимается логистикой, у него небольшой автопарк большегрузных автомашин в областном центре, но сам в основном живёт в деревне, в отдалённом районе. Так вот деревня эта, совсем обветшавшая, благодаря его начинаниям, оживать начинает. Сначала для своего удовольствия он рядом с рекой соорудил пруд и разводит там осётров, карпов, форель и другую рыбу. Проложил дорогу, благоустроил территорию вдоль реки, цветники везде, скамеечки. Затем отвёл несколько десятков гектаров земли, построил фермы, складские помещения, гараж, и начал заниматься откармливанием вьетнамских поросят. Сейчас местным жителям есть чем заниматься. Правда, Виктор только вкладывается в это новое для него направление, рентабельности пока нет, но надеется, что со временем затраты окупятся. Я спрашиваю, зачем ему такие хлопоты и затраты, а он отвечает: «Деревенская аура не может сравниться ни с чем. Здесь, на природе, мы с женой не просто живём, а радуемся жизни. И потом, не всё можно измерить деньгами. Конечно, если бы я не отвлекался на своё фермерство, то получал бы гораздо больший доход от основного бизнеса, но зато не испытывал бы такого удовольствия, какое получаю сейчас от созданного мной в этой небольшой деревне». Получается, что он — представитель нового поколения предпринимателей, которых интересуют не только деньги.

— А как твой бизнес? Собираешься кому-нибудь дела передавать? — спросил Rogozin уже конкретно Валерия Захарова.

— Внук ещё школьник, много времени надо, чтобы он втянулся, — ответил Захаров. — Я о другом хочу сказать: впервые за многие годы у меня в делах и в жизни появилась определённая стабильность. Пусть мои доходы не как прежде, но производство не лихорадит и фискальные органы реже заглядывают.

— Эх, Валерий, в беспокойном мире живём. В любой момент рвануть может, а где, не знает никто.

И снова пронизательный Вениамин Васильевич оказался прав. Из Китая уже наступал коронавирус, непознанный, необъяснимый и непредсказуемый...

«Ковид-19» остановил на месяцы производственные отрасли, сферу обслуживания, учреждения культуры и отправил население на самоизоляцию.

У Валерия Захарова из всех фирм работал лишь один цех «Биоприбора», выпускающий медицинское оборудование, и паром на Волге. Это дало ему право свободно передвигаться по области и соседнему региону даже в самые жёсткие дни карантина.

Вениамин Rogozin предложил на это время внуков всех трёх семей собрать у него в доме, поскольку там есть сад, огород, где можно детям свободнее, чем в городе, проводить время. Однако друзья не откликнулись на его призыв, и дети остались со своими родителями.

Алексей Горностаев и все его сотрудники перешли работать на дистанционный режим.

Катя — дочка Алексея и Лизы — была ведущим специалистом в научном биологическом институте, который сразу нацелили на разработку вакцины от коронавируса.

Елизавета Ивановна, как только в больницу начали поступать первые больные с диагнозом «коронавирус», отправилась к главному врачу с просьбой перевести её работать непосредственно с больными «Ковид-19»:

— Моё отделение, которым я руковожу несколько лет, перепрофилировано под специальную зону для больных коронавирусом. А меня оставили за пределами отделения решать общие вопросы. Но я доктор и должна быть со своими коллегами.

— Поймите, Елизавета Ивановна, у меня инструкция: не направлять в «красную зону» персонал пенсионного и предпенсионного возраста, — возражал главный врач.

— Пусть лучше там работают наспех переобученные травматологи и гинекологи, которые никогда не лечили воспаление лёгких? У меня большой стаж по лечению лёгочных заболеваний. И потом, там работают врачи из моего отделения. Они будут действовать увереннее, если я рядом.

— Нет, Елизавета Ивановна, Вам надо заниматься вопросами, которые перед Вами поставлены. Здесь тоже нужны ответственные люди.

Но через несколько недель, когда ситуация изменилась и за сутки стали поступать десятки больных коронавирусом, Елизавете Ивановне разрешили работать в «красной зоне». В день, когда она заступала для работы в отделение, к ней в больницу приехал Алексей Анатольевич. Елизавета Ивановна сказала, что у неё всего несколько свободных минут. Они шли по коридору и разговаривали.

— Ты зачем здесь, Алексей? — спросила мужа Елизавета Ивановна.

— Ты же весь месяц будешь в больнице. А может, и больше?

— Да, такие правила, те сотрудники, которые работают в «красной зоне», не могут покидать больницу.

— Я хотел сказать тебе что-то важное. Как узнал, что идёшь работать в специализированное отделение, всё время думаю о тебе.

— Я поняла, спасибо. Что-то ещё? — Они остановились перед закрытой дверью. — Дальше тебе нельзя, там — «красная зона».

— Лиза, я тебя очень люблю. И всегда любил. Помни об этом и береги себя. Ты всем нужна: мне, детям, внукам.

— Я тебя тоже люблю. Сам будь осторожнее. — Она обняла мужа, поцеловала в губы, прошептала: — Я пошла, — и шагнула в «красную зону».

Алексей ехал домой «на автомате» и думал только об одном: лишь бы с Лизой ничего не случилось. В средствах массовой информации уже появились сведения о погибших врачах, работавших с больными коронавирусом.

Прошло два месяца. Однажды на сотовый телефон Алексея раздался звонок. Это была Ирина, жена Сергея Галанина. Она звонила из Нью-Йорка, голос её был очень взволнованный:

— Алексей, думаю, ты знаешь, что происходит в городах США. Сначала была полная неразбериха с коронавирусом. Никто не знал, как его лечить, не хватало коек в больницах. Люди умирали тысячами. А потом начались грабежи и погромы. Такая вакханалия происходит, что ни один фантаст до этого не додумался. Белые стоят на коленях перед неграми и просят прощения. А за что я должна у них просить прощения? Если кто не делает этого, его просто избивают, и никто защитить не может. Мы уже месяц живём в страхе. Одним словом, мы хотим домой, в Россию. Дети живут самостоятельно, они стали американцами и остаются в Штатах. Мы с Сергеем хотим вернуться. Помоги нам.

— Чем я помогу? Вам надо обратиться в посольство России в США. Насколько я знаю, Россия специальными рейсами самолётов вывозит соотечественников из Америки, тех, кто хочет вернуться.

— Всё так. Но в российское посольство надо представить определённый документ о том, что в России нам есть где проживать хотя бы первое время, т.е. кто-то должен представлять принимающую сторону. Или этот документ надо передать через Министерство иностранных дел в Москве. У нас в России из родственников никого не осталось. А из друзей только ты. Знаю, ты был недоволен поведением Серёги, хотя в детали меня не посвящали. Только прости его! Он сам всё расскажет.

— Ирина, это неожиданно. Мне надо подумать.

— Хорошо. Я вышло по электронной почте форму документа, который нужно принести в МИД. Только поторопись! Поверь, находиться здесь теперь просто опасно и страшно.

Алексею надо было посоветоваться. Но с кем? Лизе он звонить не стал, она теперь работала по графику и приходила только ночевать домой. «Вечером с ней поговорю», — подумал Алексей. Захарову звонить бесполезно, он будет категорически против возвращения Галанина. И Алексей поехал к Рогозину. Тот внимательно выслушал друга, но не стал сразу давать оценку ситуации, а спросил:

— Сам куда больше склоняешься? Простить Галанина? Ты ведь приехал, чтобы утвердиться в своём намерении?

— Знаешь, Веня, я редко в церкви бываю, но однажды, ещё до пандемии, слушал проповедь одного священника. Она мне в душу запала. Он говорил о прощении. О прощении не отдельных проступков человека, а в целом, если тот раскаивается и просит об этом. Господь прощает. Но если господь прощает, люди тоже должны уметь делать это. Мне и тебе немало лет. Наше поколение — в зоне риска по всем параметрам. Ошибки свои уже можем не успеть исправить. Поэтому их лучше не совершать. И лучше помочь тем, кто хочет что-то исправить и искупить, чем злорадно наслаждаться своей правотой над теми, кто оступился.

— Вот видишь, ты уже сам как священник рассуждаешь.

— Нет, Веня, до них нам далеко. Это скорее философия, выстраданная жизнью.

На другой день, утром, собираясь в больницу, Елизавета Ивановна спросила Алексея:

— Что ты решил? Впрочем, мне кажется, я знаю ответ. Поедешь в Москву?

— Можно бумаги заверить в местном представительстве МИД, но оно не работает. Думаю, легче оформить всё в Москве, по крайней мере, там в приёме не отказали.

Прошло несколько дней, Алексей Горностаев, Валерий Захаров и Вениамин Рогозин возвращались из поездки за город. Кафе и рестораны в городе ещё были закрыты, и седовласые мужчины свои традиционные встречи проводили или в доме Рогозина, или выезжали на природу, в охотничий домик Захарова. Конечно, домиком назвать это строение в три яруса можно было весьма условно, но оно находилось в лесу, и там, не опасаясь коронавируса, друзья могли проводить свободное время. Даже в машине они продолжали разговор о наиболее знаковых событиях их жизни, и о том, что Алексею пора задуматься о работе над книгой, которая расскажет об их поколении правдиво и откровенно. При въезде в город они увидели огромный баннер с фотографией Елизаветы Ивановны и надписью «Спасибо, доктор!» Вениамин Васильевич негромко сказал, показывая на портрет:

— Вот о каких людях надо книгу писать. Они не стремились так упорно, как мы, к карьерному росту, не имели важных должностей во власти, не поднимали бизнес ради больших денег. Они просто жили и работали, а пришла беда, и, рискуя здоровьем и жизнью, теперь спасают людей. Это они — настоящий генофонд русской нации!

Рогозин остановил машину, и мужчины вышли из неё. Друзья стояли, обнявшись, перед раскинувшимся впереди городом, где прошла большая часть их жизни. А сверху с огромной фотографии на них смотрела добрым пронизательным взглядом, чуть загадочно улыбаясь, доктор Елизавета Горностаева...

Вологодский приворот

Рассказ

Деревенская жизнь в шестидесятые годы прошлого века приносила сельским жителям не только тяжёлый труд на фермах и пашне, но и обычные человеческие радость и веселье, причём для всех сразу. Это случалось, когда зимой народ собирался на игрища и посиделки, а летом на деревенские праздники, которые проходили в каждой деревне, в установленный только для неё день. На таких гуляньях молодые люди не только плясали и водили хороводы вместе с девушками, но и часто выбирали себе будущих жён. Ведь в будние дни всё деревенское население занято работой, а потому и были придуманы ещё в древние времена игрища и праздники, чтобы было, когда и где парням и девушкам пообщаться более близко, чем в обычные дни.

Вот после одного из зимних игрищ и провожал Павел молодую и бойкую односельчанку Лию. Ещё летом они уходили вместе с деревенских праздников, и бабы живо шушукались: «Будет у них свадьба, или Пашка так и не посватается?»

Павел жил в большом пятистенном доме, который стоял на высоком берегу реки. Этот дом, построенный ещё его дедом, был и в самом деле хорош: с двумя горницами, кухней, мезонином и разными дворовыми постройками: хлевом, дровяником, амбарами. Окна украшали резные наличники, вокруг дома был разбит палисадник, в котором росли ягодные кусты, а через ворота с навесом, что вели с улицы во двор, не то что подвода с сеном или дровами — трактор мог проехать. Рядом с домом вдоль реки росли несколько ветвистых берёз. Посажены они были дедом Павла, не только ради красоты: они не позволяли своими мощными корнями осыпаться высокому берегу.

Павел жил в этом доме с матерью, братом Юркой и сестрой Нилой. Отец их погиб на фронте, и мать долгое время не могла смириться с этим, всё надеялась, а вдруг вернётся. Она хоть и болела часто, но содержала большой дом в чистоте и порядке. Старшая дочь Маня была замужем и жила в своём доме, который они построили вместе с мужем Анатолием, на другом конце деревни.

Мать часто выговаривала Мане, что Павел всё не женится, а ей трудно тянуть домашние дела, управляться с огородом и ухаживать за скотом, а ведь ещё и на колхозную работу надо выходить. И Маня, как старшая сестра, подыскивала для Пашки невесту, но он сам, досыта наслушавшись уговоров о женитьбе от сестры и матери, решил обзавестись семьёй. Выбор его пал на давнюю деревенскую знакомую Лию, которая, наверное, с малых лет мечтала выйти за него замуж. Да и как тут не размечтаться: Павел был парнем видным, с голубыми глазами, тёмными кудрявыми волосами, обладал дружелюбным характером и здорово играл на гармошке. Причём, когда он разводил меха на своей тальянке, приводя в восторг всех девок и баб, залихватски делал резкое движение головой, как бы закидывая назад свои кудри, и хотя его густые волосы ничуть не мешали играть, этот коронный приём был неотразим.

Лия была моложе Павла, но других парней она просто не замечала. Обладательница длинной косы, она умело сплетала её в большой пучок на затылке, чтобы не мешала в работе, и наоборот, заплетала в разноцветные ленты, когда шла с подружками на праздник. Лия знала все коленца кадрили и её обычно спрашивали об очередности в подобных плясках и танцах. Жила она с матерью в небольшом доме. Мать пробовала уговорить её, молодую девушку, после окончания восьмилетки уехать из деревни в город, но та осталась в родном доме — по досужим разговорам местных сплетниц, из-за своего соколика Паши.

Лия с Павлом прошлись вдоль деревенских улиц и остановились у дома девушки. Надо было прощаться и расходиться по домам, но тут Павел, немного помявшись, проговорил:

— Лия, ну что? Сватов засылать?

— Ой, неужто правда? Я уже надеяться перестала. А с кем свататься придёшь?

— Матка сказала, что дядька из города приедет. Закажем ему. Вот с ним и маткой придём.

— А Маня, сестра твоя, будет? Мы с ней хоть разного возраста, но как-то сдружились.

— Куда столько народу на сватовство? Если мы договоримся, так хватит одного свата, можно и без свахи. Тогда через неделю жди. Да я скажу ещё загодя.

— А можно, я Маню заранее попрошу, чтобы она мне платье красивое сшила. У меня и материя приготовлена. Фасон тоже подобрала, с фатой платье будет.

— Я в эти бабские дела не лезу. Сами договоритесь. У меня своих забот хватает. Надо Анатолия уговорить, чтобы пиво сварил на свадьбу. А на сколько вёдер — матка подскажет. Много гостей соберётся, морока одна.

Когда парочка рассталась, Павел не сразу пошёл домой, стоял у реки, покрытой заснеженным льдом, курил и думал: «Не уехал в Мурманск сразу после армии, как хотел, теперь вот женись. А как по-другому? Мать часто болеет. Юрка уже большой, в армию скоро, но Нила ещё маленькая, хотя учиться старается. Если я уеду, а Юра уйдёт в армию, всё хозяйство пропадёт. Маме ведь даже сено не накопить, а без коровы в деревне не прожить. Лийка — девка справная, опрятная, собой хороша. Как ни крути, а жениться надо. А как в Мурманск хотел...»

Почему именно в Мурманск, Павел никому не объяснял, но всегда говорил, что если поедет, то не в Вологду, не в Архангельск, а в заполярный город Мурманск.

Зимой свадьба в деревне в те годы была даже пышнее, чем летом. Зимний свадебный поезд состоял из нескольких саней и розвальней. На каждой лошади звенел колокольчик, дуги были украшены цветными лентами, а в санях поверх сена лежали тулупы и покрывала. Каждой подводой управлял парень из друзей жениха или молодой мужик из родственников, в руках его обязательно был кнут, или, по-местному, витьень, которым наездник подгонял лошадь, а мог и огреть кого-либо из желающих остановить свадебный поезд.

Вся эта процессия начиналась от дома невесты, куда прибывал жених с гостями. Там заранее накрывали столы. Жених с невестой сидели под образами, причём жених не мог снять с себя полушубок, сидел в нём, этим как-бы давая понять, что приехал за невестой и долго не задержится. Конечно, ему было жарко сидеть в овчинном полушубке, но таков порядок. Правда, разрешалось выходить на улицу, воздуха вдохнуть, но делать это надо осторожно, усадив рядом с невестой дружку, а иначе кто-нибудь из парней мог занять его место и потребовать выкуп.

Павел уже не раз обращался просительным взглядом к сестре Мане, мол, пора ехать кататься, а то я сопрею весь, но обычай есть обычай, и Маня показала ему рукой, что надо сначала «задарить гостей». Павел поднялся и стал доставать из карманов заблаговременно приготовленные мелкие монеты, которые стал разбрасывать по столам, словно зерно сеял. Мелочь летела во все стороны, попадая в блюда, чарки, за шиворот и на затылки гостей. Желательно, чтобы каждому из присутствующих досталась хотя бы одна монетка. Основные взаимные дары в виде полотенец, рубах, посуды и постельных принадлежностей дарились и принимались в доме жениха, но «задаривание» проходило в доме невесты.

Подружки невесты по обычаю попричитали, но это только понарошку и немного, плакать никому не хотелось, а наоборот, всем было весело, ведь праздник только начинался. По продолжительности деревенская свадьба могла проходить два, а то и три дня. При этом были не только пляски и тосты, но бывали и драки, правда, обходились без сильных побоев и увечий.

Павел разбросал мелочь и снова сел за стол. Вдруг сквозь детвору, теснившуюся у дверей, — всем хотелось увидеть свадьбу — пролезла Опрошка Затворница. Женщина эта ещё не старая, жила одна, в другой деревне, которая носила непривычное название — Чёрная. На свадьбу Опрошку не звали, и было странно видеть её среди собравшихся людей. Она слыла ворожихой, кое-кто называл её за спиной колдуньей, но это ей не нравилось, и стоило ей погрозить пальцем, как незадачливый смельчак тут же закрывал свой рот и более никогда не смел говорить о ней что-либо плохое.

В молодости Опросинья обладала поразительной красотой, и жених у неё был под стать, но перед самой их свадьбой ушёл на охоту — хотел медвежатиной угостить народ на свадьбе, да и погиб от клыков и лап здорового зверя. Прошло время. Женихи со всей округи сватались к Опрошке, но она сватов даже на порог не пускала. С той поры и стали звать её Затворницей. Пошёл слух, что она может любого приворожить к кому-либо. Так это или нет, но время от времени к ней скрытно люди приходили с разными просьбами.

Чем старше становилась Опрошка, тем больше разных небылиц плели о ней. Но, бывало, и помогала: найти потерявшуюся корову или лошадь, сделать так, чтобы молодая замужняя баба, которая никак не могла забеременеть, наконец, понесла, да и другие таинственные дела водились за ней.

— Ты что, Опрошка, заблудилась? Замёрзла, поди? Проходи, раз пришла, — сказала хозяйка дома, мать Лии.

— Нет, за стол-то я садиться не буду. Сами знаете, незваный гость хуже татарина. Домой иду из Захарова. Всё равно ведь кататься поедете. Вот меня, может, до Чёрной и довезёте, а то мне не дойти.

Хозяйка замялась. Ладно ли это, в свадебные сани ворожею садить?

Но тут вмешался жених:

— Сиди пока, Опросинья. Увезём, когда поедем.

Через час с небольшим родня молодых и большинство гостей расселись по саням и розвальням, и процессия тронулась. Друзья жениха заранее планировали маршрут: в какую деревню заезжать, в какую нет. По обычаю, в каждой деревне свадьбу останавливали местные парни и мужики с требованием налить ведро пива. В одной из подвод свадебного поезда везли лагун с пивом, откуда и сцеживали при таких встречах хмельной напиток.

По своей деревне ехали небыстро, на улице было много ребятишек, которые провожали свадьбу, но, выехав за околицу, лошади помчались в мах под хохот, визг, звуки гармошек и бубенчиков.

В первой деревне, которая была на пути свадьбы, пришлось остановиться перед самым въездом в неё. Местные мужики перегородили путь жердями. Во второй деревне один смельчак прыгнул в первые сани, и, по обычаю, в этом случае надо было останавливаться и угощать желающих. Следующей деревней был Большой Починок. Когда свадебный поезд проезжал по деревенской улице, никаких признаков того, что процессию собираются останавливать, не было видно. Но неожиданно первая лошадь с нарядными розвальнями остановилась, за ней и все следующие. Дорога была свободна, но лошади дальше не шли. Встали как вкопанные. Из ближайшего дома вышли местные мужики.

— Смотрите, получилось. Надо же!

Оказалось, местный умелец по совету стариков изготовил из смолы, скипидара, керосина и какого-то порошка «дьявольскую смесь», которой щедро окропили участок дороги. Незнакомые, ужасные для лошадиного восприятия запахи так напугали лошадей, что они остановились. После непродолжительного угощения пивом находчивых мужиков надо было ехать дальше, но лошади не шли вперёд. Мужики местные, довольные результатом своей выдумки, принесли лопаты и пробовали очистить дорогу от зелья, но лошади и после этого не слушались. Было уже не до смеха. Такие заминки считались дурным знаком для молодых. Выручила Опрошка затворница. Она взяла первую лошадь под уздцы, приговаривая: «Нечисть смрадная, уйди, дай проехать и пройти. Ангел мой, храни коня, молодых, гостей, меня».

Лошадь, ведомая женщиной, послушно пошла, мотая головой из стороны в сторону, а следом тронулись и другие подводы. Когда подъехали к деревне Чёрная, стало даже светлее от неба, усыпанного звёздами. Опросинья поблагодарила молодых, пожелала им ладной супружеской жизни и осталась у своего дома, перекрестив три раза уезжавшую в обратный путь свадьбу. Зная, что по второму разу останавливать их никто не будет, возницы дали лошадям волю, и те понеслись вскачь под одобрительные окрики сидящих в санях гостей. На одном из поворотов один из незадачливых мужиков, принявший на грудь больше нормы, кубарем

вылетел из саней, но бедолагу усадили обратно и уже без приключений все целыми и невредимыми приехали к дому жениха, где молодых встречали с иконой и хлебом-солью. Свадьба продолжалась...

Прошло два с половиной года. Жизнь в деревне шла своим чередом. Юрка отслужил в армии и вернулся на побывку в деревню, повидаться с родными.

— Поеду в Заполярье, — говорил он землякам.

Маня родила третьего ребёнка. Нила перешла в восьмой класс. Мать их умерла, и её похоронили на деревенском кладбище всей деревней.

Павел с Лией, на первый взгляд, жили обычной сельской семьёй, оба работали в колхозе. Правда, детей у них пока не было, что снова дало повод для пересудов деревенским бабам.

По приезду брата Павел сначала обрадовался, а затем как-то сник. Брату он откровенно завидовал, тот, необременённый семьёй, мог уехать в любую сторону, например, в большой город и начать там новую, совсем не деревенскую жизнь. Особой теплоты в их отношениях с женой не было, но и ссорились они нечасто. Жили себе и жили, работая в колхозе и управляясь с домашним хозяйством.

Нила заметно подросла и как-то вечером, за ужином, сказала им:

— Закончу восемь классов и уеду. Если к тому времени Юра устроится в Мурманске, то к нему поеду, а если у него другие планы, то просто уеду.

Такой расклад Павла не устраивал. Ведь он женился ради матери и сестры Нилы, а теперь выходит, и зря.

Днём от горьких мыслей отвлекала работа, но вечерами он всё чаще сидел на берегу родной реки, думал о чём-то и домой шёл только после настойчивых окриков жены:

— Хватит сидеть-то сиднем. Пора вечерять и спать ложиться. Завтра столько работы.

Но и сама Лия всё чаще грустила и задумывалась. Она чувствовала, что муж её Паша так и не привязался к ней, несмотря на все её старания.

— Вот тебе и «стерпится, слюбится», — жаловалась она Мане. — Не тут-то было. Он как бы и не обижает меня, но чую, не мила я ему. Не любит он меня.

— Да, Лийка, надо что-то делать. Не дай бог, уедет с Юркой или погода вслед за ним. Ой, горе-то какое.

Через несколько минут доверительного женского разговора Маня встрепелась:

— Слушай, а сходи ты на Чёрную, к бабе этой, Опроше Затворнице. Ведь она и на свадьбе у вас была. Я даже знаю, что тебе надо с собой взять: мёд и бутылку водки. Она разные настойки и отвары делает, а потому пользуется мёдом и водку.

— А зачем к ней? Ворожить, что ли?

— Не ворожить, а привораживать. Она это умеет. И глазом не моргнёшь, как Пашка за тобой бегать будет как собачонка.

— Ой, не знаю, а что я людям-то скажу? В летнюю пору пошла куда-то, ведь неблизко.

— Не бойся, причину найду. У меня вон телёнок кашляет, заодно и принесёшь ему какой-нибудь отвар, не убудет с неё. Сметаны ей за это пошлю. А на Пашку приворот сделает. Всё и наладится. Сама увидишь.

— Неужто правда?

— Так и сделаем. Иди завтра на Чёрную.

Лия сходила в сельмаг, купила пол-литра и спрятала в надёжном месте. На другой день она сказала мужу, что Маня посылает её на Чёрную из-за телёнка, собрала кузовок и отправилась к бабе Опроше. Просить у бригадира лошадь она не стала и пошла пешком через Новую пашню, Ромахин сенокос и старую вырубку, у которой ещё не было закрепившегося названия. Шла больше тропинками, так скорее и от людских глаз подальше. Дело-то скрытное.

Опросинья встретила её приветливо. Поставила самовар и за чаем хозяйка и гостя неторопливо беседовали.

— Телёнок у Маньки кашляет потому, что она ему комбикорму много даёт. Он ведь не корова ещё. Скажи, чтобы пока не кормила химией этой. А для верности отдай ей вот это. — И Опросинья протянула Лие свёрточек из газетного листа:

— Пусть по шепотке кладёт в ведро с водой и даёт телёнку, когда поить будет. — Помолчала немного и добавила: — Только ты, девка, вижу я, не за этим пришла. Говори как есть. С мужем нелады? Плохо живёте? Видела я его у тебя. Статный, но в глазах блеска нет. Неужто обижает? Не похоже.

— Нет, не скажу, что обижает, но и не горит ведь от меня. Третий год живём, а детей нет. Да и тяготит его что-то. А чего — не пойму.

— И чего хочешь?

— Помоги, Опросинья, Христа ради. Сделай так, чтобы он ко мне тянулся. Приворожи. Век не забуду. А то ведь уедет, не дай бог.

— Непростое это дело. Да и грех это, присушить к себе мужика, пусть и своего. Не отмолить будет ни тебе, ни мне. Я ведь ещё на свадьбе заметила, что он сам по себе. Но и тебя жалко. Ладно, делать нечего, давай приступим. Ты вот что, возьми ножницы, иди в мою баню и настриги со срамного места немного волос. На вот газету, завернёшь после.

Когда смущённая Лия вернулась из бани, Опросинья велела ей мелко настричь принесённые волосы, ушла с ними за перегородку и долго шептала над ними заклинания. Затем открыла бутылку водки, высыпала туда мелко нарезанные волосики и стала взбалтывать, продолжая шептать заклинания.

— Придёшь домой, процеди через марлю, и пусть твой муж водку выпьет. Можно сразу, можно по полстакана в день. Это как сама решишь. Иди с богом.

Обратный путь до своей деревни Лия прошла гораздо быстрее. Её всю буквально будоражило предвкушение, как скоро подействует ворожба Опросиньи.

Придя в деревню, она первым делом пошла к Мане. В доме никого не было, а Маня полола грядки в огороде. Вместе они зашли в избу и Лия стала живо рассказывать, что и как говорила и делала Опрошка.

— Слушай, подозрительно будет, если ты сама Павлику водку предложишь. Лучше сейчас процедим зелье это и поставим бутылку за иконами, а Пашка вечером к нам придёт, они с Толей договаривались на точиле топоры выправить, я ему и налью водки с наговором.

— Ладно. Только ты какая-то невесёлая, Маня.

— Да вспомнила я историю одну с ворожкой этой. Аграпина Митькина из Заюжья не захотела оставаться старой девой, когда всех парней на фронт забрали, и сходила к одному старику в деревне Горки. Говорят, он настоящим колдуном был. Вся округа его боялась. Вот он и приворожил к Аграпине Мишку Белого. Всё бы ладно, да женатый тот был. Ушёл к Аграпине от жены и двоих детей. Так замучился весь. Жил у Аграпины, а

сам через день к детям ходил, жена не пускала, если дома была, и Аграпина ругала его за это. Одним словом, разрывался мужик на части, так долго и не прожил. Умер бедный через несколько лет.

— Так то женатый и чужой, а тут мой, законный. Пусть любит. Я вся извелась уже. И потом я другую историю про этого колдуна знаю, с хорошим концом. Помнишь Надьку Сидоркину? Она ходила с Васькой Рыбаком. А родители Васьки заставляли его жениться на другой девке, из Нигина. Когда Надька узнала, что сватовство назначено к другой, сходила к колдуну этому, и ведь помогло. Когда свататься всё-таки поехали в Нигино, на полпути Васька развернул лошадь и сказал: «Надьку жалко. Не поедем в Нигино, на Надьке хочу жениться». И приехали к Надьке и сосватали её. И сколько лет уже живут душа в душу. Так что не отговаривай.

— Ладно, ладно, раз решили, чего уж тут теперь.

И женщины вышли из избы, так и не заметив, что во время их разговора на печи, сверху закрытой занавеской, лежал и слушал их разговор Анатолий — муж Мани.

Он слез с печи, завернул самокрутку и прикурил.

— Ну дела, — проговорил вслух и добавил: — Дуры все бабы и моя тоже.

Через час к дому подошёл Юра. Маня ушла с детьми на речку полоскать бельё, а Толя возился с точилом во дворе. Точило представляло из себя массивный ровный круг из цельного камня с дыркой посредине, через которую был просунут деревянный штырь с ручками на концах. Точило устанавливалось на специальную деревянную раму (станок), и кто-то из помощников хозяина (чаще всего дети) крутили за ручки точило, а сам хозяин прикладывал к крутящемуся точилу топор и таким образом точил его. Точило передавалось из поколения в поколение.

— Дядя Толя, здорово живёшь!

— Здорово, Юра. Проходи в дом. Я сейчас.

— Пройти, конечно, можно. Да больно я сегодня расстроился. Ездил в райцентр, в военкомате надо было отметку в военном билете поставить. Так военком битый час меня стыдил, что я собираюсь уехать из деревни. Говорит, вот не подпишу, и будешь в колхозе работать. Партия так велит. А я что, дезертир какой, что ли? Я на Север еду, там служил и знаю, что жизнь там не сахар, а погода и того хлеще. Не на юга отдыхать еду, а в Заполярье, работать. Одним словом, может, у тебя, дядя Толя, выпить что есть? Душу хоть разрядить.

Когда они зашли в избу, Анатолий, хитро улыбаясь, ответил:

— Самогон-то выпили весь за твой приезд. Больше не делали. Но есть бабское зелье, с наговором. Это чтобы Пашка к Лийке присох. — И он рассказал отставному сержанту историю с ворожкой у бабы Опросиньи.

— Да хрен с ним с наговором. Выпьем, а там что-нибудь придумаем.

И за разговором о службе в Заполярье (Анатолий в своё время служил на Северном флоте) они распили приготовленную для Паши бутылку. А чуть погода и сам Павел пришёл.

— Толя, будем топоры-то точить?

— Да подожди ты с топорами, надо тебе роль сыграть.

— Какую ещё роль?

И тогда Анатолий снова рассказал историю о ворожке, и что водка, которую они с Юркой выпили, предназначалась ему, Павлику.

Втроём они от души посмеялись и решили одурачить неразумных баб. Юрку послали в сельмаг за бутылкой, Павел лёг на лавку, а Толя пошёл встречать Маню на берег реки. Когда они возвращались с речки, Анатолий сказал жене:

— Слушай, я хотел достать заначку, три рубля оставлял в щели за иконой, и невзначай обнаружил бутылку водки распечатанную. Так мы её с Павликом выпили. Я только рюмку, а он с устатку всю опорожнил. Не знаю даже, какой он сейчас помощник, а ведь хотели топоры точить.

— Ну, так и ладно, — обрадовано отвечала Маня. — Брат мой, не жалко для него.

Зайдя в дом, они увидели, что Павел лежит на лавке, какой-то весь взбудораженный и взволнованный.

— Маня, мне надо тебе что-то сказать.

— Что ты, Павлик? Ладно ли всё с тобой?

— Не знаю. Чувствую только, что Лию сильно люблю, прямо очень-очень. Ты не сердись, я тут бутылку водки выпил. Толя нашёл её. Я уже Юрку в магазин послал. Мы тебе вернём.

— Да что ты, не надо. Вы с устатку, не грех и выпить.

— Маня, а ты за Лийкой сходи. Хочу, чтобы она рядом сидела.

Недолго думая, Маня пошла к Лие, которая работала на зерноскладе, отвела её в сторонку и стала быстро рассказывать:

— Подействовал приворот. Павлик тебя зовёт. Выпил он водку и говорит, что любит тебя. Меня за тобой послал.

— Ой, мамочки, так ещё не закончили мы. Тогда подмени меня, а я пойду умоюсь и — к нему.

Лия быстро сходила домой, переделалась и направилась к дому Мани, где мужчины сидели за столом и закусывали. Встретили они Лию радостно:

— Ты знаешь, Лия, — начал Юра, — Пашка всё время, пока мы сидим, говорит, что любит тебя. Мы тебя все любим. Он как жену, а мы как родню, самую близкую. Садись рядом с мужем.

Лия взволнованно и немного с испугом смотрела на Павла:

— Ты чего домой-то не идёшь?

— Знаешь, Лия, накатило что-то прямо в сердце. Сижу и рассказываю мужикам, какая ты у меня самая-самая. Всего меня распирает. Даже хмель не берёт, а ведь вторую бутылку пью. Первую-то, из-за образов которая, почти один выпил.

— Правда, дядя Толя? — Лия спросила Анатолия.

— Да, я сначала не хотел, а теперь вот за вашу любовь и выпить не грех.

— Понимаешь, Лия, у нас ни денег больше нет, ни водки, — вмешался Юрий. — Вот если ты как любящая сноха и жена налила бы нам чего-нибудь, было бы совсем хорошо. А то ведь я уеду скоро. Когда ещё с братом посижу.

— Так не праздник ведь. Люди осудят. Да, дядя Толя?

— Осудит, кто осудит? Не больно сенокос.

— Тогда пойдёмте к нам. Есть у меня немного самогона.

Обрадованные мужики вместе со смущённой Лией направились на другой конец деревни, к большому пятистенку, который много чего видел на своём веку.

Эта история могла бы этим и закончиться, если бы не признак русской природы, присущий некоторым, не только деревенским мужикам — похмелье. На другой день утром Юра пришёл в дом к сестре и попросил Маню:

— Дай какого-нибудь рассола. Голова раскалывается. Видно, приворотная водка ещё хуже действует.

— Какая водка? — спросила изумлённая Маня.

— Ой, да Толя на печи был, когда вы с Лийкой договаривались, как Пашку привораживать будете. Водку-то приворотную мы с Толей выпили, а потом разыграли вас.

— Ироды вы, нехристи, — только и сказала брату Маня.

В тот же день она рассказала Лие о том, как их одурачили мужики.

Может, всё и забылось бы потихоньку, но об этом случае узнали в деревне и стали откровенно смеяться за спиной Лии. Та несколько дней плакала, жаловалась Мане на её родню, а однажды решила умереть. Она перемыла всё в доме, убралась, оделась во всё чистое, взяла верёвку и пошла в сени. Встала на табурет, за крюк, на который когда-то в летнее время вешали детскую люльку, закрепила верёвку и сделала петлю. Слёзы катились из её глаз, когда она просовывала в петлю свою голову. Вдруг она услышала громкие крики и плач детей. Даже в таком состоянии она поняла, что кричат и плачут Манины дети. Она стащила с шеи петлю и выбежала из дома. У самого берега реки стояли и плакали трое ребятешек, а перед ними стояла с угрожающим видом огромная чёрная собака. Она не лаяла, но один вид её был ужасен. Шерсть её на загривке стояла дыбом, а зубы были оскалены. Лия схватила деревянные вилы и бросилась на зверюгу. Та стремглав скрылась.

— Откуда она взялась? У нас в деревне сроду такой не было.

Она обнимала всё ещё плачущих детей и успокаивала их. Прибежала Маня. Кто-то сказал ей, что её дети одни на реке. А затем пришёл с работы, на обед, Павел. Долго обсуждали произошедшее. Потом Маня с детьми пошла к себе домой, а Лия, забывшая от таких приключений о своих намерениях, пошла в дом с Пашей. Они поднялись в сени и оба увидели свисавшую с крюка петлю. Побледневший Павел перевёл взгляд на жену и выдавил:

— Ты хотела?.. Да ты что?

Лия даже не плакала.

— Что мне остаётся? Ты меня не любишь. Люди смеются надо мной после того как вы меня своими шутками опозорили.

Павел подошёл к жене, обнял её:

— Зачем же так? Уладится всё. Я от тебя не уйду. Давай уедем вместе.

...Прошло несколько лет. В летний день около родного пятистенка было шумно и многолюдно. В родную деревню, в отпуск, приехали Павел с Лией и двумя сыновьями, Юра с молодой женой и Нила, только что закончившая медицинское училище. По такому поводу Анатолий с Маней встречали дорогих гостей не у себя в доме, а в просторном пятистенке. Звуки тальянки и смех разносились вдоль реки. А через неё по лаве в это время проходила Опрощка Затворница. Она посмотрела на счастливых улыбающихся людей, среди которых узнала Лию, что-то про себя проговорила и пошла себе дальше, не обращая внимания, как, увидя её, деревенские бабы говорили между собой:

— Ведь приворожила всё-таки. А мы смеялись. Значит сильный у неё приворот.

Вася Матаня

Рассказ

Вася Матаня слыл среди округи мужиком чудаковатым, но добродушным. Жил он в доме, доставшемся ему от отца, вместе со своей женой Федорой, которая была старше его лет на десять, а может, и больше. В ближайших деревнях Васю знали все, он любил побалагурить, а если выпьет, то обязательно брал свою потрёпанную тальянку, играл на ней незамысловатые мелодии и пел частушки. Петь Вася мог и без музыкального сопровождения, когда шёл на конюшню за лошадьё или ехал в поле, летом — на телеге, зимой — на санях. Исполнял он не только всемирноизвестные деревенские частушки, а и песни, сочиняемые на ходу, из серии: что вижу, о том и пою. Не всегда можно было расслышать, о чём поёт Вася, но различить его настроение по исполняемым песням было несложно. У него все мелодии делились на две категории: грустные и весёлые. Причём в меру грустные и в меру весёлые. Василий был невысокого роста, с голубыми глазами, которые он прищуривал при разговоре, и русыми волосами. Волосы Василий подстригал регулярно, а не от праздника к празднику, а то и раз в полгода, как это делали другие деревенские мужики. С ним любили играть дети, те, что помладше, а те, что постарше, могли над ним подшутить, причём иногда небезобидно. Своих детей у Васи с Федорой не было, но иногда к ним навевывались племянники, которые, бывало, гостили по несколько дней.

Матаней Васю прозвали с юности, когда он каждую миловидную девушку называл «матаня», то бишь подружка его. Прозвище это настолько закрепилось за ним, что впоследствии Вася стал на него откликаться. Надо сказать, девушек он очень любил, да и вообще охоч был до женского пола.

В бытность его молодости, когда парни и девушки собирались на игрища, он гулял и плясал вместе со всеми, но при каждом удобном случае норовил потрогать грудь потерявшей бдительность девушки, оказавшейся рядом с ним. Если вечером он куда-то шёл и его односельчане спрашивали: «Это ты куда, Вася, на ночь глядя собрался?», он так и отвечал: «Девкам титьки мять». Отец его погиб на войне, мать хоть и была женщиной набожной, на его шалости особо не реагировала, а потому вырос Василий этаким бабником и распутником, но скорее бабником по репутации, потому как все девки в округе знали о его повадках и не жаловали его своим вниманием.

Была ещё одна особенность у Василия. Он не участвовал в драках и потасовках, которые случались на деревенских праздниках и игрищах. Если начиналась подобная заварушка — а, как правило, свои деревенские парни дрались с парнями из других деревень — Василий становился каким-то незаметным, а то и вовсе куда-то исчезал. Но как только драка заканчивалась, он снова появлялся.

В армию его не взяли. В то время в деревнях считалось, что каждый парень должен отслужить в армии свои два года, а если на флоте, то и три. В противном случае женихом он считался незавидным. С Василием при призыве в армию произошла такая история: на призывном пункте, в районном центре, куда призывники прибыли для сбора и последующей отправки в воинские части, все парни проходили медицинский осмотр. Зайдя в очередной кабинет, где принимала молодая женщина — врач с пышным бюстом, — Василий, который, кстати, был в одних трусах, буквально онемел, увидев её грудь. Грудь выпирала из белоснежного халата и буквально манила его своими пышными полушариями. Он не смог назвать даже свои имя и фамилию, когда врач спросила его:

— Вы меня слышите? С Вами всё в порядке? — участливо сказала доктор. Вася молчал и только сопел носом. Женщина встала из-за стола, подошла к парню и помахала ладонью перед его глазами: — Аллё, гараж? — И здесь произошло то, что в медицинских кругах называют мудрёными терминами, но доктора могут объяснить и просто — переключило. Василий всей своей потной рукой влез в бюстгальтер, прикрывающий, но не закрывающий восхитительную грудь, и жадно начал трогать голое тело молодой женщины. Он не чувствовал, как она отбивалась, как пыталась молотить своими ладошками по его лицу, он одной рукой держал её за талию, прижимая к себе, а другой млял её груди. Женщина закричала, и в кабинет вошли

стоявшие в коридоре призывники. Они силой вытащили Василия в коридор. Когда в кабинет незадачливого специалиста подошли другие врачи, то докторша, на которую было совершено такое посягательство, потребовала, чтобы психиатр сделал соответствующее заключение о психическом состоянии Василия. — Он же больной, ненормальный, псих, маньяк, его лечить надо!

Одним словом, весь этот переполох закончился тем, что Васю признали негодным к воинской службе, или, как говорили тогда, «выдали белый билет». В милицию заявлять никто не стал, так как Вася ничего, кроме грудей, у молодой женщины не трогал и ни на что больше не посягал. Станным образом получилось так, что односельчане Василия, обсуждая этот случай, обвиняли во всём докторшу, но никак не Васю. И никаких обидных слов на предмет того, что Вася так и не пошёл в армию, ему никогда никто не высказывал. Более того, вдовушки и старые девы — их, правда, было немного — начали оказывать Василию определённые знаки внимания, и тот пошёл по рукам. Прозвище Матаня приобрело некий другой смысл, то есть Вася стал другом некоторых одиноких женщин, независимо от их возраста. Но Василий был моралистом, он никогда не смотрел в сторону замужних или тех одиноких женщин, у которых появлялся ухажёр. А появилась эта нравственная устойчивость после того, как один из парней, из другой деревни, заметил, что Матаня пытается заигрывать с его девушкой. Парень долго не разбирался с доморощенным казановой. Поймал Василия у реки и притопил голову соперника со словами: «Ты Матаня, не пескарь, хоть и похож. Враз захлебнёшься, если ещё раз взглянешь, сам знаешь, на кого».

Женился Василий по подсказке своей матери на одинокой женщине немолодых лет — Федоре. Мать, видимо, понимала, что видная девка за него не пойдёт, а одному мужику оставаться нельзя. Мать вскоре умерла, заботы по хозяйству легли в основном на Федору, а Василий работал в колхозе.

Жена Василия давно перестала реагировать на шалости мужа. Она состарилась и почти всё время проводила на приусадебном участке, во дворе и хлеву. Выделялась она среди односельчан лишь тем, что единственная в те годы держала козу, тогда как все остальные жители деревни не представляли своей жизни без коровы. Василий с годами тоже стал далеко немолод, его походы на сторону стали не так активны, но привычки остались.

Вечерами, возвращаясь от своей зазнобы Аннушки, что жила в соседней деревне, он негромко распевал:

У Матани сердце сжало,

Дайте рюмочку вина,

Моя дrolечка прознала,

Ночевал я где вчера.

Аннушка красотой особой не выделялась, но была бойкой, весёлой и работающей. Когда-то она была замужем, но муж уехал на заработки, как тогда говорили — «на города», и пропал, ни слуху ни духу. Василия она всегда встречала с улыбкой, угощала блинами, оладьями и совсем не смущалась перед односельчанами за своего любовника.

А Василий оставался самим собой: мальчишек старшего возраста он наставлял: «Когда пойдём косить на луг, за рекой, вам надо заранее перейти вброд реку и спрятаться на том берегу, в кустах. Сначала реку переходят мужики, как только они отойдут от берега, пойдут через реку вброд бабы. А они переходят как? Сарафаны поднимают, чтобы не замочить. Вы тогда всё их богатство на передке и высмотрите».

Его дом обходили цыганки, которые традиционно спрашивали у деревенских жителей молока, масла и яиц. Одно время Василий работал в колхозе конюхом, и к нему обратилась молодая цыганка с просьбой дать ей сена для лошадей, на которых цыгане путешествовали по сёлам и деревням, наслаждаясь свободой и одурачивая местных жителей гаданиями и предсказаниями.

— Конечно, дам, отчего не дать. Сена хватит. Пойдём на скотный двор, там возьмёшь сена столько, сколько унесёшь.

Когда они пришли на место, Василий сказал:

— Я тебе помогу сена набрать и завязать верёвкой, только сначала и ты дай.

С этими словами он повалил цыганку на сено, не скрывая своих намерений, но та вырвалась и, ругаясь, убежала. С той поры цыганки не приближались к дому Василия.

Однажды на дальнем сенокосе Володька Лапшин, заводила среди мальчишек, сказал, что в обед устроит Васе Матане «концерт». «Концертом» он называл какую-либо выходку якобы в шутливой форме. Бабы и мужики расположились на обед в тени деревьев. Сидели на траве семьями, расстелив перед собой небольшие скатерти или платки, взятые с собой специально для этого. Рядом ставились корзины с хлебом. Обед на всех готовил на костре в больших металлических вёдрах назначенный на весь сенокос молодой парень — Степан, имевший не по годам серьёзный вид, которого все за глаза называли «Косой». Причём не за косоглазие, его у него не было, а скорее за высокий рост и худощавость. Степан, когда разговаривал с кем-либо, немного наклонялся вперёд, наверное, предполагал, что иначе его не расслышит собеседник, получалась такая кривая фигура, из-за которой ещё в детстве его и стали называть «Косой». Готовил он хорошо, суп из колхозной говядины и пшённая каша были отменные, и даже самые придирчивые бабы, которые все сами были хозяйками, могли только поблагодарить повара, иногда называя его по отчеству: «Спасибо, Степан Гаврилович». А возвращаясь с работы, беседовали между собой: «Если уедет Косой на чужую сторону, на заработки, кто обеды готовить будет? Только если Матаня, он всё равно больше поёт, чем работает».

Володька Лапшин, готовясь к «концерту» заранее изловил лягушку — а их было великое множество в болотистой траве — у берега маленькой речушки, больше похожей на ручей, которую называли Миляш. Как только Василий сел рядом со своей корзиной, готовясь к обеду, Володька подошёл к нему со спины и отпустил мокрую лягушку Василию за шиворот. Рубаха у Василия была заправлена в брюки, перетянутые ремнём, и лягушка никоим образом не могла оттуда выбраться, несмотря на дикие крики перепуганного Василия, его подпрыгивания и метания во все стороны. Он не понимал, что ему запустили за шиворот, может, ящерицу, может, змею, но что-то живое, шевелящееся, мерзкое и липкое. Наконец, он смог расстегнуть ремень и вытряхнул лягушку. Пока испуганный Василий пытался освободиться от прикосновений земноводного животного, крича от ужаса, никто из присутствующих не смеялся, что поставило в тупик Володьку. Он ведь рассчитывал на хохот и шутки. А номер не прошёл. Лапшин осознал, что сценарий идёт не по плану, и на всякий случай отошёл подальше. Василий с криком, но уже другим по смыслу и значению, схватил воткнутые в землю деревянные вилы-трёхзубцы и бросился за Володькой, который, удирая от разъярённого мужчины, перемахнул одним прыжком через Миляш и скрылся в лесу. Василий тоже хотел перепрыгнуть ручей, но не смог, оступился и плюхнулся во весь рост в воду и траву, затем выполз на берег, но встать сразу не смог. К нему подбежал Косой и помог подняться. Все забыли об обеде. Бабы велели Василию снять рубаху и штаны, затем закутали его старым покрывалом, находившимся в кузове грузовой автомашины ГАЗ-53, на которой все и приехали на сенокос. Косой подбросил дров в костёр и усадил Василия поближе к огню. Мужики говорили, что надо бы Матане сто грамм, на улице не жарко, как бы он не простудился, да где их взять эти сто грамм. Володька, наблюдавший за всем происходящим из-за кустов, слышал, как его мать грозила в его сторону:

— Пусть только покажется, опалысок этакой. Ремня от батьки как пить дать получит.

Потихоньку все успокоились и стали обедать, а потом пить чай, приготовленный тоже на костре из кустов смородины. Через какое-то время мать Володьки крикнула в сторону кустов, где скрывался виновник инцидента:

— Володька, иди, поешь — и за работу. А то хуже будет.

Через пару дней об этом случае все забыли, и только Володька опасался, как бы Матаня не отомстил ему за опрометчивый поступок на сенокосе.

Вскоре Володьке как старшему среди деревенских пацанов-школьников доверили возить на лошади с телегой по утрам фляги с молоком от местной фермы на центральную усадьбу. Туда молоко свозилось со всей округи, переливалось в цистерну, и её сразу отвозили в райцентр для переработки. Утренняя дойка заканчивалась на ферме, когда многие ещё спали, но Володьке приходилось вставать очень рано. Он спал на сеновале и заводил с вечера будильник, чтобы не проспать. Прошла неделя, Володька уже подсчитывал, сколько он заработает за утренние поездки с молоком, если все каникулы отработает на перевозке молока, плюс дневная работа в колхозе. Но однажды Володька проспал. То ли забыл завести будильник, то ли будильник не сработал. Проснулся он, когда уже цистерна явно была отправлена из центральной усадьбы. И всё же побежал на ферму, сам не зная, зачем. Но его никто не ругал. Пустые мытые фляги, опрокинутые вниз, как и положено, стояли на месте. Он подошёл к скотнику Валентину:

— Слушай, Валентин, а кто молоко отвёз? Я ведь проспал.

— Так Матаня отвёз. Он на конюшне в это время всегда. Увидел, что ты лошадь не забрал, сам её запряг и вёз молоко. Незлопамятный совсем Матаня наш. Не стал тебе припоминать выходы твои паскудные. Случись так со мной, я бы тебя в бараний рог согнул и разгибать не стал. Был бы у нас ещё один Косой.

Прошёл ещё год. Заканчивались восьмидесятые годы. В стране начинались изменения, которые население встречало с восторгом и надеждой, чтобы через десятилетие осознать, что надежды не оправдались, а восторг был недолгим. Но в деревне пока всё шло по-прежнему. Люди работали в поле, на ферме, держали домашний скот и обихаживали приусадебные участки. Василий похаживал только к одной зазнобе — Аннушке. Та жила в трёх километрах от его дома, но это расстояние надо было преодолеть через овраг и речку Каменку, которая разливалась весной всегда и осенью иногда, если шли дожди. Никого не удивляло, что Василий почти каждый вечер поздно возвращался домой от Аннушки. Иногда он оставался у неё ночевать, но беспокоился о Федоре, которой якобы трудно одной истопить утром печь, и старался после ужина с Аннушкой и душевными беседами возвращаться домой. Однажды осенью, уже затемно, он переходил овраг и вдруг услышал, что его кто-то окликнул. Василий перекрестился.

— Не дай бог нечистый шалит.

— Василий, подойди. Это я — Володька.

У дороги, в темноте, лежал человек.

— Кажись, ногу сломал. Хотел с разбегу Каменку перепрыгнуть, да в темноте на камень прыгнул и упал. Придешь в деревню, скажи отцу, пусть лошадь запряжёт и приедет, заберёт меня.

— Курица — не птица, не улетит, Каменка — не Миляш, не перепрыгнешь. Так вот, да ладно. Пока я до деревни дойду, пока отец лошадь запрягает и едет сюда, часа полтора, а то и два пройдёт. Ты здесь околеешь. На вот бушлат, подложи под себя. Я сейчас.

Василий снял бушлат, засунул его под лежащего парня и направился к стоящим рядом осинам. С трудом выломал две большие ветки, пришлось повозиться, но у него был перочинный нож, и с его помощью он сумел не до конца отломившиеся от его усилий ветки отделить от дерева. Подошёл к Володьке:

— Перекатывайся на ветки, придётся тебя прокатить.

— Ты что, меня на ветках повезёшь?

— Да, ты ведь не девка, чтобы тебя на руках носить. Да я сейчас и девку-то не унесу. Не то что раньше. Любую молодуху за километр мог отнести, лишь бы согласилась.

Тащить Володьку пришлось нелегко. Парень был уже повзрослевшим, тяжёлым. Василий, согнувшись, упорно тащил ветки с Володькой, а чтобы было легче — рассказывал:

— Была у меня одна молодка. Не буду говорить, из какой деревни. Деревня эта за рекой. Так вот, когда ледоход весной начался, я к ней по затору ледовому через реку перешёл. А когда возвращался — затора уже нет. А домой надо. Ни плота, ни лодки. Пришлось идти в ближайшую деревню, взял у знакомых топор и гвозди, срубил пару деревьев, сделал из них типа плотика, и переплыл реку, уклоняясь от льдин, которые плыли по реке. Как не утонул, сам не знаю.

Не страшна мне непогода,

Даже в дождь или в пургу

Как награду все объятья

Я от милочки приму.

Так Василий за разговорами и частушками притащил Володьку к конюшне. Запряг лошадь и повёз его в больницу, что находилась за десять километров от их деревни.

— Родителей будить не будем. Утром скажу, что ты в больнице. А сейчас что их беспокоить. Я сам тебя отвезу.

Через несколько месяцев Володька закончил школу и решил поступать в высшее военное училище в Ленинграде. До автобусной остановки его на телеге повёз Косой. Телега была старой, скрипучей, лошадь тоже не шибко бойкая.

— Правильно делаешь, что уезжаешь. В колхозе молодым делать нечего, — говорил Степан, — перестройку объявили, но пока ничего не меняется, одна болтовня. А что дальше будет, не знаю. Наверное, тоже уеду, надоело в навозе копаться. Жена моя, Надька, согласна, хоть завтра, говорит, уедем.

На трассе, у автобусной остановки, Володька остался ждать автобус, а Косой вернулся в деревню, где его ждали привычные дела и заботы. Но теперь у него появилась надежда на переезд в город и новую жизнь, в которой заработки большие, выходные регулярные и отсутствие деревенской грязи, с которой он вырос и провёл молодость.

Через несколько лет, в девяностые, перемены пришли и в колхозную жизнь. Колхозы постоянно реформировались. Каждый житель деревни надеялся на лучшее. Но недаром говорят: «На бога надейся, а сам не плошай». Василий Матаня новые времена встретил по-своему. Если в очередной раз в стране происходит ломка старого и приветствие нового, он в своей жизни тоже кое-что поменяет. В один из дней ушёл к Аннушке, а вечером домой вернулся не один, а вместе со своей ненаглядной Аннушкой и её коровой, которую та вела на поводке. А ещё через день перевёз на телеге все пожитки Аннушки к себе в дом. Федора была уже совсем старушка, целыми днями, считай, на печи лежала. Козлуху и другую живность они уже не держали, а тут — корова. Оказывается, Василий терпеть не мог козьего молока, в вот коровье молоко с удовольствием употреблял. Чего только не готовила из молока Аннушка: простоквашу, сметану, творог. С молоком замешивала тесто и выпекала белый хлеб, на молоке варила пшённую кашу и даже ягоды, собранные для Василия, ставила на стол в алюминиевом блюде с молоком.

Деревенский народ, на генетическом уровне, в течение столетий впитавший, казалось, незыблемые законы нравственного поведения, воспринял новость о переселении Аннушки в дом к Василию, в котором ещё жила Федора, как-то совершенно спокойно. В деревнях любое прелюбодеяние было как бы под запретом, а о многожёнстве и слыхом не слыхивали. А поди вот, Матане можно.

Аннушка навела порядок в доме, возродила зарастающий огород Василия, завела в хлеву поросёнка и курей.

В это время как раз Степан Косой гостил у родителей. Он теперь жил в Республике Коми, работал на шахте, но каждый год летом приезжал к родителям со всей своей семьёй. Отпуск у него заканчивался, и он перед отъездом зашёл к Василию попрощаться. Поговорили немного, затем Косой встал с лавки и, уходя, попросил Аннушку закрыть за ним калитку. Выйдя из дома, Косой сказал Аннушке:

— Слушай, Аннушка, ты теперь не только за Васей ухаживай, а ещё больше за Федорой. Не дай бог, помрёт, скажут: загубила старушку, голодом заморила. Сама знаешь, с Василия — как с гуся вода. Он у нас вроде неприкасаемого, а тебя люди осудят.

Аннушка взялась за Федору со свойственным русской женщине задором и энергией. Затопила баню, помыла старушку, усадила за стол пить чай и объявила, что завтра повезут они её в больницу. Федора сначала отнекивалась, говорила, что умрёт и без больницы, но поняла, что Аннушка настроена решительно, и больше не сопротивлялась.

В больнице никаких особых болезней у Федоры не нашли, но доктор посоветовал ей хорошо питаться, бывать на свежем воздухе и самое главное — положительных эмоций.

«С воздухом и питанием проблем не будет, но где взять для Федоры положительные эмоции? Она хоть и старая, но из ума не выжила и понимает, что любовница Василия при живой жене в их доме живёт», — так или примерно так думала Аннушка.

Думала, думала и придумала. Нашла адреса племянников Федоры, которые уже взрослые и семейные проживали в областном центре, и пригласила их в гости. Племянники приехали, один — с женой и детьми, второй — просто с женой. Сначала был лёгкий переполох и непонимание: что за Аннушка такая? Но увидев, какой в доме порядок, что Федора сытая и хорошо одетая, не только лежит на печи, но и сидит за общим обеденным столом, выходит на улицу посидеть на лавочке, за ней ухаживают, холят и заботятся, то приняли случившееся в духе непознанной русской философии: так лучше и быть не может, ведь без Аннушки загнута бы уже их тётка-старушка. На какое-то время Федора стала центром внимания, оживилась и объявила, что когда помрёт, её самовар с медалями и серебряный поднос надо отдать одному племяннику, а все накопленные облигации — другому. Объяснила это тем, что Аннушка пришла со своим самоваром, облигаций у неё и Василия своих хватает, а племянникам память будет.

Два дня гостили племянники у Василия. За это время почти вся деревня побывала в гостях в его доме, что раньше не замечалось. И всех Аннушка встречала и угощала в лучших деревенских традициях.

А через неделю в деревню подъехал уазик, из него вышел председатель сельсовета — теперь его называли главой сельской администрации — и решительно направился к дому Василия.

— Никак Матаню арестовывать приехал за многожёнство. Но один, без милиции. Может, просто Аннушку выгонять? — загудела деревня. Все, кто не был занят работой, стали собираться у дома Василия, но в дом не заходили, пока там начальство. Через какое-то время из дома вышел председатель в сопровождении семенившего рядом Василия.

— Так ты его, председатель, куда? — спросил один из мужиков, стоявший ближе всех к калитке, — если арестовывать, то мы, это, против, не позволим, значит. Да и не можешь ты его арестовывать, власти такой у тебя нет.

— С чего вы взяли, что его арестовывать надо? Никто и не собирався. Я с ним воспитательную работу проводил. Сказал, чтобы он с Аннушкой Федору не обижали. Слухи до районной администрации дошли, что у вас тут шведская семья, вызывали меня. Я сказал, что Аннушка их дальняя родственница, если кто ещё приедет, так и говорите — родня, мол. Хоть и не поверят, но и проверять не будут. Лишь бы газетчики из центра не нагрязнули, те раздуют так, что мало не покажется. Жёлтая пресса это называется.

Федора умерла через три года. Вскоре закончились и различные преобразования бывшего колхоза, когда-то крепкого хозяйства, от которого остались только опустевшие фермы и конюшни, а в деревне остались жить в основном пенсионеры. Остальные жители разъехались. Больницу и школу закрыли при оптимизации. Бывшие колхозные поля и луга заросли кустарниками, а то и лесом, и только реки, речки и ручьи всё так же разливались по весне. Василий с Аннушкой сдали корову на мясо, хотели продать, да кому в такое время корова нужна. Поросят тоже перестали держать, но курей оставили.

В деревне больше ничего не менялось. Лишь в летний период приезжали к старикам их дети и внуки, но ненадолго, всем хотелось свой отпуск провести в Египте или в Турции. Так прошло ещё несколько лет.

Но однажды деревня оживилась. К дому родителей Володьки Лапшина подъехал «джип», и из него вышел офицер с погонами подполковника. В доме этом давно никто не жил, но народ понял — приехал Володька. Теперь — Владимир Яковлевич. Подполковник посмотрел на родной дом, немного постоял, здороваясь с соседями, и направился к дому Васи Матани.

Ближе к вечеру все земляки, захмелевшие от выпитого (Владимир крепко угостил всех, кто остался в деревне), вышли из дома Василия. Хозяин дома присел на лавочку и запел:

Подхожу к родному дому —

Дом невесело стоит.

Заготовлена котомочка,

На лавочке лежит.

Подполковник предложил:

— Василий, так, может, тальянку возьмёшь, сыграешь. Под неё петь интереснее. Я ведь некоторые твои частушки до сих пор помню.

— А я многое забыл. Да и тальянки нет, играть не на чем.

Переночевав в своём доме, подполковник Лапшин уехал. Вернулся он снова через два года. Теперь он был в погонах полковника, а в руках держал новую тальянку.

— Для Василия купил. Специально ездил в Суздаль, только там договорился. Редкий музыкальный инструмент по нынешним временам, — рассказывал он старикам-соседям, которые вышли по старой доброй традиции поздороваться с гостем.

— Так помер Матаня-то, ещё в прошлом году помер. А следом за ним и Аннушку похоронили.

Полковник Лапшин сидел на кладбище у двух могильных холмиков с деревянными крестами, рядом со зданием обветшавшей церкви. Он облокотился на стоявшую рядом с ним тальянку и вдруг так ясно вспомнил слова из частушек Матани, что неожиданно для себя тихо пропел:

Выхожу с утра из дома —

А снежок-то свежий.

Вот и жизнь моя прошла,

Словно я и не жил.

Твой день, Владимир!

Рассказ

История эта произошла в восьмидесятые годы прошлого столетия в обычном городе с обычными людьми в предновогодние дни, а точнее в последнюю субботу уходящего года. После выходных было ещё два рабочих дня перед Новым годом, но все основные покупки для праздничного стола горожане стремились сделать именно в субботу, так как в воскресенье магазины не работали. А 30 и 31 декабря времени всегда не хватало, поскольку на работе, кроме дел, которые необходимо было обязательно закончить в уходящем году, повсеместно организовывались посиделки с коллегами, наподобие современных корпоративов.

Вот и Володе предстоял сегодня непростой день. Его жена Галя пойдёт с маленькой дочкой Юлей до ближайшего продовольственного магазина и купит часть продуктов, а потом они будут наряжать ёлку, но основные закупки по списку предстояло сделать Володе на рынке: мясо, зелень, фрукты... Кроме того, надо купить шампанское. Водку и колбасу Володе традиционно выдали на службе в праздничном продуктовом наборе, но они с Галей собирались встречать Новый год вместе с такой же молодой семейной парой, и шампанское на стол просто необходимо. Детские праздничные подарки из конфет, мандаринов и яблок для Юли они уже получили, каждый на своей работе, один дочке уже вручили, а второй положат под ёлку в новогоднюю ночь. Юле не было ещё четырёх лет, но она была очень смыслёной и общительной девочкой. Её знали и любили все соседи, приглашали на чай и, возвращаясь из гостей, она подробно рассказывала родителям: с кем общалась, и чем её угощали. Юля была очень подвижная и непоседливая. Ещё когда ей не было и года, и она могла только стоять в детской кроватке, расположенной у стены рядом с книжными полками, её любимым занятием было скидывать в свою кроватку по очереди все книги, до которых она могла дотянуться. Если Галя была занята и не успевала убрать на место книги, то Володя, приходя с работы, видел такую картину: на груди из книжек совсем недетских сидит Юлечка и перебирает их, как игрушки. Игрушки тоже у Юли были, но её больше интересовали книги, журналы, открытки. Наверное, поэтому Володя всегда вечерами читал ей какую-нибудь сказку или рассказ. Когда Юля чуть подросла и выходила гулять во двор, мама всегда завязывала ей яркую вязаную косынку, так легче было увидеть или даже отыскать непоседливую Юлечку. Дело в том, что Юля не умела ходить нормальным шагом, она всегда передвигалась бегом, и стоило только на минуту отвлечься, как она была уже на другом конце двора или ещё дальше. И тогда кто-либо из родителей бежал за ней следом, благо такая яркая косынка была видна издалека.

Их маленькая семья жила в деревянном двухэтажном доме, разделённом на комнаты, и в каждой комнате жила отдельная семья. Большой общественный туалет из белого кирпича, состоящий из двух секций, стоял во дворе, и по утрам там иногда образовывалась очередь. В комнате стояла небольшая печка, которую топили дровами. В доме водопровод, а потому проблем с водой не было. Готовила Галя на двухкомфорочной электрической плитке удачной конструкции (из-за высокой температуры быстро готовилось любое блюдо). Плитка располагалась на специальном столе, отделённом от основной части комнаты большим шифоньером. Получилась как бы маленькая кухня, где кроме прочего стоял и небольшой холодильник.

Юлю рано определили в ясли, так как Галя работала медсестрой в реанимации городской больницы, её очень ценил главный врач, и для Юли без очереди выделили путёвку. Правда, ясли находились неблизко, но молодых родителей это не смущало, и они по очереди, а иногда и вместе приходили после работы за Юлей. Если погода позволяла, они шли пешком по городу, затем поднимались на железнодорожный мост и смотрели вниз на длинные грузовые составы, затем спускались с другой стороны моста, а там уже и их дом недалеко — на улице Тургенева. Квартиру в этом неблагоустроенном доме Володе выделили, не снимая с очереди на благоустроенное жильё. Галя тоже стояла в очереди на получение жилья, но у Володи шансов было больше, так как он работал в крупном строительном тресте.

Квартиры выделялись бесплатно, согласно очереди, учитывался стаж и количество членов семьи, но ждали получение квартир годами. Молодые специалисты пользовались льготами, но, чтобы быть вместе, Володя с Галей не поехали по распределению (их направляли в разные города), и оттого автоматически лишились этой

льготы на первоочередное жильё. Всё устраивало Володю и его жену в этой жизни: они были молоды, любили друг друга, имели работу по специальности, а самое главное, их всегда радовала дочка Юля.

Их родные жили в других городах, виделись они с ними только во время отпуска, а потому привыкли полагаться только на себя и друг друга. Они успевали ходить в гости, в кино и театр, благо Юлечку охотно оставляли у себя соседи, да и дома в их небольшой комнате было достаточно уютно, и они с удовольствием проводили время вместе. Денег, конечно, не хватало, но одежду и мебель можно было приобретать в рассрочку, да и кассой взаимопомощи можно было воспользоваться при необходимости. Одним словом, главной мечтой их жизни была благоустроенная квартира. Как сказал дядя Яша, живший в одном из соседних домов и ремонтировавший им печку: «Пора вам переселяться из этого клоповника. По статусу вам жить здесь не положено. Хорошая у вас семья». Но слова и желания пока не совпадали с реальной жизнью.

Вот и вчера, в пятницу, было заседание профкома по распределению квартир, последнее в этом году. Обычно счастливицу сразу сообщалось об этом, ему вручались ключи от новой квартиры, а через какое-то время и ордер на новое жильё. Но Володя сразу понял: в списке получающих его нет, да и вообще как-то тихо всё было, никто никого не поздравлял, и к Володе никто не подходил. Сколько ещё ждать? Год, два, три? Володя даже чувствовал некую вину перед Галей, которая, правда, не упрекала его ни в чём, но он понимал, что рай в шалаше — это хорошо, но лучше, если это всё-таки не Тургенева, 12.

Володя взял сумку для продуктов, надел свою шубу из овчины с пышным белым воротником, покрытую сверху тёмным материалом и отороченную на рукавах натуральным мехом. Это был подарок от матери. Шуба эта делала его не только заметным, но даже каким-то важным и излишне крупным, хотя на самом деле Володя был стройным и энергичным парнем. Он не стал ждать автобуса на остановке недалеко от дома, а пошёл к железнодорожному мосту. Перейдя его, он оказался на привокзальной площади, откуда автобусы ходили куда чаще. День был холодный, но редкие маленькие снежинки, тихо падающие на землю, давали надежду, что к обеду, возможно, потеплеет. На большой крытой автобусной остановке стояло всего три человека: мужчина с женщиной и старушка — божий одуванчик. Старушка была какая-то совсем маленькая, укутанная поверх пальто в большой серый платок, в руках она держала необычную замысловатую трость, больше похожую на клюку Бабы Яги. При этом мысленном сравнении Володя улыбнулся. Ведь буквально на днях жена рассказала ему забавный случай, который произошёл в общей городской бане, куда Галя ходила вместе с Юлей. Недалеко от них в моечном отделении сидела пожилая женщина с длинными седыми волосами, которые она расчёсывала каким-то гребнем. Юля сначала долго и очень внимательно смотрела на старушку, затем подошла к ней и спросила:

— Ты Баба Яга? Да?

Сидящие рядом женщины не смогли сдержать улыбок, а старушка, увидев, что к ней обращается девочка-ангелочек, спорить не стала:

— Да, можно и так сказать. Но я не всегда была такой. Прежде я была Еленой Прекрасной.

— Тебя что, околдовали?

— Нет, дитятка. Просто всему свой черёд.

Галя с извинениями отвела Юлю на своё место, а старушка просто сказала:

— Чего здесь извиняться? Ребёнок непосредственный, любопытный, а это уже хорошо.

Подошёл автобус. Володя пропустил старушку и вошёл следом в салон автобуса через заднюю дверь. Народу в автобусе было много. Да и понятно — у всех предновогодние хлопоты. Старушка попыталась двинуться вперёд, но это у неё не получилось. Везде стояли пассажиры. Она даже до поручня не могла дотянуться. На заднем сиденье лицом к выходу сидел краснощёкий полноватый мальчишка лет двенадцати. Он был просто

вылитый персонаж из известного выпуска «Ералаш». Через плечо стоявшего впереди мужчины Володя доброжелательно обратился к мальчишке:

— Давай, отрок, уступим место бабушке.

Мальчишка не торопясь, но встал, освободил место, и Володя помог старушке протиснуться к сиденью.

«Старушка вся седая, сморщенная, но какая-то просветлённая. Прямо чувствуется в ней загадочность. И глаза больно чистые для её возраста. А клюшка у неё совсем странная и необычная. — С такими мыслями ехал Володя, стоя на задней площадке переполненного автобуса, а рядом сидела довольная старушка с обаятельным выражением лица. — Понравилось, что я ей помог. Лицо такое одухотворённое».

Перед остановкой у рынка бабуля поднялась с места и стала пробираться к выходу.

— Да мы здесь все выходим, — сказал ей кто-то из пассажиров. — Не торопитесь. Все успеем.

У рынка действительно сходили многие пассажиры, но Володя с каким-то необъяснимым чувством ответственности помог старушке спуститься, при этом её клюка непонятным образом зацепилась за поручень, и Володе пришлось шагнуть обратно на ступеньку и отцепить бабушкин атрибут.

На рынке Володя был долго. Он знал, у кого купить свежее мясо, и оставил это напоследок. Сначала он решил пройти чуть дальше, на так называемую барахолку. Барахолки семидесятых-восьмидесятых годов — это отдельное значимое явление той эпохи. На барахолке можно было купить всё, если были деньги. Здесь приобретали новые или едва поношенные джинсы и куртки с логотипами известных западных фирм, турецкие дублёнки и чешскую обувь, валенки местного производства и посуду из настоящего фарфора, а также вещи и одежду, которые стали ненужными хозяевам, и они были готовы продать их по очень низкой цене.

Володя шёл сюда с определённой целью: ему нужна была дамская сумочка — подарок для Гали. Она как-то показала Володе, какая сумочка нравится ей, и он решил подарить именно такую на Новый год, если найдёт.

Ему повезло: словоохотливый мужчина кавказкой внешности одну за другой доставал из огромного мешка сумочки, пока Володя не увидел точную копию той, которую показывала ему Галя. Он поторговался с продавцом, хотя уже точно знал, что всё равно купит эту элегантную кожаную сумочку серебристого цвета.

Важная покупка была сделана, и Володя с удовольствием «обмыл» её стаканом газировки с сиропом из автомата в здании рынка. Газировку он выпил не залпом, а наслаждаясь привычным ещё с детства вкусом сладкой жидкости, с которой было связано немало воспоминаний. Любой выход в город, на прогулку, с семьёй или с приятелями, особенно в летнее время, включал в себя процедуру употребления газировки, когда уличный автомат, получив трёх-копеечную монету, с шипением и рокотом наливал в гранёный стакан сначала немного сиропа, а затем воду с газом. В детстве мальчишки спорили (заклучали пари) на стакан газировки, родители напитком из этого агрегата ублажали маленьких детей, а взрослые дядьки, случалось, брали стакан из автомата, чтобы выпить на троих, за углом, поллитровку водки, иногда забывая возвращать стакан на место. Самому агрегату иногда доставалось в прямом смысле, если он вдруг начинал капризничать и не наливал газировку в ответ на опущенную в него монету. Тогда незадачливый клиент хлопал по нему ладонью, а то и вовсе ударом кулака заставлял автомат выполнить свои обязанности.

Лимонад в бутылках продавался во всех продовольственных магазинах, но выпить газировку у автомата, предварительно сполоснув стакан при помощи специального нехитрого устройства, было как-то привычнее, и в этом был своеобразный элемент красивой жизни, о которой в то время говорили все, но мало кто реально имел о ней представление.

Володя порылся в карманах, нашёл «двушку» (две копейки) и позвонил с телефона-автомата Виктору Петровичу Ястребову, тренеру институтской баскетбольной секции. Володя, как и некоторые его сокурсники, любил баскетбол, они занимались в спортзале института не только в отведённое для их секции время, но и

просто играли между собой, когда спортзал был свободен от занятий, разделившись на две команды, необязательно по пять человек. Володя не обладал баскетбольным ростом, но его техничность нравилась тренеру, и он формально, не включая Володю в состав сборной института, привлекал его к играм с командами из других вузов и техникумов. Соперники, считая, что Володя с его ростом не основной игрок, оставляли его без опеки, особенно в начале матча, и он за несколько минут делал серию блестящих проходов к кольцу, виртуозно забрасывая мяч в корзину. Пока команда соперников осознавала, кто есть кто, время было упущено, Володя набирал желаемые очки, полностью выкладываясь, а потом его заменяли.

Он всегда поздравлял своего бывшего тренера с праздниками, так как сохранил признательность за те студенческие годы, когда он жил в общежитии, и Ястребов иногда выбивал для него в спорткомитете талоны на питание.

Поговорив по телефону-автомату, Володя довольным уходил с рынка с вместительной сумкой, набитой продуктами, и небольшой дамской сумочкой, которую он не решился положить в большую сумку, а просто нёс в руке.

Надо было зайти на почту, отправить праздничные телеграммы родителям, брату и сёстрам. Гале поздравить родственников было гораздо проще: у её родни в другом городе были домашние телефоны, и она в больнице с ординаторской могла иногда им звонить.

Главпочтамт находился недалеко от рынка, и молодой человек отправился туда. Подойдя к трёхэтажному зданию почты, Володя увидел, что та же старушка в большом платке и с несуразной тростью намеревается подняться по ступенькам на большое крыльцо почтамта. Володя обратил внимание, что песком посыпана только одна часть лестницы, та, что рядом с перилами, а другая половина ступенек, что рядом со стеной, осталась необработанной, а потому очень скользкой. Старушка хотела подниматься как раз по этим скользким ступенькам.

— Подождите. Надо подниматься вот здесь, — и Володя показал рукой на перила. Он помог подняться старушке на крыльцо, открыл перед ней сначала одну массивную дубовую дверь, затем другую, и они вошли в помещение. Удивительно, но в этот раз очереди к окошку, где принимались телеграммы, не было. Обычно в предпраздничные дни, чтобы отправить телеграмму, приходилось стоять в очереди до полудня.

Володя сел за большой стол, поставив рядом сумку с продуктами и положив на стол сумочку — подарок, засунул перчатки в карман и попросил сидевшего за столом мужчину профессорской внешности, в коричневом пальто с каракулевым воротником, передать ему бланки телеграмм. Мужчина взял несколько бланков, лежавших стопочкой в центре стола, и передал Володе, одновременно чуть подвинув свои перчатки, лежавшие на столе. На них Володя сразу обратил внимание: дорогая кожа с блестящими кнопками и мехом внутри говорили о том, что перчатки эти явно импортные, а их хозяин человек состоятельный или занимает высокую должность.

Мужчина казался очень расстроенным, похоже, он писал текст совсем не поздравительной телеграммы. Когда Володя закончил заполнять вторую телеграмму, он увидел, что мужчины рядом уже нет, а его дорогие перчатки остались на столе. Володя встал, быстро осмотрел весь зал, однако мужчины не было. Он схватил перчатки и кинулся на выход. С крыльца он увидел уходящего по улице мужчину в коричневом пальто. Молодой человек догнал «профессора», который шёл, засунув руки в карманы, видимо, совсем забыв о перчатках.

— Возьмите перчатки. Вы оставили их на почте.

Мужчина отрешённо взглянул на Володю.

— Да, спасибо. Да, конечно, — проговорил он и пошёл дальше.

«Наверное, умер кто-то», — подумал Володя, посмотрел мужчине вслед и быстро пошёл обратно на почту.

Зайдя в зал и подойдя к столу, где только что сидел, он увидел, что сумка с продуктами стоит у стола, телеграммы лежат на прежнем месте вместе с оставленной на них шариковой ручкой, но на столе не было дамской сумочки — подарка для Гали. Он растерянно бегал по залу, затем подошёл к одной из девушек, сотруднице почты, но та ничего не видела. Пока он бегал за «профессором», сумочку увели.

Володя растерянно стоял на улице со своей продуктовой сумкой и осознал всю безвыходность ситуации. Другой сумочки он уже не купит. У него просто не было таких денег. Тем не менее он понимал: надо заставить себя пойти в гастроном, чтобы купить шампанское — не оставлять же любимую жену совсем без праздничных атрибутов. В это время из здания почтамта вышла старушка с клюкой, с трудом открыв тяжёлую дверь. Спускаться по ступенькам, держась за поручни и осторожно переступая валенками, она начала в нужном месте, и Володе не пришлось ей помогать. Старушка взглянула на озабоченного, ушедшего в себя молодого мужчину, остановившегося непонятно зачем на углу здания, что-то пробурчала себе под нос и прошлёпала мимо него далее по своим только ей известным делам.

Спустя несколько минут Володя взяв себя в руки направился к гастроному «Весна», в котором купил шампанское, затем на автомате пошёл на остановку и вошёл в подошедший автобус, чтобы ехать домой. Пассажиров было уже намного меньше, даже были свободные места на заднем сиденье. Он снял перчатки, положил их на свободное место, рядом поставил сумку. Вдруг почувствовал, что сзади его кто-то шаркает. Он повернулся и увидел бабулю с клюшкой. Наверное, у него было нелепое выражение лица, но он, следуя неизменным законам логики своего поведения в этот день, поднял ставшую уже тяжёлой сумку и сказал как-то нерешительно старушке этого дня: «Садитесь». Но бабуля неожиданно приняла совершенно другой вид: из божьего одуванчика она превратилась в какое-то жутковатое существо совершенно недоброго вида. Володя вдруг увидел в ней незнакомые, но явно узнаваемые черты старой ведьмы.

— Ты что ко мне привязался? Весь день за мной ходишь! Что тебе надо? Люди добрые, смотрите, маньяк, наверное, преследует меня.

Недоумённые пассажиры с интересом смотрели на интеллигентного вида молодого мужчину, совершенно обескураженного, и воинственную старушку, которая тыкала в сторону Володи своей невообразимо огромной клюкой. В этот момент автобус остановился, и Володя буквально выпрыгнул из него. «Чертовщина какая-то. Да, точно, Баба Яга, а не божий одуванчик, но однозначно мистика. Что бы это значило? Ведь знак какой-то».

На остановке стояли парни его возраста и курили, о чём-то разговаривая между собой. Володя попросил у них сигарету (хотя он бросил курить — Галя не переносила табачный запах), прикурил и с каким-то остервенением затащился. Сделав несколько затяжек, он выбросил окурочек и сел в автобус, который шёл не на вокзальную площадь, а в объезд, но ближе к его дому.

И только когда он вышел на своей остановке и сделал несколько шагов, почувствовал, что рукам холодно. «Перчатки!» Перчатки он оставил в автобусе с чудо-юдо-бабкой, свалившейся на его бедную голову ни за что ни про что. Что за день такой? Всё наперекосяк!

Он не сразу пошёл домой, стоял около подъезда, смотрел на заснеженные деревья небольшого сквера, примыкавшего к его дому, где летом мужики играли в карты и шахматы, но зимой там даже тропинок не было, и думал, как он обо всём расскажет Гале.

«Ничего не буду пока рассказывать. Придумаю что-нибудь. Только что я придумаю? Неудачник, видимо, я», — с такими мрачными мыслями он вошёл в комнату. Дома Галя с Юлей были не одни. На диване сидел его коллега и приятель Дима, которого все называли Димоном.

— Ты что перед праздником такой хмурый, друг ты мой Владимир? Тебе радоваться надо.

— Чему радоваться, Димон? Какая-то невезуха просто.

— Ты о чём? Сегодня твой день. Квартиру вам выделили. Вчера заседание профкома не состоялось, на сегодня перенесли. Мне председатель профкома недавно домой звонил, просил тебе передать, чтобы ты к 16:00 ехал в трест. Ключи вручать будут. Новый год в новой квартире можете встретить, ну а переехать и после праздника можно. С тебя, брат, поляна.

Владимир стоял, не шевелясь, и только ощущал нежные родные руки Гали, которая обнимала его и беспрерывно целовала в озябшее лицо, а Юля, удивлённая, что отец не обратил на неё внимания, стояла рядом, дёргала отца за шубу и спрашивала:

— Папочка, а в новой квартире ты мне будешь новые сказки читать?

Владимир обнял супругу, чуть повернувшись лицом к печке и вдруг совок с длинной ручкой, стоявший у печки, стал превращаться в сказочную клюку, а через мгновение превратился в затейливый ключ, неправдоподобных размеров.

Владимир с улыбкой прогнал от себя минутное виденье и подумал, что нелепый «день старухи», стал и правда необычным, но его днём.

Мужские слёзы

Рассказ

Николаю Николаевичу ночью снился нехороший сон: он встречался с друзьями, которых уже не было на этом свете, но в виртуальном мире сновидений они все были живы и здоровы. Николай проснулся под утро и уже не смог заснуть. Он вспоминал о своих школьных друзьях, многие из которых рано ушли из жизни: Фёдор Гомзиков, невысокого роста, но мускулистый и сильный, погиб при пожаре в родительском доме; Бронислав Кокин, мотоциклист и местный щёголь, замёрз в сугробе, когда пьяным возвращался домой из соседнего села; Толя Бушманов, весёлый гармонист с кудрявыми волосами, умер в доме инвалидов, куда его поместили после того как он по пьяни отморозил кисти рук. Затем Николай начал вспоминать об ушедших из жизни однокурсниках, их тоже было немало: Миша Зотин, солидный и важный, первый, который обзавёлся семьёй ещё на втором курсе; Коля Кочев, рассудительный и рациональный здоровячок, который, казалось, не подвержен никаким болезням; Саша Бурнаев, неунывающий балагур, с детства обеспеченный родительской опекой; Валера Терентьев, компромиссный и добрый в быту и строгий и неподкупный на работе.

«Почему так? Ведь они ушли из жизни, не достигнув и пятидесяти лет?»

И вдруг он вспомнил о Сергее Янукине, приятеле, который жил в соседнем подъезде. Их дружба началась давно, ещё в девяностые годы, потом судьба их неоднократно разводила, и соседями они стали совершенно случайно, когда Сергей поселился в их обычном пятиэтажном доме в спальном районе города.

«Неужели умер?» — совсем расстроенный подумал Николай. За последний год Сергей сильно сдал. Он был на инвалидности, на улицу выходил с палочкой, сидел на лавочке у своего подъезда или шёл во двор соседнего дома, где в одном из подъездов жил такой же малоподвижный инвалид, но по возрасту старше Сергея, и они вместе сидели на лавочке, если позволяла погода. Иногда к ним присоединялся кто-либо из жильцов, и получалась небольшая мужская компания.

Несколько недель назад Николай, обеспокоенный долгим отсутствием Сергея, спросил того инвалида из соседнего дома, который в одиночестве сидел на лавочке у своего подъезда:

— Скажите, а что с Сергеем? Его совсем не видно. Он что, из дома совсем не выходит или в больнице лежит?

— Не знаю, давно не приходил. Может, умер?

Фразы эти прозвучали из уст мужчины даже не вопросительно, а как-то повествовательно и обыденно. После этого разговора Николай попытался узнать о Сергее у своих соседей, но безрезультатно, и прекратил попытки выяснить что-либо, наверное, внутренне боялся услышать известие о его смерти.

Николай понял, что больше уже не заснёт, и хотя было ещё рано, он встал, умылся и вышел на лоджию. Зав-тракать не хотелось, на работу рано. Он сварил кофе и снова вышел на лоджию с дымящейся ароматом Арабики чашкой кофе. И уже не пытался бороться с охватившей его тоской — всё заканчивается, и человеческая жизнь тоже.

В юности, да и позже, об этом не думаешь, но когда преодолён пятидесятилетний рубеж, осознаёшь, что жизнь скоротечна и многое уже позади, безвозвратно.

С Сергеем они познакомились в начале девяностых годов. У них была разница в возрасте около десяти лет. Николай был старше не только по возрасту, у него был опыт работы на руководящих должностях, определённые связи, а Сергей был совсем молодым (немного за двадцать), но они оба занимались коммерцией, как и многие в те годы. К Николаю уже тогда обращались не иначе как Николай Николаевич, а его новый приятель был просто Серёга.

Николай был соучредителем и директором кооператива, и ему приходилось ежедневно общаться со многими людьми, но Сергей тронул его своей непосредственностью и наивностью в сфере свободного предпринимательства, стремительно набравшего обороты в стране и захватывающего в эту новую для всех капиталистическую субстанцию многие слои общества, ещё совсем недавно жившего по законам и нормам социализма. Николай неоднократно помогал новому приятелю, а потом и другу выпутываться из разных неприятных ситуаций. Например, объяснял Сергею, как правильно заполнять налоговые отчёты. Новая система налогообложения только формировалась, сами налоговики путались в заполнении форм, а Николай Николаевич, работавший ранее в финансово-экономической сфере, в разговорах с представителями налоговой инспекции чувствовал себя уверенно, даже нотки превосходства мог себе позволить. Сергей же был не просто непосредственным, а иногда и бесшабашным. Николай на правах старшего пытался бороться с этим, но получалось не всегда. Как-то Сергей уехал в Германию, чтобы оттуда пригнать в Россию очередную иномарку для перепродажи. Всё складывалось удачно, он совсем недорого купил машину, но не стал возвращаться, а задержался на пару дней, чтобы наладить, как он считал, устойчивый канал поставки. В баре, где отмечал сделку, ему что-то не понравилось, он в резкой форме начал высказывать претензии персоналу, чередуя фразы на ломаном английском (немецкого не знал, за исключением нескольких бытовых фраз) с устойчивым набором из русского мата, устроил дебош с подошедшей охраной — и в итоге был доставлен в полицейский участок. Законы в Германии строгие, и на незадачливого начинающего предпринимателя был наложен штраф, причём сумма для русского человека немаленькая. Сергей дозвонился до Николая и объяснил ситуацию. Тому ничего не оставалось делать, как взять из служебного сейфа деньги, пойти к менялам, стоявшим в центре города у памятника героям-комсомольцам, а затем оформить валютный перевод в Германию. Штраф был уплачен, Сергей вернулся, но этот случай не остановил его от новых поездок за иномарками. Он прекратил их только тогда, когда ему пришла новая идея — заниматься поставками обуви.

Но если случались неприятности у Николая — Сергей был рядом. Как-то с кооперативом Николая, который поставлял одному из колхозов области пиломатериал, рассчитались за поставленную продукцию мясом. Денег у колхоза не было, и председатель распорядился забить одну из коров. Время было такое: процветал бартер, проводились взаимозачёты. Всё менялось на всё. Одним словом, когда большие куски мяса были доставлены в город, Николай договорился, что говядину купит один из продовольственных магазинов и рассчитается позже — по реализации. Но мясо должны были принять только на следующий день. Николай попросил знакомого предпринимателя, Володю Батонова, у которого имелась большая холодильная камера, оставить в ней тушу до следующего дня. Но когда на следующий день мясо привезли в магазин, при взвешивании оказалось, что за ночь оно сильно «усохло». Исчезло более пятидесяти килограммов. Бумаги на хранение мяса не оформлялись, и предъявлять жуликоватому кооператору было нечего.

— Я даже подумать не мог, что Батонов мог так поступить. Туши ему передавал и принимал без взвешивания, — рассказывал Николай Сергею. — За хранение я ему и так стегно мяса оставил, это больше десяти килограммов, а он ночью, видимо, с каждой тушки отрезал без меры.

— Мне нужны координаты этого Батонова. Мы с ребятами к нему наведемся, — сказал Сергей.

Вечером Сергей доложил, что вопрос решён. Причём Батонов за воровство был вынужден не мясо вернуть, а рассчитаться за него деньгами, в том числе и за стегно, которое ему было оставлено за услугу.

— Это чтобы ему неповадно было в такие игры иг-рать, — подытожил Сергей.

— Надеюсь, вы его там не сильно прессовали? — спросил Николай.

— Нормально. У нас свои приёмы на такие случаи.

Сергей одно время пытался уговорить Николая открыть совместно пару киосков или небольшой магазин, так сказать для накопления первоначального капитала, но тот не соглашался.

— Розничная торговля — это не моё. У меня к этому душа не лежит. Не могу представить себя в роли приказчика. У меня же производство железобетона и пиломатериала, и здесь ещё много чего дорабатывать

надо. А хочешь в торговлю, давай я тебя представлю хозяину «Русского дома», это на сегодняшний день самая крупная сеть частных магазинов в городе, ему нужны способные надёжные люди.

— Я знаю Тестерина Николая Васильевича, он свой бизнес держит в ежовых рукавицах, но не это главное. У него все, даже ближайшие сотрудники, в тени, он там один правит и царствует. А я хочу что-то своё. Пусть небольшое дело, но чтобы я там был знаковой фигурой и осуществлял свои идеи, — возразил Сергей.

— Проявившим себя сотрудникам Тестерин хорошо платит и годами работает с ними. У него — стабильная, работоспособная команда. Ты бы мог у него опыта набраться.

Такие разговоры не останавливали Сергея, и он всё время предлагал новые проекты. Однажды он долго убеждал Николая взять кредиты в обычном банке и вложить эти деньги на депозиты в Аярсинбанк, где проценты по вкладам были столь высоки, что перекроют проценты за кредит, выданный другим банком, и ещё весомый дополнительный доход ежемесячно получать можно. Николай отказался, но Сергей, увлечённый идеей столь простого способа получения финансовой маржи, оформил потребительский кредит в обычном банке и отнёс все полученные наличные деньги в Аярсинбанк. Первые месяцы он действительно получал приличный доход, как классический рантье, но через полгода разрекламированный и полюбившийся населению Аярсинбанк перестал возвращать вклады, а спустя недолгое время и вовсе был объявлен банкротом. Сотни вкладчиков не получили свои вложенные на депозиты деньги, остались с носом, как говорят в народе. Такая же участь постигла и Сергея, а ведь нужно возвращать кредит, взятый в банке. Сергей уже совсем отчаялся, но не было бы счастья, да несчастье помогло.

Умерла бабушка, после которой осталась двухкомнатная квартира в старом доме на окраине города. Наследники решили квартиру продать и деньги поделить. Доли Сергея хватило, чтобы рассчитаться со Сбербанком и вскоре он, вдохновлённый, излагал Николаю новые идеи быстрого обогащения:

— Не хочешь связываться с киосками и магазинами, давай откроем платную стоянку. Смотри, в городе количество машин растёт в геометрической прогрессии. Стоянок не хватает.

— Это возможно, — отвечал Николай. — Я возьму на себя оформление подходящего участка, а ты будешь отвечать за строительство забора, будки, шлагбаума и организацию охраны. Оформим стоянку на тебя как на индивидуального предпринимателя.

Это был, наверное, их единственный проект, который они довели до конца. Стоянка в одном из новых районов города функционировала несколько лет, принося друзьям-приятелям небольшой, но стабильный доход. Причём редкий по тем временам случай — не связанные между собой никакими договорными обязательствами партнёры ни разу не поссорились на почве распределения доходов. Ежесуточную выручку забирал Сергей и вёз в офис Николаю, который вёл весь учёт и распределение средств. Только через несколько лет стоянка как временное сооружение была закрыта, договор аренды с городской администрацией расторгнут и на её месте началось строительство многоэтажных жилых домов.

Но к этому времени в жизни обоих друзей произошли изменения. Для Николая после нескольких лет работы в бизнес-среде стало очевидным: чтобы его фирма стабильно шла по восходящей, необходимо изощённо ловчить, изворачиваться, заключать сделки с совестью и поддерживать связи с определёнными криминальными структурами.

— Не хочу изменять самому себе. Я, ты знаешь, могу жить по установившимся канонам российского капитализма, но не хочу, — говорил он на одной из встреч с Сергеем, в ночном клубе, в очередную пятницу.

Пятница — директорский день, и, по установившейся традиции, Николай мог вечером провести время с друзьями и коллегами в баре, сауне или в бильярдном клубе. Такая договорённость была у него с женой. Она же, в свою очередь, посвящала один из выходных, воскресенье, занятиям бальными танцами. Суббота для обоих была семейным днём.

— В общем, Серёга, я уйду из бизнеса. Мэр пригласил меня на работу к себе в администрацию. Я взял неделю на раздумья, но в душе согласен был сразу.

— Я тоже на распутье. Толком ведь ничего не добился.

— Не суетись, Сергей. Этот смутный период в стране всё равно закончится. Сейчас всякая пена и нечисть наверх всплыла. Пройдёт время, и традиционные ценности снова займут своё место в обществе. Всё встанет на свои места. Тебе образование надо получить. В институт собираешься восстанавливаться? Можно на заочное обучение. Сейчас разные формы есть. Будет нужно — помогу, замолвлю в деканате словечко. Думаю, образование, настоящее, базовое, снова будет востребовано, а время хамоватых владельцев малиновых пиджаков с ограниченной эрудицией закончится. И ещё: у меня кроме основной фирмы (я её соучредителям оставляю) есть поменьше — «Санда», я через неё оформлял продукцию одной цыганской семьи. Цыгане разные металлоизделия качественно делают, но сами юридическое лицо организовать не смогли и просили взять под крыло. Давай я тебя туда учредителем оформлю. Главное, цыган не обижай, а они тебе исправно легальный доход приносить будут.

За неделю Николай закрыл неотложные дела, в том числе передал права на руководство «Санды» Сергею и приступил к новой, требующей полной отдачи работе.

Несколько месяцев они не встречались, Николай был постоянно занят, да и Сергей не напоминал о себе. Прошёл год. У каждого была своя жизнь. Однажды Николая Николаевича пригласил на день рождения приятель, знакомый ещё со студенческой скамьи, работавший в таможне на руководящей должности. Мероприятие проходило на берегу озера, на территории санатория, популярного у местной элиты, где размещалось четырёхэтажное здание основного корпуса, небольшие летние домики, уютные террасы, крытые беседки, места для мангалов и даже печи под навесами. И всё это среди соснового леса. У берега стояли прогулочные лодки и катамараны. Запах шашлыка приятно манил к столу, соперничал с ароматами плова, варившегося в большом чугунном котле. Вокруг суетились официанты. У них была непростая задача создать на природе атмосферу подчёркнутого изыска, который вдруг непостижимым образом стал так необходим хозяину праздника, хотя большую часть жизни, за исключением последних лет, тот проживал в обычной квартире «двушке». Но сейчас именинник обитал в собственном особняке за высоким забором и праздники встречал в соответствующем его рангу ракурсе.

Фейерверки и выступление жонглёров с факелами не особенно впечатлили гостей, а вот при выступлении танцевальной группы девушек с эротическими номерами почти вся мужская половина собралась у деревянного подиума, на котором проходило действо.

Когда ведущий, известный актёр областного драмтеатра, в очередной раз пригласил гостей за столы, заставленные закусками и бутылками, и опять зазвучали тосты в честь виновника торжества, Николай, рассматривая гостей, вновь обратил внимание на широкий спектр присутствующей публики. Здесь были бизнесмены и заместитель прокурора города, так называемые «уважаемые люди» (скорее, криминалитет) и начальник полиции, два чиновника из областной администрации и коллеги именинника.

«Всё перемешалось в доме российском...» — мысленно перефразировал великого писателя Николай и про себя констатировал, что собрались они за одним столом в угоду новоявленным традициям нынешнего времени, но по сути своей праздника как такового — душевного и располагающего, какой всегда любили русские люди, — в такой компании быть не может.

И вдруг он увидел стоявших поодаль молодых людей, а среди них Сергея. Николай подошёл к приятелю, поздоровался и спросил:

— А ты какими судьбами здесь?

— Да мы как бы за порядком следим. Сначала помогали всё сюда доставить. Теперь смотрим, чтобы чужих на территории не было, но самое непредсказуемое ещё впереди.

— Что может быть здесь непредсказуемым?

— Когда вы все, «белые воротнички», уедете, оставшаяся публика из мелких бизнесменов и чиновников начнёт куражиться.

— Это как?

— По-разному, но начинается всё одинаково. Девушки по вызову приедут, затем баня, танцы голыми на столах и мордобой, особенно если на подобных мероприятиях «братки» присутствуют.

— Так пусть и мутузят друг друга, вам-то что?

— Если кто пострадает, челюсть сломают или ещё что сотворят, — виноваты мы. Нам ведь платят за обеспечение порядка. Сегодня, правда, публика посерьёзнее, думаю, обойдётся стрельбой по бутылкам из мелкашек и травматика.

— Серёга, хватит тебе в этих конторках подрабатывать. Надо заняться чем-то более серьёзным. Позвони мне на следующей неделе... А как дела с цыганами в «Санде»?

— Да никак. Старый цыганский барон умер, а новый запросил отстёгивать сверх оговорённой суммы. У него, видишь ли, сын попался на кражах телят из колхозного хлева, надо много денег на адвокатов и прочее, я отказался, в общем, фирма пока не закрыта, но не работает.

— Ладно, и это на досуге обсудим.

Но встретиться им пришлось нескоро. Как-то просматривая полицейские сводки за сутки, Николай Николаевич обратил внимание на знакомую фамилию — Янукин. По инициалам это был его давнишний приятель — Сергей, который обвинялся в попытке дачи взятки директору парка культуры. Николай Николаевич вызвал начальника юридического отдела:

— Разберись, пожалуйста. Это личная просьба.

Вскоре ситуация прояснилась. Сергей с товарищами задумал очередной проект — организовать аттракцион «американских горок» в парке культуры. Чтобы ускорить процесс, предложили директору парка войти в долю. Но тот запросил неподъёмную сумму, причём наперёд. Ребятам пришлось от затеи отказаться, да и сам директор вскоре попался на махинациях. Чтобы облегчить себе участь, стал своеобразно сотрудничать со следствием — сдавать всех и вся.

Николай Николаевич напрямую не мог вмешаться, но через жену Сергея нанял дорогого адвоката, известного своими способностями решать почти все неприятные для его клиентов вопросы, и вскоре женщина позвонила Николаю Николаевичу и искренне поблагодарила.

— Передайте Сергею, — попросил Николай Николаевич, — как всё уладится, пусть позвонит.

Но Сергей не позвонил. Через какое-то время Николай узнал, что Сергей уехал. Два года от него не было никаких известий, и вот совершенно неожиданно они встретились во дворе дома, где жил Николай. Друзья обнялись.

— Ты где пропадал?

— Понимаешь, я сейчас всё больше в Подмоскowie. Собрал бригаду мужиков более-менее непьющих, и ездим дома и дачи москвичам строить. У меня ведь уже двое сыновей школьников. Да и квартиру давно хотел поменять. Одним словом, нужен стабильный и немалый доход.

— А в нашем-то дворе как оказался?

— Квартиру купили вот в этом подъезде.

— Так мы теперь соседи?!

— Получается так.

— Вот и замечательно. Будем встречаться.

Несмотря на то что жили они сейчас в соседних подъездах, виделись крайне редко: Сергей дома бывал нечасто — всё время пропадавал на заработках в Подмосковье.

Ещё через пару лет Сергей позвонил на сотовый Николаю и предложил встретиться где-нибудь в кафе.

В двухтысячные годы кафе и рестораны постепенно изменили свой облик — отошли от прошедших бурно и криминально девяностых. Появились кофейни, рестораны быстрого питания, чайные, кафе с высоким уровнем обслуживания, большие залы и уютные, маленькие — на несколько столиков — заведения. В одном из таких уютных кафе друзья и устроились, пили текилу и неторопливо беседовали.

— Николай Николаевич, почему ты текилу заказываешь в таких заведениях, а не коньяк. Ты же коньяк больше предпочитаешь.

— Сергей, девяностые давно закончились, а повадки русского бизнеса остались. Просто даже в приличном с виду кафе вместо коньяка могут принести какую-нибудь бурду. Я уже по запаху могу отличить подделку от настоящего коньяка, и в таком случае вызываю администраторов. Те, как правило, ситуацию исправляют, но настроение будет испорчено. Поэтому я посещаю ресторанчики, где меня знают и не рискнут вместо натурального напитка принести «производную». А в незнакомом месте пью текилу. Её мало кто заказывает из пубрики, и смысла химичить над составом, думаю, нет.

— Николай Николаевич, ты слишком рассудительный. Вот тебе бы толику авантюризма, больших вершин бы достиг. Тебя ведь уговаривали выдвинуть свою кандидатуру на выборы мэра, но ты так и остался в замах. Почему?

— Я изнутри знаю и власть, и бизнес. Настоящей работоспособной команды сегодня не создать. Деньги для всех — словно гипноз. А одному ничего не сделать. Так ведь и ты, дорогой, сменил ампула.

— Это как сказать. Не строю я больше дома москвичам. Я снова здесь, в городе, поездки, конечно, случаются разные, но живу дома.

— Что-то не устраивало?

— Поначалу было трудно. Заработки были неплохие, но проблем хватало. Не все мои работники в бригаде при расчёте с головой дружили. Двое парней как-то раз совсем без денег вернулись домой — так они отметили день зарплаты. Мне им пришлось билеты покупать. Похоже, их, пьяных, менты из разряда оборотней обобрали. А однажды заказчик после окончания работ просто исчез, словно в воду канул. Но я уже готов к таким поворотам. Заранее небольшое досье на него собрал. Всё закончилось хорошо. За несколько лет работы с москвичами я все их хитрости познал, и сейчас намного легче, но жена поставила условие: или живи в семье, или я свободна.

— И чем занимаешься?

— Осваиваю новые финансовые направления — сетевой финансовый маркетинг. Мы сами идём к клиентам с предложениями.

— На грабли наступаешь. Мавроди уже арестован, и сидит, но дело его живёт, так, что ли?

— Мавроди просто деньги брал и обманывал, а мы предоставляем услуги страхования иностранных фирм, это важно, особенно при поездках за границу, даём возможность впоследствии клиенту, если он приведёт к нам ещё несколько человек, приобрести с большой скидкой драгоценности и даже предметы художественного искусства.

— А ты слышал об Андрее Чулкове?

— Да, конечно, это один из первых предпринимателей. У него большой дом в старом городе. А что с ним?

— Послушай, поведаю я тебе его историю. Мы с ним были знакомы с восьмидесятых. Он тогда простым инженером начинал. Правда, любил с друзьями пображничать. Выходные напролёт сидел в пивном баре. Но с приходом перестройки завязал с алкоголем. Может, закодировался, а может, сам справился. Основал кооператив. Успешно работал, построил дом, а спустя годы захотел большего — перепрофилировал свою деятельность на сотрудничество с австрийско-немецкой страховой фирмой. Его в городе знали как солидного бизнесмена, богатого человека, и этим он привлёк в дело немало известных состоятельных людей. Но основа всех этих контор по привлечению денег от населения — финансовая пирамида. И она, естественно, рухнула. У него, повторяю, были серьёзные клиенты, видимо, они объединились, а может, кто-то один из них вопрос решил, только пришлось ему большой кредит в банке брать, чтобы хоть самые опасные долги вернуть. Долги эти хоть и не были юридически оформлены, но Чулкова сильно прижали. Затем банк его дом арестовал и выставил на продажу. Андрей начал пить и уже не остановился. Слонялся около забегаловок. Семья его оставила. Через год такой жизни он умер на улице. Нам пришлось его хоронить за счёт бюджета города.

— Клиенты наши — люди попроще, не такие крутые, как у Чулкова. А если всё и так, что же, мне в охранники идти?

— Почему в охранники? Ты практически готовый прораб. Город весь в новостройках. Дельная строительная бригада не останется без подрядов.

— Здесь так не заработаешь. Загородный дом мы с женой надумали строить, уже фундамент залили. Сам понимаешь, деньги нужны.

Может, прислушался Сергей к старому другу, может, сам осознал пагубность нехитрых финансовых схем, но занятие это он спустя какое-то время оставил. Только об этом Николай узнал много позже. Они снова долго не виделись.

В самом начале второго десятилетия нового века Николаю позвонил его давнишний друг:

— Давай встретимся. Посидим где-нибудь, поговорим. Как в лучшие годы.

И хотя Николай к тому времени стал совершенным трезвенником, он согласился на встречу в непринуждённой обстановке, при условии, что будет пить только чай. В этот же вечер друзья расположились на открытой террасе одного из лучших кафе города, заказали мясо на рёбрышках и повели неторопливый разговор. Сергей был стильно одет, выглядел уверенно, говорил спокойно.

— Да ты никак золотодобытчиком стал? — пошутил Николай.

— Аналогия определённая имеется. Я в Сургуте вахтовым методом у газовиков работаю. Туда летим чартерным рейсом, а потом на вертолёте ещё дальше, в тундру, чтобы «все богатства взять из-под земли»

— А жена как же? Она ведь запретила тебе покидать город.

— Запрет пришлось снять. Деньги неплохие зарабатываю. Сейчас с юмором вспоминаю все мои идеи. Но ведь интересно было. А сам ты как, Николай Николаевич?

— Службу в мэрии оставил. Преподаю в университете. Статьи пишу.

— Зачем же покинул руководящие посты? Или по-двинули?

— Никто меня не подвигал. В любой структуре нужны люди, которые просто делают своё дело. Так вот дело это исполнять на ключевых постах, без оглядки, уже невозможно. Ты или в системе, или вне её. А система городского и областного управления — часто с душком личной выгоды первых лиц. Более мелкие чиновники от основного ручья маленькие ручейки в свой огородик тоже пытаются организовать.

— И что, честных людей в таких структурах уже нет?

— Конечно, есть. Большинство людей, по сути своей, порядочные. Иногда просто выбора у них нет. Точнее выбор таков: или работаешь, как требует руководство, или свободен. Предвидеть сложно, но, думаю, в ближайшем будущем чистки и посадки среди чиновников не только показательные, а просто вынужденные и необходимые начнутся. Ладно, расскажи лучше о своей работе в северных широтах.

— Работа как работа. Климат, правда, действительно, не сахар. Но люди — другие. Приезжают ведь со всей России, и из этого виногрета людского настоящие сплочённые коллективы образуются. Там тебя в сложной ситуации никто не оставит и не бросит, по любому. Я впервые чувствую, что не надо ухитряться, ловчить, что-то придумывать. Надо просто хорошо работать. Ты не представляешь, как я психологически соскучился по такой обстановке. А ведь физически работа тяжёлая. Одним словом — это моё. А сам Сургут за последние годы преобразился. Дома строят огромные, вместо первых этажей — парковочные места для автомашин. В супермаркетах для удобства посетителей по торговым залам электроавтобусы курсируют, я такого даже в Москве не видел. Живу там не в общежитии, как в первое время, а в нормальной квартире, которую мне предоставили на время контракта.

— Рад за тебя. А мне через пару лет пенсию оформлять. Работать, конечно, буду, но мне психологически, выражаясь твоими словами, непросто это пережить. Представляешь, как быстро всё пролетело. Жизнь, считай, позади.

— Николай Николаевич, да ты ещё молодчик. Даже не парься, в форме ты. Вот только что-то не пьёшь.

— Я, брат, свою цистерну выпил. Эту тему закрыли. Спасибо, что позвонил. Я рад, что мы, как раньше, встретились.

— Николай Николаевич, я тоже рад. Ты для меня в этой жизни — величина постоянная. Считай, четверть века как мы знакомы.

Два или три года после этой встречи они виделись редко и просто останавливались для приветствия и обычных дежурных фраз:

— Как дела?

Но однажды на эту дежурную фразу Сергей ответил не так, как всегда:

— Неважно. Сургут пришлось оставить. Врачи допуска не дают.

— Что случилось?

— Толком пока не знаю. Но давление высокое и кости ломит. Вот в поликлинику снова собрался.

— Лечись, думаю, всё обойдётся. Ты ещё молодой. Медицина сейчас на уровне. Другое дело — придётся потратиться. Если нужна помощь — не вопрос, ты знаешь.

Но лучше Сергею не стало. Несмотря на мотания по больницам и клиникам, он уже через год стал малоподвижным и ходил осторожно, опираясь на трость. Единственное место, где его можно было увидеть — скамья у подъезда. Появлялся он там в хорошую погоду с утра, когда соседи шли на работу и с Сергеем всегда кто-нибудь успевал поговорить. Николай тоже иногда садился рядом с Сергеем и старался разговаривать с

ним на разные темы, пытаясь отвлечь друга от тяжёлых мыслей. Если Сергею нужно было ехать на очередное обследование в клинику, то его старший сын заботливо усаживал на заднее сиденье иномарки, рядом садилась жена с папкой результатов предыдущих обследований, и они, всё ещё надеясь на чудо, в очередной раз ехали к медицинским светилам местного значения. К сожалению, медицина могла лишь избавить от сильных болей разными препаратами, но вылечить Сергея не могла.

Николай и сам пытался разговаривать с докторами, что, может, есть где-то центры, где лечат подобные заболевания, но те разводили руками:

— Это не тот случай.

Наступившая осень принесла с собой неподобающую этому времени тёплую ясную погоду, и Николай всерьёз был обеспокоен отсутствием Сергея на лавочке столь долгое время. Конечно, он мог просто зайти в квартиру, где жил Сергей, в соседний подъезд, но его что-то останавливало. Так прошло ещё несколько дней.

В этот день Николай, с утра загруженный грустными мыслями, как обычно вышел из подъезда и направился к стоящей во дворе машине. Повернул голову к соседнему подъезду (так, по привычке, на всякий случай) и увидел Сергея. Тот, как и раньше, сидел на скамье. Одна нога его была выдвинута вперёд, голова немного откинута назад, в руках находилась трость, на которую Сергей опирался, даже сидя. Николай развернулся и с какой-то глупой, радостной улыбкой подошёл к другу.

— Привет, Сергей.

— Привет.

— Как дела? Тебя долго не было. Уезжал, что ли, куда?

— Дела? Ты о чём, Коля? Ты ведь сам видишь.

— Серёга, ты не представляешь, как я рад тебя видеть! — Он сел рядом и обнял Сергея. И вдруг заплакал. Слёзы лились из его глаз, он достал из кармана платок. Сергей тоже заплакал, но громко, навзрыд.

Из подъезда вышла соседка и, увидев их слёзы, с удивлением спросила:

— Мужики, что случилось? Умер кто?

— Нет, всё хорошо. Это мы от радости. Долго не виделись, — ответил Николай, только сейчас осознав, что Сергей впервые в жизни назвал его просто по имени, без отчества. Соседка пошла дальше, но тут же оглянулась — не каждый день можно видеть плачущих от радости мужчин.

Двое немолодых мужчин сидели на скамейке и вытирали слёзы. Это были и в самом деле слёзы радости, окропленные явной тенью жуткой безысходности и осознанием, что судьба всё же подарила им ещё одну встречу. Может быть, последнюю.

Не тобой положено,

не тебе и братья

Рассказ

— Остановись здесь, прогуляюсь по набережной, подышу немного, — сказал Виктор Васильевич водителю и вышел из «мерседеса». Таранов Виктор Васильевич, известный в городе бизнесмен, обычно сам водил машину, ему нравилось управлять современными навороченными «седанами» и «джипами», он ценил их за скорость и комфортность. С водителем он ездил, только когда нужно было отправиться слишком далеко, например, в другой город, или в дни, когда он был очень загружен.

Вот и сегодня у него был особенный день: предстояла важная встреча с губернатором. Надо было сосредоточиться и собраться с мыслями. Виктор Васильевич прошёлся по мощёной набережной и остановился, облокотившись на гранитный парапет, тянувшийся вдоль реки. Как всё изменилось! В детстве здесь, у реки, они с мальчишками бегали, играя в прибрежных зарослях. Тогда здесь не было бетона и гранита, а росла трава, деревья и кустарники. Когда Таранов стал постарше, то любил гулять здесь с Ириной. Вообще, мама Ирины при рождении назвала её Ираидой, но её никто так не называл, а все звали просто Ира, Ирина. Ирина! Где она сейчас? Как сложилась её жизнь? Сколько лет прошло с их последней встречи?

А ведь это была его первая любовь, такая чистая и возвышенная. Ирина была несколько замкнутая, не любила рассказывать о своей семье, но Виктор ещё в школьные годы знал, что отца у неё не было, а мать слыла женщиной странной, занималась траволечением, снимала боль прикосновением руки, и к ней часто обращались за помощью местные жители. В городе поговаривали, что она потомственная колдунья, а потому побаивались и сторонились её. Виктор же был парнем современным, смелым, не верил ни в бога, ни в чёрта и души не чаял в своей черноволосой, кареглазой Ирине. Но после школы он уехал учиться в Москву, и хотя все каникулы проводил в родном городе, встречи с Ириной стали всё реже, а когда Виктор ушёл в армию, их связь и вовсе оборвалась.

Таранов, весь погружённый в воспоминания, перевёл взгляд с реки на берег. Ниже по течению был виден его дом с колоннами и башенками. Он строил его в 90-е годы, когда появились шальные деньги, уже не от созданного им кооператива, а от солидной фирмы, которую он возглавлял и учредителем которой являлся. На этом месте раньше стоял «прокурорский» дом. Так он назывался потому, что принадлежал до революции 1917 года семье губернского прокурора Семибратова. Но в революционные времена прокурор с семьёй эмигрировал за границу, и дом использовался советской властью в разных назначениях. Там находилось сначала управление образования, затем библиотека и даже столовая, но со временем дом обветшал, использоваться не мог, а вот мальчишки начиная с 60-х годов прошлого века собирались там для своих встреч. Дом этот всегда пользовался дурной славой среди населения, и много разных слухов ходило о нём в городе. Так, например, говорили, что в доме спрятан клад и, для того чтобы его отыскать, стены и подвалы дома были истыканы, исковыряны, внутренние кирпичные стенки и перегородки разломаны. В поисках клада в детские годы принимал участие и Виктор Васильевич — тогда просто Витька. Как-то раз, когда он грязный, с поцарапанными о кирпичи руками вернулся домой, мать спросила:

— Ты что, подрался?

— Да нет, мама. Мы клад ищем в прокурорском доме. Говорят, там спрятано много сокровищ: драгоценности и золото.

— Ну, найдёшь ты клад, и что дальше?

— Пароход куплю и буду на нём по реке всех катать.

— Знаешь, сынок, что я тебе скажу, клад — дело такое: «Не тобой положено, не тебе и брать». Не приносят счастья людям клады, а чаще всего влекут разные напасти и неприятности. И даже если найдёшь случайно, просто скажи: «Обойдут меня хвори и напасти за версту, не злато видел — бересту», — и шагай себе дальше.

— Но почему? — допытывался Витька у матери.

— Да потому, милый, что в таких домах в прошлые времена клады хоронили от чужого глаза и загребущих рук, а поэтому заговоры разные применяли. Может, это и выдумки, но лучше не трогать такие сокровища...

И ведь как судьба повернула! Возможно, мать права была. Когда, уже успешным бизнесменом, он обратился в администрацию города с просьбой выделить участок земли, на котором от прокурорского дома остался лишь полуразрушенный фундамент, ему оформили разрешение с условием, что он приведёт в порядок за свой счёт прилегающий участок набережной. Городская казна в те годы была невелика, и власти привлекали бизнесменов к благоустройству города. Конечно, затраты на превращение заросшего участка вдоль реки в облагороженную гранитом набережную с пешеходными дорожками, скамейками, с фонарями были велики, но место для его будущего дома было идеальное, и Таранов согласился. Как только дом был покрыт крышей, Виктор Васильевич обнёс участок высоким кирпичным забором с большими воротами для автомашин (в том числе и для строительной техники, т.к. работы ещё продолжались) и двумя калитками, через одну из которых можно было пройти к парадному крыльцу, а через вторую спуститься по ступенькам к реке.

Когда пришла пора прокладывать к дому инженерные сети, то оказалось, что делать эти работы на своём участке Таранов должен за свой счёт. Одна из траншей для труб должна быть прорыта по линии, на которой стояла старая ель. Вообще, на участке было два дерева, которые он так и не убрал: полузасохший дуб недалеко от дома и скожалившаяся от времени или недомоганий ёлка, которая однозначно мешала проведению трубопровода. Ёлку спилили. «А пень выкорчем, когда траншею будем рыть», — решил практичный Таранов.

В день, когда прибыл экскаватор, Виктор Васильевич был дома и лично наблюдал за работой экскаваторщика, которого все звали Лютый. У него фамилия была Лютов, поэтому ещё в юности его так прозвали одноклассники, и прозвище это закрепилось навсегда.

Таранов знал Лютого как хорошего специалиста, а потому позволял себе снимать его с производственных объектов, если обстановка позволяла, для того чтобы Лютый необходимые земляные работы исполнял во время строительства дома. Вот и в этот раз тот легко управлял огромной машиной, которая черпала большим зубастым ковшом грунт и аккуратно перемещала его за несколько метров. Ковш деловито ухватил пень от ёлки, вырвал его вместе с корнями и приподнял. Неожиданно из ковша вывалился небольшой предмет и ударился о землю.

— Стой! — закричал Таранов и сделал соответствующий жест, скрестив руки. Лютый вышел из кабины экскаватора, он тоже обратил внимание на странный предмет. Виктор Васильевич и экскаваторщик подошли поближе и первое, что увидели, — рассыпанные по земле серебряные монеты с изображением двуглавого орла. Тут же валялся небольшой деревянный сундучок, обитый узкими полосками металла, разломавшийся при ударе о землю. Лютый сначала смотрел на потемневшие от времени монеты, а затем стал быстро собирать их и лихорадочно рассовывать по карманам. Какое-то время Виктор Васильевич с удивлением смотрел на происходящее, затем пришёл в себя и громко сказал:

— Прекрати. Прекрати, я сказал.

— Виктор Васильевич, надо же собрать. Смотри, добра сколько.

— Без тебя соберут. Иди на обед.

Он не стал заставлять Лютого вернуть монеты, постоял ещё несколько минут, когда машинист заглушил экскаватор и ушёл, очень быстро, наверное, торопился прикинуть: сколько ему досталось. «Не тобой положено, не тебе и брать», — вспомнил Таранов слова матери, и они почему-то не уходили у него из головы. Затем он пошёл в вагончик-бытовку, куда был временно подключён телефон, и позвонил Дерюгину, начальнику милиции города, с которым у него были приятельские отношения. Тот, выслушав Виктора Васильевича, приехал быстро, оперативно оценил обстановку и начал пересчитывать монеты: оказалось 224 штуки.

— Что делать будем? — спросил полковник Таранова.

— Оформляй находку как положено. Вызывай специалистов из финансового управления, музея, кого там ещё нужно? Составляйте акт. От своей доли, что мне положено, я отказываюсь. Все бумаги, какие нужно, потом подпишу.

— Как скажешь, — как-то нерешительно проговорил Дерюгин. — Вольному — воля, а барину — власть.

Через несколько дней Таранов прочитал в областной газете, что в городе был найден клад в количестве 184 серебряных монет, и все они переданы государству. «Зажилит 40 монет Дерюгин», — выругался про себя Таранов, но не стал даже звонить начальнику милиции, руки которого были, видимо, «загребущие». Он постарался забыть про этот эпизод при строительстве дома, но вскоре произошедшие события напомнили ему о случившемся.

Не прошло и месяца, как он узнал о странной смерти Лютого. Тот работал на новом объекте, уже не у Таранова. Котлован, который экскаваторщик вырыл накануне, из-за проливного дождя, шедшего всю ночь, заполнился водой. Утром мастер, очень сердитый и растерянный, объяснял, что сейчас подойдёт арендованный кран и рабочие должны укладывать железобетонные блоки в основании фундамента. В течение дня фундамент нужно успеть проложить по всему периметру, а котлован весь в воде. Насоса нет. Что делать?

— Не суетись. Не впервой, — остановил его Лютый. — Иди за бульдозером. Будет тебе фронт работ. — Он спровадил нервного мастера и подошёл к котловану посмотреть, как приступить к работе. Лютый знал, как можно осушить котлован в такой ситуации. Надо засыпать при помощи бульдозера его грунтом, а затем экскаватором снова вырыть котлован. Воды уже не будет. Неожиданно край котлована, на котором он стоял, обрушился вниз и Лютый оказался в грязной жиже котлована, высота которого была не менее трёх метров, а глубина воды — не меньше человеческого роста. Одним словом, Лютого достали из воды и грязи уже мёртвым.

А спустя несколько дней Таранов встретился по делам с Дерюгиным в ресторане и с удивлением обратил внимание, что тот не пил и практически ничего не ел.

— Язва у меня. Недавно обнаружили. Предстоит операция и долгое лечение. С работы, наверное, придётся уходить.

«Не пошли тебе на пользу сорок серебряников», — подумал про себя Таранов.

Вскоре Дерюгин оформил инвалидность, и они больше не встречались...

Виктор Васильевич очнулся от воспоминаний. Сегодня ему назначена аудиенция у губернатора, к которой он долго готовился. Разговор будет о строительстве порта. Когда-то на месте старых причалов кипела жизнь: пришвартовывались пароходы, выгружались баржи, на берегу формировались бригады грузчиков, а на причалах работали киоски, женщины-лоточницы предлагали горячие пирожки и другую выпечку.

Теперь же бывший порт представлял унылое зрелище: в нём напрочь отсутствовала какая-либо деятельность. В папке, которую Таранов приготовил для губернатора, находился бизнес-план по организации строительства порта с технико-экономическим обоснованием. Если губернатор проникнется идеей и поможет с инвестициями из столицы, выиграет не только Таранов, но и бюджеты области и города дополнительные финансовые поступления получат. Почва для обстоятельной встречи была подготовлена. Идею строительства порта Виктор Васильевич озвучил губернатору давно, потом появились в прессе несколько статей о необходимости восстановления статуса города как портового, да и население в основном одобрило бы строительство. И вот расчёты закончены, теперь нужна поддержка федеральных структур, кроме того необходимо заинтересовать инвесторов.

Губернатор встретил Таранова довольно дружелюбно. После формального приветствия неожиданно спросил:

— Клады больше не ищешь?

— И Вы туда же? — парировал Виктор Васильевич.

— Да шучу я. У нас с тобой есть дела посерьёзнее.

Губернатор тоже подготовился к предметному разговору. Не за горами выборы, и ему были нужны проекты, о которых можно было сказать: «Вот они, реальные для города и области дела».

— Ты серьёзный бизнесмен, Виктор Васильевич, в политику не лезешь, с властью не конфликтуешь. Пришла пора нам более тесно сотрудничать. На днях еду в Москву, в министерство транспорта. В администрации президента тоже договорился о встрече. Мы уже письма отправили, теперь вот для твоих расчётов сопроводилку обстоятельную подготовим и будем вопрос решать вплотную. Ну, давай посмотрим на твоё технико-экономическое обоснование...

Более часа Таранов объяснял губернатору и его первому заму, который был приглашён чуть позднее, стратегию строительства порта и отвечал на их вопросы. Всех всё в основном устраивало. Главная задача — инвесторы, так как федеральный бюджет много денег не выделит, а самостоятельно область такой проект не потянет.

Уставший, но воодушевлённый, Таранов заехал в офис, решил неотложные дела и вечером был у себя дома. Ужинать что-то не хотелось. Он налил в широкий фужер коньяк, выпил и сел в кожаное кресло перед огромнейшим телевизором. И снова образ Ирины будил в нём воспоминания прошлых лет. А ведь была возможность им быть вместе. Уже будучи женатым человеком, в последний год двадцатого века, однажды он случайно встретил Ирину в каком-то учреждении. Они договорились встретиться, а потом он убедил её уехать с ним на неделю в Сочи. Это были те самые дни, которые забыть нельзя. Ласковое море, синее небо, уютный номер гостиницы и нежные руки Ирины. Вот оно, счастье! Но он, такой решительный в бизнесе, не проявил это качество в личной жизни, и всё осталось по-прежнему. Любовницей Ирина дальше не захотела быть и через какое то время попросила оставить её в покое. Больше встреч с ней Таранов не искал, а неудержимый темп бизнеса, который стал смыслом его жизни, вскоре сгладил душевный дискомфорт и явную досаду. Да и в семье у него сначала всё было хорошо и логично. Дочка теперь уже замуж вышла, живёт отдельно. С женой, правда, не всё так ладно, но развод он не оформлял, наверное, смысла не видел. В городе его знали, он был на виду, принимал участие в некоторых благотворительных акциях и даже на какое-то время создал свой благотворительный фонд.

Прошло несколько недель после разговора с губернатором, и Виктор Васильевич снова жил жизнью делового человека. Однажды вечером он сидел в своём любимом кресле перед телевизором. Неожиданно раздался звонок домофона. Виктор включил монитор и увидел на экране, что у калитки стоит женщина.

— Вы что хотели? — спросил он посетительницу.

— Это Ирина. Я хочу поговорить с Виктором Васильевичем.

— Ирина?! — Воскликнул Таранов и от изумления несколько промедлил с нажатием кнопки.

— Заходи.

Калитка открывалась автоматически, но надо было отпереть ещё входную дверь на крыльце.

— Ирина, здравствуй! Проходи. — Таранов распахнул перед ней дверь.

— Здравствуй! Мне надо с тобой поговорить. Можем здесь, чтобы не тревожить твоих домашних.

— Жена на курорте. Я один.

В прихожей он помог ей снять куртку, предложил тапочки, и они прошли в холл. Ирина появилась впервые в доме Виктора Васильевича и была несколько обескуражена видом просторного помещения, которое

колоннами в античном стиле, широкими мраморными ступеньками вкупе с высокими потолками больше напоминал вестибюль театра или дворца культуры. Даже мебель, сделанная по заказу в Италии, как-то терялась и казалась меньше. «Красиво, но как-то холодно от всего этого великолепия», — подумала, осмотревшись, Ирина, а вслух сказала:

— Масштабно живёшь, Виктор.

— Немного с мрамором переборщили. Да и сами помещения можно было сделать поменьше и, наверное, было бы уютнее. Ну да ладно. Я тебя чаем согрею. А можно и коньяк.

— Нет, коньяк — нет. Спасибо. А от чая не откажусь.

Хозяин усадил гостью на белый кожаный диван и пошёл на кухню, тоже немереных размеров, приготовить чай. Он поставил поднос с чашками, вареньем, конфетами на длинный журнальный стол перед Ириной и попытался завязать разговор, но Ирина отвечала кратко, и Таранов понял, что у неё действительно есть что-то важное.

— Ладно, не буду тебя пытаться своими пустыми вопросами. Колись уж, чего пришла? Я по-любому рад тебя видеть.

— Больна я, Виктор.

— Нужна помощь?

— Нет. В больницу ложусь, операцию, наверное, будут делать. Только не знаю, поможет ли?

— У тебя же мать от болезней лечила. Не научила тебя, что ли? — пробовал пошутить Таранов.

— Научила кое-чему. Только не можем мы сами себе помочь. А мамы больше нет. Да и не занималась она больше знахарством. А пришла потому, что надо предотвратить возможную беду, успеть надо. Не дай бог со мной что случится, никто тогда помочь не сможет.

— Да говори ты толком, не интригуй так.

— Виктор, у тебя во дворе клад заговорённый, и если случаем ты или твои близкие обнаружат его, быть беде.

— Ой, насмешила! С ума вы все посходили с этим кладом. Что было, то найдено, и ты знаешь об этом. В газетах писали. А больше ничего нет. Стены старого дома разломали, фундамент полностью заменили, а в огороде, когда мы с семьёй уезжали в отпуск, доморощенные искатели с металлоискателем каждый сантиметр обследовали и землю всю лопатами перекопали. Это после того, как серебро было найдено. Так что, увы, я разочарую тебя.

— Нет, Виктор, сокровища эти металлоискателем не найти. Ты вспомни, где серебро обнаружили? Да, под деревом. А почему та ёлка, которой уже нет и дуб такие хилые? Да потому, что сокровища даже деревьям не дают полноценного роста, корням мешают. У тебя под дубом второй сундук спрятан, с золотом. И пришла я заклятье с него снять. Тогда с тем, кто его найдёт, ничего не случится.

— Бред какой-то! Сказки всё это. А ты откуда про всё это знаешь?

— Я знаю немного, но что знаю — расскажу. Четыре поколения, начиная с прабабки моей Фёклы, хранили эту тайну. Знания свои по ворожбе и знахарству передавались у нас в роду по женской линии. Но всё прекратилось. Моя мама в последние годы ничем подобным не занималась и мне не велела. Да и передавать секреты некому. У меня сын есть, а дочерей нет.

— У тебя сын? Сколько лет? Чем занимается?

— В университет поступил. Первый курс.

— А я всегда сына хотел, но вот не случилось. — Таранов налил себе коньяку, помедлил и выпил. — Хорошо, допустим, я тебе поверю. А взамен что хочешь? Чтобы я золотом поделился?

— Упаси бог! Нет-нет! Да и тебе не надо бы к такому золоту прикасаться. Пойдём к дубу, я заклятье сниму, а там сам решай, как поступить.

— Чертовщина да и только, — пробурчал Виктор Васильевич, но вместе с гостьей вышел во двор, а затем отрешённо смотрел, как Ирина ходит вокруг дуба, негромко повторяет какие-то фразы и делает нелепые движения руками. Уже темнело, и фигура женщины, произносящей в сумерках то ли молитвы, то ли наборы непонятных слов, вносила какую-то нелепицу и наваждение в устоявшуюся жизнь Таранова. Эта жизнь была не всегда правильной, с точки зрения морали, часто тернистая, но с понятными для него ориентирами и правилами. И вот на тебе. Фантазмагория, да и только!

...Прошло несколько дней, Таранова не отпускали мысли о кладе. То, что рассказала ему Ирина, а она сама знала немного, было явно недостаточно для логического восприятия.

Но то, что не подвластно нашему герою, можем мы с Вами, уважаемый читатель, а потому приоткроем занавесу событий почти столетней давности.

...Губернский прокурор Семибратов Павел Петрович сидел у себя дома за столом вместе со своим старшим братом Юрием Петровичем, приехавшим из Петербурга. Разговор шёл о переезде их с семьями во Францию. Главные моменты старший брат обозначил в письмах, которые заранее присылал Павлу Петровичу, и основные приготовления были уже сделаны, но осталось не обговорённым одно очень важное обстоятельство.

— Медлить более нельзя, — говорил Юрий Петрович, — в Петербурге совсем беспокойно. Царь от престола отрёкся. Виданное ли это дело, чтобы Россия-матушка без царя осталась. Поедем в Ригу, там сядем на пароход и далее — во Францию. Активы наши на счетах и в облигациях я уже перевёл в Русский банк в Париже.

— А что делать будем с золотом и серебром? — тихо, почти шёпотом, спросил Павел Петрович: — Опасно со всем этим ехать.

— Да, не с руки забирать сейчас наследство с собой. И оставить негде, время смутное. Сделаем так: драгоценные украшения женщины наши, жёны и дочери, на себя оденут и одеждой прикроют. Туалеты их позволяют это сделать. А сундучки с монетами спрячем в доме, а когда смута закончится, вернёмся. Только прятать надо в разных местах, серебро — отдельно, золото — отдельно. Да серебра у нас и немного, а вот золота наши дед с прадедом прикопили хорошо.

— Не говори об этом. Не хуже меня знаешь, сколько крови на том золоте.

— Нечистоплюйничай, деньги не пахнут. Тебе, прокурору, как об этом не знать.

— Ладно, спрячем, а если найдёт кто?

— Думал я об этом. Фёклу, колдунью, позовём. Пусть она заклинанья страшные наложит на богатство деда нашего. Она ведь тебя боготворит. Ты же не посадил её в тюрьму, хотя доносы на неё писали. И дочка её у тебя в доме прислугой работала.

— Всё равно боязно. А вдруг скажет кому-нибудь?

— Не скажет. Мы её дочь с собой заберём и вернём, если клады целыми сохранятся. Как стемнеет, пошли за колдуньей.

Вечером Фёкла выслушала братьев Семибратовых.

— Заклятье наложу, но дочь вам не дам. Я ей свой дар должна передать. И не бойтесь, мне ваше золото ни к чему. Другим живу. Дар мой пропадёт, если его себе на выгоду пользоваться буду. Если хотите, чтобы чужая рука не прикоснулась к сундукам, в огороде выкопайте две ямы, подальше друг от друга, в одну положите золото, в другую серебро и сразу посадите на эти места дуб и ель. Дуб — на золото, ель — на серебро. Они корнями обовьют ваши сокровища, никто ввек не догадается. А я заклятья прочитаю.

— Ну, Фёкла, смотри, если что не так. На вот, возьми за труды свои, — Юрий Петрович протянул ей несколько ассигнаций. — За домом присматривай, ключи тебе оставим. Твоя дочка у нас работала, поэтому скажешь всем, что велели братья следить тебе с ней за домом. А вернёмся — забот знать не будете.

Фёкла с поклоном взяла деньги.

— Вот, а говорила — другим живёшь. Деньги всем нужны.

— Смотря какие деньги, — отвечала Фёкла, — для нужды — это можно, если, конечно, не красть, а вот для возвеличивания, обогащения или гордыни — брать нельзя.

— Не так ты проста, Фёкла, да ладно, сделаем всё, как ты сказала, а там как бог даст...

Фёкла слово сдержала, присматривала с дочкой за домом, даже мусор во дворе подметали, пока новая власть дом прокурорский не национализировала. А братья Семибратовы как в воду канули. Не было от них никаких известий. И вот, точку в этой истории надлежало поставить Ирине, что она и сделала.

Ирина лежала в больнице, в отдельной палате (Таранов постарался, позвонил главному врачу и договорился об индивидуальном уходе). Прошла неделя, но Виктор Васильевич заглянул только один раз — убедиться, что за ней соответствующий уход.

«Не до меня ему сейчас, — подумала Ирина. — Может, зря на него такой груз повесила. Сдалось это золото. Но маме обещала. Что теперь? Дело сделано».

Таранов и в самом деле был занят: днём — работой, вечером — попытками как-то осмыслить происходящее с ним в последнее время:

— А если и в самом деле под дубом закопан клад с золотом? Это ведь не серебро. Реальное может быть богатство на десятки, а то и сотни миллионов.

Виктор Васильевич святым не был, создавая свой бизнес, особенно в первоначальный период, когда он был совсем молодым и рисковым. Тогда всякие методы были в ходу. Ни себя не щадил, ни партнёров, ни конкурентов. Правда, явного криминала формально за ним не было, но грешки откровенные водились.

«Вырыть клад, воспользоваться случаем. Многие просто мечтают так обогатиться. А если там ничего нет? Мало ли что предки Ирины могли напутать. Легенды всегда обрастают всякими небылицами».

И Таранов решился. Он бензопилой спилил старый, так и не ставшим могучим дуб, причём пенёк оставил высоким. Лебёдка в его хозяйстве была, пользоваться ею он умел и однажды, ближе к вечеру, самостоятельно, с помощью лебёдки, он выкорчевал пенёк, оставшийся от дуба.

Много времени это не заняло, но под пенёком ничего не оказалось. Таранов взял лопату и начал углублять образовавшуюся яму, обрубая при этом топором оставшиеся в земле корни. Наконец, под лопатой что-то глухо стукнуло. Это были явно не корни. Виктор Васильевич с удвоенной энергией продолжал выгребать грунт и вскоре освободил от земли крышку сундука. Сундук был гораздо больших размеров, чем первый — с серебром. Таранову пришлось хорошо постараться, прежде чем он смог открыть крышку сундука, не доставая

его целиком. И вот, наконец, Таранов не без труда сначала приоткрыл крышку, а затем и полностью поднял её. Он знал, что такое оцепенение, но по-настоящему испытал это ощущение впервые. Не надо быть экспертом, чтобы понять: перед ним килограммы золота в старинных российских монетах. Это больше, чем целое состояние.

Виктор Васильевич сел на край вырытой им ямы и молча смотрел на открывшееся как в сказке сокровище. Вся его жизнь последних лет состояла в том, чтобы иметь как можно больший доход. Деньги — вот была основная цель. Ради развития бизнеса он многим жертвовал. Но сейчас, когда, казалось, судьба дарит ему то, к чему он всегда стремился, он не испытывал радости. Таранов вдруг вспомнил о той давнишней находке с серебром. Теперь он точно звонить никому не станет и сообщать о случившемся тоже не будет.

Сколько так просидел Таранов, сказать трудно, но вот он решительно поднялся, закрыл крышку сундука и стал забрасывать его землёй. Закончив работу, он оттащил подальше пень: «Потом сожгу». И выровнял место, где только что была яма.

— Не тобой положено, не тебе и брать, — с какой-то внутренней гордостью вслух произнёс Виктор Васильевич и пошёл убирать в кладовку лебёдку и инструменты.

Ему стало легко и свободно. Он впервые за несколько дней не был удручён изматывающими мыслями. Таранов стоял под вечерним небом, смотрел на вечные звёзды и вдруг почувствовал что проголодался. После ужина он долго стоял под душем, ощущая, как потоки воды смывают с него невидимую паутину, до сих пор мешавшую ему быть по-настоящему свободным в своих стремлениях.

Утром, когда Виктор Васильевич проснулся, в окно лились яркие солнечные лучи. На душе чисто, мысли ясные, и, самое главное, он был совершенно спокоен. Он знал, что делать дальше.

Поехал в офис, а ближе к обеду — в больницу, к Ирине. Он вошёл к ней в палату с огромным букетом цветов. Ирина улыбнулась и первая спросила:

— Как ты?

— Всё просто замечательно. Я всё правильно сделал, даже если не по правилам. Тебе не надо больше беспокоиться. А что тебе доктора говорят?

— Уверяют, что ситуация под контролем, и просят не бояться операции. А я и не боюсь.

— Скажи, Ирина, а кто отец твоего сына? Как у него отчество?

— Я знала, что ты догадаешься. Ты слишком умный, всегда слыл аналитиком. Какое отчество? Викторович! Какое ещё?

— Сколько лет молчала! — Таранов взял руку Ирины и прижался к ней губами. — У меня есть сын, что может быть дороже?! Расскажи мне о нём. И познакомь нас как можно скорее.

Через час Виктор Васильевич, несколько ошалевший от полученного известия, снова ехал в машине. Раздался звонок сотового телефона. Звонила секретарша с его приёмной:

— Виктор Васильевич, звонили из Московской государственной компании, они заинтересовались Вашим проектом по строительству порта. А ещё губернатор Вас спрашивал. У него приятные известия по этой же теме.

Таранов остановил машину и опустил боковое стекло «мерседеса». Солнце было в зените и осыпало землю золотом своих лучей.

Она приходит один раз

Рассказ

Артём остановился около своего вагона под номером три. Посадка ещё не была объявлена, но на табло перед платформой уже высветилась надпись с названием его города, да и сам состав был уже подан. Артём сделал несколько шагов в сторону, чтобы не мешать проходившим вдоль поезда пока ещё немногочисленным пассажирам, поставил на платформу сумку и стал осматривать, подняв голову, высокие опоры, на которых были смонтированы навесы выпуклой формы по всей площади платформ для посадки. Такая своеобразная крыша над составами, которые прибывали и отправлялись с многочисленных путей, позволяла пассажирам чувствовать себя комфортно: в любую погоду они были укрыты от дождя и снега. Да и вообще, Казанский вокзал изменился за эти годы. Артём помнил его с середины 90-х годов, когда он ещё школьником вместе с родителями неоднократно бывал здесь. Тогда вокзал даже пугал его своим шумом и столпотворением людей, которые у него вызывали ассоциацию с «броуновским движением», которому была посвящена отдельная тема в школе то ли на уроках химии, то ли физики.

Он хорошо помнил, как впервые увидел здесь на вокзале игру «в напёрсток». Тогда их поезд прибыл в Москву ранним утром, и его родители вместе с ним не спустились сразу в метро, как это обычно происходило, а зачем-то на некоторое время зашли в здание вокзала. В огромном, но ещё незаполненном в такие ранние часы пассажирами зале вокруг нескольких групп напёрсточников собирались люди и наблюдали за игрой. Ловкие мошенники, заманивая в игру простодушных наблюдателей, давали возможность угадать, под каким колпачком (напёрстком) находится шарик, своим подставным участникам, но как только в игру, с виду такую незамысловатую, вступал кто-либо из посторонних, он безоговорочно проигрывал, иногда крупные суммы. Артём стал свидетелем, как одна из жертв мошенников плакала и просила вернуть ей деньги. Тогда ещё Артём удивился: почему дежурившие на вокзале полицейские не вмешались в ситуацию, не задержали прохиндеев, а спокойно прошли мимо плачущей навзрыд женщины, нагло обманутой профессиональными напёрсточниками. Этот случай так поразил Артёма, что он одно время даже мечтал стать полицейским, непременно хорошим, чтобы арестовать всех напёрсточников. Но после окончания школы он закончил строительный вуз, а работать стал в крупном автоцентре, в отделе продаж. В связи со спецификой работы ему часто приходилось бывать в столице, и хотя появилась возможность приезжать в Москву на личной или служебной автомашине, он предпочитал поезд, а потому регулярно бывал на Казанском вокзале. Здесь уже не появлялись напёрсточники, почти исчезли попрошайки, кассы поездов дальнего следования перенесли в другое здание, и вообще, вокзал уже не пугал его, а стал необходимостью и обыденностью в его жизни. Теперь здесь можно перекусить, не опасаясь за здоровье и выпить чашку неплохого кофе, ожидая своего поезда.

Артём не любил опаздывать и всегда приезжал на вокзал загодя, покупал в большом газетном киоске газеты. Это был даже не киоск, а длинный прилавок с витражами, где продавались всевозможные журналы и газеты, затем поднимался в кафе на второй этаж, где минут 30 за кофе читал прессу. Конечно, все новости и статьи можно через планшет или телефон просмотреть в интернете, но ему нравилась привычка читать книги, журналы и газеты вживую, которую он перенял, наверное, от своих родителей, хотя они были тоже людьми образованными и легко пользовались современными средствами коммуникаций.

Артём увидел, что проводница его вагона открывает двери, и потянулся за сумкой, как вдруг услышал голос:

— Артём, ты не меняешься. Смотришь высоко, всё выше и выше. Ну, здравствуй, Динозавр инновационный.

Перед ним стояла Снежана. Она улыбалась ему со свойственной ей ироничностью и одновременно какой-то нежностью, что так приятно обволакивала его в далёкие счастливые дни. Он, удивлённый и обрадованный, даже не сразу спросил:

— Привет. Ты едешь домой?

— Да, надо родителям показаться. Пеняют, что не видят меня. Наконец, собралась. Слушай, уже посадка началась. Пойду я.

— Какой у тебя вагон? У меня вот, третий.

— Он ещё спрашивает?! Следующий конечно.

Артём вошёл в свой вагон, снял куртку, положил сумку вниз и сел у окна. Через несколько минут в купе вошла молодая приятная женщина с объёмным дорожным чемоданом на колёсиках. Артём помог ей разместить багаж, а когда поезд тронулся, они беседовали за чаем, который предложила им проводница в строгой синей униформе.

Артём поддерживал беседу, но сам понимал, что его уже не оставят мысли о Снежане.

— Молодой человек, Вы где? Я вижу, Вы весь встревоженный. Поезд — это место, где можно поделиться своими тревогами даже случайному попутчику. Я не экстраверт, но знаю, иногда достаточно выговориться.

Трудно сказать, почему, но Артём повёлся на слова этой незнакомой женщины с располагающими манерами и начал рассказывать.

Со Снежаной Артём встретился в своём городе на конкурсе «Мисс Лингва». Его младшая сестра Аня, студентка пединститута, уговорила его быть одним из спонсоров этого студенческого праздника, который сочетал в себе конкурс красоты с интеллектуальными способностями и знанием английского языка. Артём, к тому времени работавший в должности заместителя директора автоцентра, решил, что дополнительная реклама их фирме не помешает, и согласился. Сумма в качестве спонсорского взноса была приемлемой, и Артём пообещал дополнительно для каждой участницы конкурса большую коробку конфет. Его включили в жюри, а в качестве бонуса ему в конце вечера была предоставлена возможность поздравить участниц от своей фирмы и каждой вручить подарки.

Правда, Артём откровенно сомневался в своём английском, ведь одним из критериев конкурса было хорошее знание конкурсантами английского языка, но его успокоили:

— Все остальные члены жюри владеют английским на профессиональном уровне, почти все они — наши преподаватели.

В день конкурса Артём прибыл в институт в назначенное время. Его встретила Аня и проводила в актовый зал, который уже был заполнен студентами. Перед сценой стояло несколько столов, за которыми сидели члены жюри. Председатель жюри — заведующая кафедрой, — увидев Артёма, поднялась навстречу, представила его другим членам жюри и усадила на предназначенное ему место. Справа от него сидела темноволосая девушка в чёрном облегающем платье. Сверкающее кольцо на фоне чёрного платья придавало девушке аристократический вид, а стройная фигура вкупе с правильными чертами лица делали её настоящей красавицей. Артём это сразу заметил и нашёл повод обратиться к соседке с просьбой рассказать об этапах конкурса. Так они познакомились.

Снежана, сама выпускница этого вуза, преподавала английский язык в институте и знала почти всех конкурсанток. Артём отметил, что ей, Снежане, самой в пору участвовать в конкурсе красоты, и он, Артём, назвал бы её победительницей, в общем, королевой красоты. Снежана чуть улыбнулась. Было видно, что она привыкла к мужскому вниманию, но Артём ей сразу понравился своей серьёзностью и основательностью. Всё время, пока на сцене студентки старательно отработывали этап за этапом конкурсных заданий, Артём и Снежана живо общались, обсуждая какой оценки заслуживает та или иная претендентка. Во многом их взгляды совпадали, и по завершении основной части конкурса они передали листы со своими вердиктами председателю жюри. Артём понимал, что совсем скоро начнётся процедура награждений и всё закончится. Он

пытался что-то придумать. Снежана понравилась ему с первого взгляда, а к концу вечера он окончательно запал на неё. Внутри у него то горело, то щемило, и он физически ощущал, что это его девушка, несмотря на то что они познакомились всего несколько часов назад. Началось вручение подарков всем участницам, а затем процедура награждений мисс лингвы, вице-мисс, мисс очарования, мисс зрительских симпатий и т.д. Снежана на ухо Артёму комментировала каждое награждение. И пока она шептала Артёму об особенностях каждой номинации, она была настолько близко, что её волосы касались лица Артёма, а губы случайно коснулись его мочки уха. От этих прикосновений у Артёма напрочь снесло голову, таких сильных мгновенных ощущений он ещё не испытывал. «Это она, девушка моей мечты. Надо во что бы то ни стало познакомиться поближе», и он решил действовать сразу и смело.

После процедуры награждения, когда утихли аплодисменты, Артём повернулся к Снежане:

— У меня предложение. Давайте отметим мой первый опыт работы в жюри. Мой приятель — администратор в кафе. Он всё организует по высшему разряду. Я Вас приглашаю.

— Нет, Артём, это неудобно. Я не могу.

— Тогда давайте я приглашу всех членов жюри. Наверняка кто-то согласится, и мы поедем компанией.

— Это тоже не совсем прилично. Лучше я приглашу сама двух своих коллег из жюри. Думаю, на ужин они согласятся.

Обрадованный Артём позвонил в кафе, заказал столик, и уже через полчаса они сидели в уютном кафе сербской кухни. Артём, не скрывая, хотел оказать впечатление, и на их стол подали телятину с запечёнными овощами, всевозможные салаты и нарезки, фрукты и итальянское красное вино. Дамы, коллеги Снежаны, расслабились, были веселы и общительны. Артём со Снежаной снова сидели рядом, и он во время разговора, как бы невзначай, пару раз коснулся её руки. Снежана руку не убирала, но и не кокетничала. Её подругам Артём понравился, и когда он развозил их по домам, они рассыпались в комплиментах в адрес такого галантного ухажёра. Последней он отвёз Снежану. Когда машина остановилась у её подъезда, Снежана не сразу вышла, она повернулась к Артёму и сказала, что ужин был чудесным. Артём не посмел её поцеловать, но надо было что-то делать. «Надо взять у неё номер телефона», — подумал он, но вместо этого он произнёс совсем другую фразу:

— Снежана, запишите мой телефон. — И назвал короткий шестизначный номер. Девушка сидела молча.

— Извините, Снежана, я хотел спросить Ваш номер.

Она вновь посмотрела на Артёма, снова чуть улыбнулась, но опять ничего не сказала. Растерянный Артём тихо спросил:

— Почему Вы не записали мой номер и свой тоже не сказали?

Снежана улыбнулась чуть шире:

— А не надо ничего записывать. Мой номер такой же, как у Вас. Только у Вас последние две цифры 01, а у меня 02. Думаю, это Вы запомните.

Артём облегчённо засмеялся:

— Я позвоню завтра? Вы мне расскажете о закулисных интригах подобных конкурсов.

— Нет, завтра суббота. Мы с родителями на выходные уедем из города.

— Тогда в понедельник?

— Ещё раз спасибо за ужин. Я пошла. До свидания.

В понедельник Артём позвонил сначала в одиннадцать часов, затем звонил через каждые полчаса, но телефон Снежаны не отвечал. Она перезвонила сама около трёх часов дня, когда Артём окончательно сник, и объяснила, что когда у неё пара, она оставляет телефон на кафедре, а в короткие перерывы разговаривать в окружении студентов или коллег как-то неудобно.

— Я освобожусь в 18:00, — сказал Артём. — Мы можем встретиться?

— Хорошо. Надеюсь, помните, где я живу. Когда приедете, позвоните, я выйду.

С таким трепетом Артём ещё никогда не собирался на свидание. У него не было определённых планов, он просто хотел видеть эту девушку и быть с ней. Его не устроили розы в цветочном киоске, и он поехал на центральный рынок, где в цветочных павильонах было изобилие цветов самых разнообразных видов.

Сначала он хотел купить букет из пяти роз — показалось мало, семь роз — тоже не устроило, с каждой дополнительной парой роз он всё более волновался и, наконец, остановился на семнадцати розах. 17 было его счастливым числом, по крайней мере, он так считал. Спустя час, когда они со Снежаной гуляли около пруда, где белые лебеди грациозно плавали у берега и, не суетясь, подбирали хлебные крошки, которые им бросали дети и взрослые, они перешли на ты. Снежана шутливо, но назидательно объясняла ему, что на первое свидание надо приходить не с таким огромным букетом, а с одной, тремя, максимум с пятью розами.

— А то девушки твои будут думать, что ты динозавр инновационный.

— А может, я уже не захочу, чтобы у меня были свидания с другими девушками? Может, я буду приходить на свидание только к тебе. Ты мне очень-очень понравилась. Я не знаю, что происходит, но я даже уснуть не мог.

Здесь Снежана почему-то сникла и загрустила.

— Букет и в самом деле хорош. Просто шикарный. Спасибо! Только всё это напрасно. Не хочу тебе голову морочить. Ты мне тоже понравился, но встречаться мы не можем. Наша встреча с тобой — это как бы моё прощание с девичеством. Замуж я выхожу. Послезавтра еду в Санкт-Петербург. У меня там жених. Два года на стажировке за границей работал. Я его ждала. Теперь тоже преподаёт и переводами занимается.

Артём, изумлённый, только промолвил:

— Это невозможно! Я не смогу жить без тебя. Мы судьбы друг друга. Мы встретились совсем неслучайно, даже номера телефонов говорят об этом.

— Где ж ты раньше был? Где тебя носило? В одном городе живём, если судьба, раньше бы встретились. Мой жених хороший человек, я не могу его обмануть.

— Просто отмени поездку, ведь свадьба ещё не назначена. Дай мне шанс. Ты же не любишь его?

— Артём, ещё три дня назад мы с тобой были незнакомы. А сегодня ведём такие разговоры. Мы же взрослые люди. Так не бывает.

И она вдруг заплакала. Артём, пытаясь успокоить, обнимал её за плечи, гладил её волосы, и в эти минуты она была самым дорогим человеком в его жизни. Успокоившись, она сказала:

— Давай больше не будем об этом. Просто погуляем, потом ты меня угостишь кофе в новой кофейне.

Она понимала, что наваждение, так неожиданно охватившее их обоих, может быть обманчивым.

На следующий вечер он стоял у неё под окнами с огромным букетом роз, позвонил ей и просто сказал:

— Посмотри в окно. Если не выйдешь, мне придётся, как в той песне, рассыпать цветы по двору.

Снежана вышла на балкон, посмотрела на Артёма, едва удерживающего в руках десятки роз, затем со свойственной ей иронией прокомментировала:

— Усыпать двор не получится, цветов не хватит. Не буду тебя в глупое положение ставить. Заходи уж.

Так начинался их роман.

Первая их близость произошла не сразу. У одного из сотрудников фирмы, где работал Артём, временно освободилась квартира, и он привёз Снежану туда, предварительно сменив всё постельное бельё и поставив в зале на стол вазу с цветами. Она не отказалась от бокала шампанского, но выпила совсем немного и вела себя обычно, хотя явно понимала, что сегодня должно произойти. Когда они были уже в постели, и он беспрерывно целовал её, она неожиданно заплакала. Артём был настолько удивлён, что не сразу спросил:

— Что случилось, милая моя? Ты что? Я ведь люблю тебя.

— Нет, ты любишь мою внешность, моё тело, у тебя просто страсть, но ты всю меня не любишь.

— Господи, что ты говоришь? Я очень трепетно к тебе отношусь, и никогда у меня до тебя не было таких чувств к девушкам. Если хочешь, я сегодня не буду настаивать. Давай отложим. Я могу подождать, если тебе нужно ещё время.

Но через несколько минут Снежана успокоилась, и у них была первая ночь с всплесками эмоций души и тела. Утром счастливый Артём шутливо говорил Снежане:

— Сама ты динозавр. Я думал, ты девушка современная, а ты чисто тургеневский персонаж. Я люблю тебя. Слушай, ты что, часто плачешь?

— Да нет. Вообще, плакать — это не моё. Сама удивляюсь.

Они были очень красивой парой. Молодые, оба имевшие неплохой вкус в одежде, когда они гуляли по городу, причём Снежана непременно брала Артёма под руку, то некоторые прохожие даже оборачивались, чтобы полюбоваться такой гармоничной парой. Они любили ходить в театр, и делали это довольно часто, причём Артём иногда специально брал билеты в ложу. Ему нравилось держать Снежану за руку и смотреть перед началом спектакля вниз, на других зрителей, испытывая при этом чувство восхищения за свою девушку и чувство гордости за себя. Он купался в её нежности, заботе и каком-то непонятном ощущении, что этой девушке дано знать то, что не знает он. Иногда она с чисто женской непосредственностью могла остановить его излишнюю эмоциональность или поправить слишком резкое о чём-либо суждение. Когда он с иронией говорил ей об этом, она со свойственной ей светлой улыбкой отвечала:

— Я тебя на два года старше, и это даёт мне право чуточку опекать тебя. Но я готова признать твоё лидерство, как только ты решишь сделать этот шаг.

Артём понимал, на что намекала его милая спутница, но не спешил делать предложение. Он жил с родителями и с сестрой в обычной трёхкомнатной квартире и надеялся вскоре накопить на первый взнос ипотеки, рассчитывая, что его квартира будет в новом доме и не выше пятого этажа. Он мечтал, что долгожданный момент обставит очень красиво: приведёт в новое жильё Снежану и там как состоявшийся мужчина сделает предложение своей избраннице. Ему нравилось делать красивые жесты, но при всём этом, он умел оставаться реалистом и заранее просчитывал свои шаги.

По пятницам он с друзьями иногда устраивал мальчишники: они собирались в ночном клубе, играли в бильярд и просто тусили, а в воскресенье играли в футбол в спортивном зале. Снежана иногда приходила ближе к концу футбольных баталий, садилась на втором этаже спорткомплекса, где были места для зрителей, и смотрела на игру своего Артёма. Она всегда приносила с собой морс из клюквы, чайный настой из шиповника или какой-либо другой напиток из трав или ягод. После тренировки они садились в машину, и она угощала его «напитками богов», как искренне говорил Артём.

Снежана первая познакомила своего Артёма с родителями. Она так и сказала ему:

— Моя мама хочет с тобой познакомиться.

— Ты что, рассказываешь обо мне своей маме?

— Нет, но от неё я не могу скрыть свои влюблённые счастливые глаза. Она давно всё поняла.

После таких слов Артём возражать не мог и познакомил девушку и со своими родителями, хотя они уже всё знали от Ани.

Казалось, их безоблачным отношениям ничто не угрожает, они любили друг друга и не давали повода для ревности. Они даже почти не ссорились, так как Снежана или уступала своему мужчине, или давала время ему остыть. Первая трещина в их отношениях появилась на ровном месте. Снежана целый день не отвечала на его звонки. Вечером он всё же дозвонился до неё.

— Ты где? Почему не отвечаешь?

— Я весь день сопровождала, в качестве переводчика, одного итальянца. Одна фирма обратилась к нам на кафедру, и работать с иностранцем поручили мне.

— Ты не знаешь итальянского.

— Нет, но он хорошо говорит по-английски.

— А сейчас ты где?

— В ресторане. Руководитель фирмы отмечает с ним подписание документов. Я перевожу. Извини, мне, правда, некогда. Позвоню завтра.

Но на другой день, а это была суббота, Снежана не звонила. Рассерженный Артём вечером набрал её номер.

— Что происходит?

— Я отсыпалась. Вчера будущие компаньоны очень долго не расставались. Домой приехала за полночь.

— Ты ночами сидишь в ресторане с мужиками и считаешь это нормальным?

— Я не думала, что переговоры так затянутся, но они хорошо заплатили.

— Ты что, девушка из эскорта?

— Не оскорбляй меня. Для меня это хорошая практика.

— Ты провела ночь неизвестно где и говоришь, что это хорошая практика? Вы чем занимались?

— Артём, остынь. Не заставляй меня думать, что ты мне не веришь. Давай оба успокоимся и созвонимся через пару дней.

Артём бросил трубку. Он был в бешенстве. «Мало того, что она сидела в ресторане в обществе чужих мужчин, так она его ещё и видеть не хочет. Два дня. Да вообще, неделю звонить не буду». Но через два дня они помирились.

Снежана обнимала Артёма и ласково вразумляла своего всё ещё обиженного героя:

— Ты не просто динозавр, ты, оказывается, занудный динозавр.

Вторая их размолвка произошла, когда Снежана вместе с подругой уехала на психологические курсы в другой город. Курсы были однодневные и вечером того же дня они должны были вернуться, но не вернулись. Телефон не отвечал. Наконец, поздно вечером Снежана ответила:

— Мы решили не возвращаться сегодня. Завтра утром приедем на первой маршрутке. Переночуем в гостинице.

— Но ты говорила, что сегодня вечером вернёшься. Почему ты меня обманываешь?

— Послушай, Артём, у меня до тебя была своя жизнь, работа, подруги, увлечения. Я не могу всё это разом бросить. Я и так уже растворяюсь в тебе. И даже не знаю, хорошо это или нет.

Но и в этот раз они помирились спустя несколько дней. Артём опять выговаривал Снежане:

— У меня какая-то химическая зависимость. Я не могу представить свою жизнь без тебя. Ну почему ты так себя ведёшь? Даже одного слова неправды я не хочу от тебя слышать.

И снова Снежана увещала любимого:

— А как же женское лукавство? Ведь оно иногда только во благо отношений. И потом, мне никто не нужен кроме тебя. Ты лучший.

— Тебе есть с кем сравнивать? Я ничего не знаю о твоей прошлой жизни.

— Это всё было до тебя. Если будешь настаивать, я расскажу, но давай не сейчас.

Следующие полгода у них прошли как медовый месяц. Они смогли даже выкроить время и съездить на несколько дней в Санкт-Петербург полюбоваться осенним городом на Неве. Приближался очередной Новый год. Надо было планировать, как его встретить. Артём надеялся встретить Новый год со Снежаной, но родители настояли, чтобы он в новогоднюю ночь был с ними.

Снежана отреагировала на это сдержанно:

— Ладно, тогда я тоже дома с мамой и папой буду. Увидимся второго.

Но до второго января Артём, конечно, ждать не стал. В новогоднюю ночь он начал ей звонить в 23 часа, чтобы пожелать счастливо проводить старый год, Снежана не отвечала. Он звонил сразу после боя курантов для новогоднего поздравления, ответа не было. Снежана ответила только в три утра, поблагодарила за поздравление и сама пожелала счастья в новом году.

— Подожди, я слышу скрип снега. Ты что, на улице?

— Да, в центре, на ёлке.

У Артёма ёкнуло сердце в недобром предчувствии.

— Ты встречала Новый год не дома?

— Получается, да, не дома.

— И где? С кем?

— В одной компании.

— В какой ещё компании? Ты говорила, что будешь встречать Новый год с папой и мамой.

— Потом объясню. Хочу спать. Я иду уже домой. Пока.

Утром второго января Артём приехал к Снежане домой. Она была одна.

— Родители в гости ушли. Салаты кушать будешь? У нас и вино хорошее осталось.

— Снежана, объясни: где и с кем ты была? Только без так называемого женского лукавства. Правду скажешь?

— Я скажу правду, но пообещай, что ты не будешь истерить. Ничего не было.

— Что значит «ничего не было»? Ты с кем была?

— Пару недель назад в город вернулся мой одноклассник — Платон. Он за мной всегда бегал. После школы ушёл в армию, потом работал несколько лет в Сибири. Теперь вот вернулся. Пробовал за мной снова ухаживать, но я дала понять, что у меня всё хорошо.

— Но зачем ты встречала с ним Новый год?

— Он уговорил меня. Сказал, что неудобно одному появляться в компании, где он собирался встретить Новый год. Обещал вести себя очень корректно.

Артём с изумлением смотрел на Снежану.

— Ты меня разыгрываешь?

— Как-то в самом деле нелепо получилось, но это так.

— Платон? Это что, кличка такая?

— Да нет, так его родители при рождении называли. Это его имя.

— Платон? Ты что, с ним встречалась за эти две недели?

— В том смысле, что ты вкладываешь, нет. Но он приходил пару раз ко мне домой.

— Зачем? Зачем он к тебе приходил?

— Замуж звал.

— Замуж? И что, ты не вышла? Или выбираешь? Смотрю, у тебя широкий выбор.

— Да нет, я не выбирала. Я вообще-то за тебя замуж хотела. Да, видно, не судьба.

— Какая судьба? Ты сама всё растоптала. Всё разрушила. Ты просто дрянь!

Снежана повернулась к Артёму и тихо, но твёрдо сказала:

— Не надо, Артём. Я виновата, но не заслужила оскорблений. Ты успешный и перспективный. У тебя всё будет хорошо. Прощай. Не приходи больше.

Артём даже не помнил, как добрался до дома. Через несколько дней он всё же уступил расспросам матери и рассказал ей всё.

— Знаешь, сынок, решать тебе. Скажу только, нельзя начинать совместную жизнь со лжи или даже неопределённости.

Прошло несколько недель. Он всё же решил сделать попытку поговорить со Снежаной и позвонил. Телефон был недоступен. Через несколько дней на кафедре, куда он пришёл специально, ему рассказали, что она уехала работать в Москву.

— Но учебный год не закончился.

— Она договорилась с деканатом. Ей было очень надо. Сказала, по семейным обстоятельствам. Мы думали, что она с Вами уехала.

Больше попыток увидеть Снежану он не предпринимал. Но и забыть её не мог. Постоянно анализировал последнюю ссору и понимал, что погорячился. «Да и вообще надо было своё сердце слушать, а не родителей». И твёрдо решил жить отдельно.

Прошло ещё несколько месяцев. Однажды в воскресенье в спортзале во время игры он ощутил, что на него кто-то смотрит со зрительской трибуны. Артём поднял голову и увидел Снежану на своём месте, как и год назад. В этот момент он почувствовал толчок и упал. Обычная футбольная ситуация, но когда он поднялся, Снежаны уже не было. Он побежал к выходу, но она исчезла. Продолжать игру он не мог. Сослался на боль в ноге и направился в душевую. «Приехала? Пришла посмотреть? А может, всё ещё любит? И я напрасно обидел её?»

Через несколько дней на работе один из сотрудников фирмы зашёл к нему в кабинет и попросил помочь:

— Там клиент. Покупает машину. Заказал дополнительные опции, но с ценами на их установку не согласен, говорит, в интернете другой прейскурант.

Артём подошёл к клиенту, представился, спросил:

— Как к Вам обращаться?

— Платон. Можно просто Платон.

Артём за годы работы научился себя вести, клиенты бывали всякие, но сейчас на мгновение остолбенел, услышав это имя. Затем взял себя в руки и, пообщавшись с клиентом, вопрос был исчерпан. Когда сотрудники разошлись, Артём обратился к клиенту:

— Платон, ты общаешься со Снежаной? Где она?

Тот взглянул на Артёма, но ответил не сразу:

— Снежана в Москве. Недавно сюда приезжала. Кстати, поздравила меня со свадьбой. Женился я. — И, помедлив, добавил: — Ты зла на меня не держи. Снежана мне всё рассказала, только запретила мне с тобой объясняться. А так я хотел тебе всё рассказать. У нас ничего не было. Она тебя любила, а может, и любит ещё.

...В купе заглянула проводница:

— Чаю ещё не хотите?

— Нет, спасибо.

И когда она вышла, Артём продолжил:

— Вот, в общем, и вся история. Времени много прошло, но я так и не смог её забыть. Представляете, знакомлюсь с девушкой, иду с ней, а мне кажется, что это Снежана рядом идёт. Занозой сидит в моём сердце. Сейчас она в соседнем вагоне, и я не знаю, что делать. Хотел поговорить, но боюсь чего-то. Может, она уже замужем.

— Послушай, Артём, — отвлекла его от воспоминаний собеседница. — Давай я тебе расскажу другую историю. Может, она тебе подскажет, что делать.

Эта история началась раньше твоей истории на 20 с лишним лет. Лариса приехала на южный берег Крыма не в первый раз. В Ялте жила её тётка, и Лариса останавливалась у неё в частном доме, жила в пристроенной веранде, так как все остальные помещения дома тётка в летние месяцы сдавала постояльцам. Так делали все местные жители. Обычно Лариса приезжала на море с мамой или подругой, но в этот раз родители посчитали, что она достаточно взрослая (закончила 4 курса института), и отпустили её в Ялту одну, правда, всего на две недели, но это всё равно было для Ларисы целым событием.

Весь день Лариса провела на пляже, а вечером ушла на дискотеку. Городская дискотека представляла собой огромную площадку размером не меньше стадиона, где собирались отдыхающие, преимущественно молодые люди. Музыка не умолкала не на минуту. Как они разглядели друг друга в этой круговерти, среди сотен танцующих юношей и девушек, сказать сейчас трудно, но с первых минут их знакомства Лариса поняла, что это тот самый принц, о котором мечтает любая девушка.

Севастьянов Герман Силантьевич — так представился остроумный молодой человек, который заметил Ларису среди толпы, что была в постоянном движении, ритмично освещаемой бликами светомузыки. Танцевал он красиво, в его движениях различался определённый рисунок, а Лариса, всегда любившая танцы и занимавшаяся ими с детства, не просто танцевала, а кружила вокруг Германа, словно порхая, не замечая больше никого вокруг себя. С дискотеки они возвращались вместе. Герман в детстве занимался музыкой, но со временем понял, что это не его, и год назад окончил институт по специальности «станки с программным управлением». Ларисе, тяготевшей к гуманитарным предметам, специальность эта казалась жутко сложной, но это ещё больше подчёркивало в её глазах неординарность Германа, начиная с его имени и привычкой всё подвергать сомнению.

Герман приехал в Ялту на пару дней раньше Ларисы, снимал комнату в городской квартире.

— Но это же дорого? — спросила Лариса. — Зачем тебе целая комната? Обычно в летний сезон молодые люди снимают просто койку.

— Через неделю приедет мой друг. Он пробудет здесь всего несколько дней, а уедем мы уже вместе.

Следующим утром на пляж они шли вдвоём. Впрочем, вместе они были уже каждый день и вечер. Для Ларисы впервые по-настоящему понравившийся мужчина казался неким божеством, с которым ей было настолько легко и просто, что от нахлынувшего на неё счастья она забыла про обязательные звонки домой по междугородному телефону. Забыла она и про наказания матери, которая несколько раз объясняла Ларисе, перед тем как отпустить её одну в Ялту, что на юге все мужчины хотят лишь одного: обольстить, весело провести время, а потом уехать и забыть.

Лариса с Германом кроме купания в тёплой воде Чёрного моря почти ежедневно отправлялись на прогулку или в поездку: Ботанический сад, Ай-Петри, Бахчисарай, Ливандийский дворец, Севастопольская бухта и т.д. В принципе, Ларисе было всё равно, куда идти или ехать с Германом, она сияла от одного его присутствия и всей своей женской сущностью осознавала, что это тот единственный, с которым она будет всю жизнь. Они обязательно будут счастливы, ведь они так любят друг друга.

Неделя пролетела так быстро, что казалось, все эти дни — это один миг, обворожительный и счастливый. Но однажды вечером, когда они, гуляя по набережной, спустились к морю и уселись на большой камень в нескольких метрах от плескавшейся тёмной воды, Герман взял её за руку и сказал, что им надо поговорить.

— Мне важно тебе кое-что рассказать. Я уже принял решение и не хочу расставаться с тобой, но будет честнее, если я тебе всё расскажу сейчас.

— Надеюсь, ты не объявишь мне, что женат? Ты же не хочешь, чтобы я стала русалочкой? Я не смогу уже без тебя.

— Нет. Всё не так страшно, но сказать должен. Завтра ко мне приезжает не друг, а моя девушка, то есть моя бывшая девушка. Она приедет, и я ей всё расскажу, она поймёт.

— Но почему ты ей не позвонил по междугороднему телефону и не объяснил всё? Ведь у нас с тобой всё серьёзно?

— Да, конечно, но я не могу сейчас её расстраивать.

— Что значит «не могу расстраивать»? Ведь объясниться с ней всё равно придётся.

— Да, но не сразу. Понимаешь, мы ведь заявление в загс подали, и ещё, она, в общем, беременна.

Несколько минут Лариса сидела молча, затем долго плакала, не слыша, как Герман пытался ей что-то говорить и успокоить. Затем она решительно встала и ушла, запретив Герману провожать её.

Мир её рухнул. Она знала, что такое боль, невезение, утрата, но что такое несчастье, она до этого не знала. Жизнь её потеряла всякий смысл, и она, наверное, могла сделать этот последний шаг, но интерес ко всему был настолько утерян, что она не могла сосредоточиться на том, как это сделать.

Весь следующий день она пролежала в кровати, пролив на подушку море слёз. Ближе к вечеру в окно веранды раздался стук. За окном стоял Герман. Лариса нашла силы выйти и выслушать его.

— Я ведь не знал, что встречу тебя. Влюбился в тебя сразу, но и сволочью я быть не могу. Девушка сегодня прилетела, а ей такое выдам. Давай сделаем так: через неделю мы с ней улетаем обратно. В своём городе я ей всё расскажу, и мы с тобой всегда будем вместе. Институт ты можешь закончить заочно, уже в нашем городе. Поверь, я люблю тебя. Я знаю, что такое курортные романы, но к нам это не относится. Вот я прошу у тебя прощения, но в чём я виноват?

— Я тебя не обвиняю ни в чём, но знаю одно: я не вправе решать судьбу другого совсем незнакомого мне человека — твоей девушки. Вот она действительно ни в чём не виновата. Прощай, не приходи больше.

— Мы будем жалеть об этом всю жизнь. Она приходит только один раз и навсегда. Нельзя от неё отрезаться.

— Кто приходит?

— Любовь. Настоящая любовь приходит один раз и остаётся навсегда, если она настоящая.

— Это любовь, а у тебя был курортный роман. Уходи.

Вечером Лариса с переговорного пункта позвонила домой и, всхлипывая, говорила:

— Мама, я хочу домой, но мой самолёт через неделю.

— Забудь про самолёт и всё остальное. Утром на автобусе едешь в Симферополь, там берёшь билет на любой поезд до Москвы. В Москве сделаешь пересадку и уже через два дня будешь дома.

...Забыть Германа было непросто. Однако жизнь продолжалась. Лариса вышла замуж, родила двоих детей. Нельзя сказать, что она не любила мужа, но те чувства, которые она испытала к Герману, уже никогда не повторились. Больше в Ялту она уже не ездила. Делала это скорее умышленно. Но однажды ей пришлось поехать в Симферополь на конференцию. Была осень, закончился бархатный сезон, на вокзале, где она ожидала объявление на посадку на свой поезд в обратный путь, было достаточно многолюдно. И снова среди массы людей они увидели друг друга. Он целовал ей руки, повторяя:

— Я знал, что мы встретимся. Каждый день я думал о тебе.

— Герман, милый, скоро посадку на мой поезд объявят. Он через час с небольшим отправляется. Давай посидим в сквере на скамейке. Сегодня не холодно, но сезон, похоже, закачивается.

Она говорила излишне спокойно, как-то даже обыденно, а в груди у неё всё пылало: вот её родной, любимый человек. Не оставляй его больше. Это же твоя судьба. Но вместо этого она рассказывала о своей работе, детях, муже, спрашивала о его успехах на машиностроительном поприще и станках с программным управлением.

— Станки, похоже, уже никого не интересуют. Да и вообще, оборонка не в почёте. Пришлось как-то выкручиваться. Однако не бывает худа без добра. В общем, создал свою фирму, много чего было, но сейчас на плаву.

— Ты живёшь с ней, с той девушкой?

— Да, но я ей всё рассказал, правда, не сразу, через несколько лет. Мне казалось, что если я признаюсь, то обязательно ещё раз увижу тебя. Видишь, сбылось.

— И что она? Простила?

— Видимо, да. По крайней мере, не корит, я даже дочку назвал Ларисой.

— А я сына — Германом. Он с таким именем один на всю школу.

Час прошёл незаметно. Лариса встала со скамейки.

— Мне пора. Я была рада тебя видеть. Очень рада. Видишь, у нас всё хорошо. Не провожай.

Она обхватила его за шею и прижалась, словно пытаясь впитать его на всю оставшуюся жизнь. А он, обнимая её, прошептал только:

— Береги себя.

...Попутчица Артёма замолчала, при этом была какой-то просветлённой. Артём осторожно спросил:

— Скажите, это Вы о себе рассказывали? Лариса это Вы?

— Сейчас уже Лариса Николаевна.

— И что? Вы больше не встретились?

— Всю жизнь я чего-то ждала, хотя жила, как мне казалось, обычной и даже размеренной жизнью. Дети выросли, у них своя жизнь. Два года назад умер муж. А несколько недель назад по радио, которое у меня на даче включено постоянно, я услышала свою историю и просьбу откликнуться от Севастьянова Германа Силантьевича. Он сейчас свободен и разыскивает меня по всей стране. Озвучили даже телефон редакции, но я и без телефона могла его по интернету найти. Он в своём городе человек не последний. Важно, что он меня нашёл. Мы, конечно, сразу созвонились, и вот я еду к нему. Думаю, навсегда. А теперь решай, Артём, надо ли ждать всю жизнь? Настоящая любовь приходит один раз. Иди к своей Снежане в соседний вагон и не отпускай больше. Любящие друг друга люди имеют право быть вместе, несмотря ни на какие обстоятельства.

— Вы удивительная женщина. Вы сняли с меня все сомнения. Мы Вас на свадьбу пригласим, если...

— Без всяких если. Иди и борись за свою любовь.

СОДЕРЖАНИЕ

Н. Дорошенко

О жизни такой...

- 3 –

Не переступить черту

Повесть

- 7 –

Вологодский приворот

Рассказ

- 233 –

Твой день, Владимир!

Рассказ

- 247 –

Мужские слёзы

Рассказ

- 258 –

Не тобой положено, не тебе и брать

Рассказ

- 275 –

Она приходит один раз

Рассказ

- 291 –

Литературно-художественное издание

Подольский Анатолий Анатольевич

НЕ ПЕРЕСТУПИТЬ ЧЕРТУ

Повесть, рассказы

Ответственный за выпуск Ю.И. Соловьев

Редактор Н.В. Лихачева

Компьютерная вёрстка С.Г. Куклиной

Дизайн обложки В.В. Безденежных

Знак информационной продукции

Согласно ФЗ от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ

Подписано к печати 30.06.2021. Формат 84x108/32.

Бумага офсетная. Гарнитура «Times». Печать офсетная.

Печ. л. 10,0. Тираж 500 экз. Заказ № 1362. Изд. 26.

ГУКП РМЭ «ИД «Марийское книжное издательство».

424006, РМЭ, г. Йошкар-Ола, ул. Панфилова, 39.

Отпечатано в ООО ИПФ «СТРИНГ»

424000, Республика Марий Эл, г. Йошкар-Ола,

Ул. Строителей, д. 95, корпус 101 А, помещение 12 – 12 А.